

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Том I

№ I

2017

CURRENT
ISSUES
OF THE STATE
AND LAW

Том 1, № 1. 2017

Научно-практический

юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Vol. 1, no. 1. 2017

Scientific-practical

legal journal

Established in February, 2017

Issued 4 times a year

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный
университет имени Г.Р.Державина»
(392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

The establisher:

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Tambov State University named
after G.R. Derzhavin”
(33 Internatsionalnaya St.,
Tambov, 392000)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина», 2017. Все
права защищены.

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные
проблемы государства и права», 2017.

© Редакция журнала «Актуальные проблемы го-
сударства и права», 2017.

При перепечатке, а также при цитировании
материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций
несет автор.

© FSBEI of HE “Tambov State University named
after G.R. Derzhavin” 2017. All rights reserved.

© Editorial board of the journal “Current Issues of
the State and Law”, 2017.

© Editorial of the journal “Current Issues of the
State and Law”, 2017.

The reference is obligatory while reprinting and
citation of materials.

The responsibility for the content rests for the au-
thor.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

к.ю.н., доцент В.А. Шуняева (зам. гл. ред.), к.ю.н. Р.В. Зелепукин (отв. секретарь),
к.ю.н. М.В. Андрияшко (Республика Беларусь, г. Барановичи), д.ю.н., профессор
С.Ф. Афанасьев (г. Саратов), к.ю.н., доцент А.Г. Дейнеко (г. Москва), к.ю.н., доцент
Н.С. Ельцов (г. Тамбов), к.ю.н., доцент А.В. Захаров (г. Тамбов), к.ю.н., доцент
А.Д. Золотухин, доктор права А. Илиевски (Республика Македония, г. Свети Николе),
к.ю.н., доцент С.Е. Каиржанова (Республика Казахстан, г. Астана), д.ю.н., про-
фессор Т.М. Клименко (г. Тамбов), д.ю.н., профессор С.А. Комаров (г. Москва),
к.ю.н., доцент А.В. Кочетков (г. Воронеж), д.ю.н., доцент И.Б. Лагутин (г. Курск),
д.ю.н., профессор Н.А. Лопашенко (г. Саратов), к.ю.н., доцент В.В. Лосев (Республика
Беларусь, г. Минск), д.ю.н., доцент Р.Б. Осокин (г. Москва), д.ю.н., профессор
К.К. Панько (г. Воронеж), д.ю.н., профессор В.П. Ревин (г. Тамбов), д.ю.н., доцент
С.В. Рыбакова, д.и.н., проф. В.В. Соловьёва (г. Липецк), к.ю.н., доцент В.И. Торгов-
ченков (г. Тамбов), д.ю.н., доцент В.В. Трофимов

EDITOR-IN-CHIEF: Candidate of Jurisprudence V.Y. Stromov

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor V.A. Shunyaeva (Deputy Editor-in-chief),
Candidate of Jurisprudence R.V. Zelepukin (Executive Editor), Candidate of Jurisprudence
M.V. Andriyashko (the Republic of Belarus, Baranavichy), Doctor of Jurisprudence, Pro-
fessor S.F. Afanasev (Saratov), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor
A.G. Deyneko (Moscow), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor N.S. Eltsov
(Tambov), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.V. Zakharov (Tambov),
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.D. Zolotukhin, Doctor of Law
A. Ilievski (the Republic of Macedonia, Sveti Nikole), Candidate of Jurisprudence, Asso-
ciate Professor S.E. Kairzhanova (the Republic of Kazakhstan, Astana), Doctor of Jurispru-
dence, Professor T.M. Klimenko (Tambov), Doctor o Jurisprudence, Professor
S.A. Komarov (Moscow), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.V. Kochetkov
(Voronezh), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor I.B. Lagutin (Kursk), Doctor of
Jurisprudence, Professor N.A. Lopashenko (Saratov), Candidate of Jurisprudence, Asso-
ciate Professor V.V. Losev (the Republic of Belarus, Minsk), Doctor of Jurisprudence, As-
sociate Professor R.B. Osokin (Moscow), Doctor of Jurisprudence, Professor K.K. Panko
(Voronezh), Doctor of Jurisprudence, Professor V.P. Revin (Tambov), Doctor of Jurispru-
dence, Associate Professor S.V. Rybakova, Doctor of History, Professor V.V. Solovyeva
(Lipetsk), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor V.I. Torgovchenkov (Tambov),
Doctor of Jurisprudence, Associate Professor V.V. Trofimov

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора, ректора Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина	5	Introductory word of the Editor-in-chief, rector of Tambov State University named after G.R. Derzhavin	5
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА		GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	
<i>Ельцов Н.С.</i> Профессиональные юридические общественные объединения в структуре гражданского общества	7	<i>Eltsov N.S.</i> Professional legal public associations in the civil society structure	7
<i>Радаева С.В.</i> Соотношение и взаимосвязь юридической техники и юридической практики	18	<i>Radaeva S.V.</i> The ratio and the correlation of legal technique and legal practice	18
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО		SUBSTANTIVE LAW	
<i>Арзуманова Л.Л.</i> К вопросу о месте аудиторского контроля в системе финансового контроля Российской Федерации	26	<i>Arzumanova L.L.</i> To the question of the place of audit control in the financial control system of the Russian Federation	26
<i>Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н.</i> Роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в регулировании отношений в сфере финансового рынка	35	<i>Pastushenko E.N., Zemtsova L.N.</i> The role of legal acts of the Central Bank of the Russian Federation in regulating relationship in financial market sphere	35
<i>Кузнецова О.А.</i> Субъект коррупционного преступления: проблемы понимания	46	<i>Kuznetsova O.A.</i> The subject of corruption crimes: the problem of understanding	46
<i>Иванова Н.А.</i> Проблемы установления происхождения детей, рожденных при использовании суррогатного материнства	57	<i>Ivanova N.A.</i> The problems of establishing the parentage of children who were born with the usage of surrogacy	57
<i>Старкова М.С.</i> Проблема залога акций	70	<i>Starkova M.S.</i> The problem of the pledge of shares	70
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО		PROCEDURAL LAW	
<i>Борисова В.Ф.</i> «Тернистый» путь унификации цивилистического процессуального законодательства	78	<i>Borisova V.F.</i> The “thorny” path of civil procedural law unification	78

<i>Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. К вопросу о развитии упрощенных форм судопроизводства в цивилистическом процессе</i>	90	<i>Postovalova E.V., Shumeyko E.S. To the question of development of a simplified form of court procedures in civil proceedings</i>	90
<i>Волчихина Л.А. Приказное производство и упрощенное производство как элементы эволюции письменной процессуальной формы гражданского судопроизводства</i>	97	<i>Volchikhina L.A. Writ proceedings and simplified proceedings as elements of evolution of the written form of action of civil court procedure</i>	97

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Блохин В.Н. Белорусский опыт интеграции беженцев</i>	104
<i>Ортханова Т.М., Лосев А.В. Российский и немецкий нотариаты в правоохранительной системе: некоторые законодательные аспекты</i>	110

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

<i>Соловьева В.В. Влияние духовно-культурологического подхода на процесс трансформации функций права</i>	121
<i>Захаров А.В., Попов А.Г. Обеспечение экологической безопасности в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству</i>	131
<i>Правила для авторов</i>	141

<i>Postovalova E.V., Shumeyko E.S. To the question of development of a simplified form of court procedures in civil proceedings</i>	90
<i>Volchikhina L.A. Writ proceedings and simplified proceedings as elements of evolution of the written form of action of civil court procedure</i>	97

NATIONAL SECURITY

<i>Blokhin V.N. Belarusian experience of refugee integration</i>	104
<i>Ortskhanova T.M., Losev A.N. Russian and German notaries in the law enforcement system: some legal aspects</i>	110

LAW IN THE SOCIAL SCIENCES SYSTEM

<i>Solovyova V.V. The influence of the spiritual and cultural approach to the process of transformation of the functions of law</i>	121
<i>Zakharov A.V., Popov A.G. Ensuring ecological safety in the conditions of modern global environmental challenges to mankind</i>	131
<i>Regulations for contributors</i>	141

Уважаемые коллеги!

Рады Вас приветствовать на страницах научно-практического юридического журнала «Актуальные проблемы государства и права»!

Журнал учрежден Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и направлен на эффективную взаимосвязь между юридической наукой, образованием и практикой. Рубрики журнала станут площадками для обсуждения актуальных вопросов совершенствования законодательства и правоприменения на внутригосударственном, межгосударственном и международном уровнях. Миссия журнала заключается в популяризации результатов передовых правовых научных исследований, представлении их широкому кругу читателей.

Структура журнала включает в себя три типа рубрик. Во-первых, это теоретические и отраслевые юридические исследования, где предполагается публикация по тематикам общей теории государства и права, а также материального и процессуального права. Во-вторых, это юридические исследования, связанные с отдельными сферами деятельности или смежные с другими научными специальностями. Здесь предлагается освещать вопросы национальной безопасности, государственного и муниципального устройства, а также анализ правовых явлений и институтов в системе социальных наук. В-третьих, в перспективе это аналитические обзоры, включающие в себя обзоры законодательства и правоприменительной практики, материалы научно-практических мероприятий.

Тем самым журнал призван освещать не только сугубо правовые аспекты, но и междисциплинарные проблемы, связанные с юриспруденцией, что в настоящее время приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Работая над концепцией журнала, этической политикой, требованиями к подготовке публикаций и их рецензированию, мы исходили как из традиций отечественной юридической науки, так и опыта зарубежных изданий. Концепция журнала была поддержана ведущими учеными-правоведами, что предопределило формирование редакционной коллегии из разнообразных юридических школ как России, так и зарубежья. Редакционная коллегия объединила в себе представителей Саратовской государственной юридической академии, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Воронежского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и го-

сударственной службы при Президенте Российской Федерации, Юго-Западного государственного университета и других отечественных образовательных центров, а также Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Барановичского государственного университета (Республика Беларусь), научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Международного славянского университета «Г.Р. Державин» (Республика Македония).

Первый выпуск является пилотным и призван привлечь внимание общественности к журналу. Публикации первого номера посвящены профессиональным юридическим объединениям, взаимосвязи юридической техники и юридической практики, осмыслинию публичного интереса, анализу финансового контроля, противодействию коррупции в контексте субъектов правонарушений и многим другим актуальным аспектам государства и права.

Выражаем благодарность членам редакционной коллегии за проделанную работу в подготовке первого выпуска журнала и авторам за интерес к изданию с первых дней его существования.

Надеемся, что издание журнала «Актуальные проблемы государства и права» внесет свой вклад в развитие государства и права, их модернизацию, содействует совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, будет представлять значимость для организации деятельности институтов публичной власти и гражданского общества.

*Главный редактор научно-практического юридического журнала
«Актуальные проблемы государства и права»,
ректор Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина
В.Ю. Стромов*

УДК 340.0

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© Н.С. Ельцов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: 120001k@mail.ru

Аннотация. Раскрыты особенности местоположения профессиональных юридических общественных объединений в структуре гражданского общества. Отмечено, что их роль определена несколькими обстоятельствами, в частности, возрастанием их участия в жизни общества и государства, что подтверждается тем, что в деятельности практически всех современных профессиональных юридических общественных организаций существуют такие важные направления, как бесплатная юридическая помощь и правовое просвещение, общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов, противодействие коррупции, содействие кадровому отбору в институтах публичной власти, а также значимостью их в становлении институтов гражданского общества и в функционировании государства, что необходимо учитывать при развитии современного российского законодательства в целях учета особенностей и тенденций влияния объединений юристов на реализацию социально-ориентированных функций государства. Проанализированы роль профессиональных юридических общественных объединений и их влияние на деятельность государства, в частности, в реализации его отдельных функций.

Ключевые слова: профессиональные юридические общественные объединения; гражданское общество; политическая система общества; функции государства

Построение гражданского общества и правового государства не- мыслимо без освоения более высокого уровня политической культуры, связанного с развитием гражданственности, инициативности, индивидуальной и коллективной ответственности, что обуславливает широкое политическое и идеологическое многообразие. Через общественные объединения реализуются разнообразные права и свободы человека и гражданина, в первую очередь право на объединение. Обеспечение государством возможности реализации данного права осуществляется через конституционные гарантии свободы создания и деятельности общественных объединений, их равенства перед законом, признания политического многообразия и многопартийности. С.А. Солдатов счи-

тает, что для общественных объединений этот процесс связан с преодолением их прежнего положения в социально-политической жизни, приобретением нового политического опыта, участием в формировании государственных органов, органов местного самоуправления, правового пространства общества [1, с. 4].

Присоединимся к мнению Л.А. Морозовой о том, что «взаимоотношения государства и общественных объединений служат важнейшим показателем демократичности государственной власти. Если государство стремится к сотрудничеству с общественными объединениями, обеспечивает их свободное развитие и функционирование, гарантирует их самостоятельность в решении внутриорганизационных проблем, то такое государство следует оценивать как демократическое, поскольку оно гарантирует и реально обеспечивает важнейшее право человека – право на объединение в различные союзы, организации, творческие корпорации и т. д. для выражения и защиты своих интересов и достижения общих целей» [2, с. 113].

В условиях развития правового государства и гражданского общества актуализируется деятельность профессиональных сообществ. Особое место среди них занимают профессиональные юридические организации, имеющие особое влияние на проводимую государством политику, правотворчество, социально-экономические процессы. Отметим, что в исследованиях, посвященных общественным объединениям, практически отсутствует анализ и даже упоминание об объединениях данного вида. В основном ученые рассматривают деятельность таких объединений, как судейские, нотариальные и адвокатские, которые являются особыми публичными корпорациями.

Мы полагаем, что сущность профессиональных юридических общественных объединений проявляется через два ключевых признака: эти организации должны состоять из представителей, лиц юридических профессий, имеющих юридическое образование, и эти организации должны носить общественный характер, то есть иметь неправительственную (негосударственную) основу. В данных признаках выражается правовая природа профессиональных общественных юридических объединений, являющихся в свою очередь разновидностью общественных объединений.

Большинство ученых в качестве основы для разграничения профессиональных юридических организаций в целом, а не только общественных, придерживаются их деления по степени участия в реализа-

ции функций государства и наличия властных полномочий на два блока – правительственные и неправительственные.

Правительственные профессиональные юридические организации – это организации, представляющие интересы юридических корпораций, созданные по инициативе государства, действующие от его имени, включенные в механизм государства и обладающие властными полномочиями.

К правительенным организациям можно отнести, например, органы судейского сообщества, которые формируются и действуют в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами для выражения интересов судей как носителей судебной власти (ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»).

Неправительственные организации могут ассоциироваться с политическими партиями, которые стремятся к участию в политической жизни, в том числе в государственном управлении, овладеть государственной властью и учреждениями, реализующими государственную власть, имеют связь с избирательной системой посредством участия в выборах представительных органов власти, несут в себе определенную идеологию.

Более точным, на наш взгляд, является утверждение В.Н. Шеломенцева о том, что неправительственные организации выступают зрымым выражением того, что вкладывается в понятие «гражданское общество», то есть являются сферой, в которой социальные движения формируются в зависимости от целей, круга участников и тематических интересов [3, с. 108].

В этом контексте понятие «общественное объединение» несет родовой характер, обозначая самостоятельные организационно-правовые формы юридических лиц общественного характера, к которым система позитивного права может относить общественные организации, движения, фонды, учреждения, органы общественной самодеятельности, политические партии. Общественные объединения весьма разнообразны по своему характеру. Они различаются по идеологическим и программным установкам, социальной базе, структуре и методам деятельности и могут использоваться в широком смысле как синоним неправительственных (негосударственных) организаций.

Законодательство европейских стран относит профессиональные объединения юристов к некоммерческим общественным объединениям и устанавливает принципы их взаимоотношения с государственными

структурами (между «первым» и «третьим» секторами). Как отмечает Ю.В. Баталова, «некоммерческий сектор в развитых странах представляет собой значительный и динамично развивающийся компонент общественной жизнедеятельности. В странах с социально ориентированным типом экономики благодаря третьему сектору – государству – удается эффективно справляться с множеством острых проблем, опираясь не только на аппарат государственного управления и бюджетные средства, но и на общественность, благотворительность и самодеятельность. В России значимость этого явления лишь начинает осознаваться субъектами власти и управления, а формы взаимодействия пока остаются большей частью «не работающими», требуют качественного, системного совершенствования» [4, с. 3].

Разногласия, которые существовали некоторое время в западной и отечественной науке в отношении того, что следует понимать под термином «некоммерческие организации», были разрешены с появлением концепции третьего сектора, под которым понимается сфера добровольной активности граждан, не имеющая своей целью обладание политической властью или извлечение дохода. «Введение термина «третий сектор», – считает А.А. Демидов, – позволило очертить рамки добровольной активности индивидов с акцентом на том, что эта деятельность может принимать различные организационные формы, одной из которых является форма некоммерческих организаций» [5]. Учеными были обозначены так называемые структурно-операционные признаки некоммерческих организаций (НКО), что существенно упрощает исследования этого феномена с позиции методологии, а также проведен анализ того, какие функции выполняют НКО в обществе. Таким образом, и в западной, и в российской науке вместо терминологических разногласий в отношении того, что такое НКО, а также что наполняет третий сектор, наблюдается терминологическое единство при изучении функционирования третьего сектора и НКО. Третий сектор рассматривается как сфера добровольной ассоциативной активности граждан, объединяющихся для реализации своих интересов и целей и организационно оформляющих свою деятельность. Термин «НКО» является одним из наиболее распространенных терминов, обозначающих особенности организационных форм, выбираемых гражданами.

Отметим, что понятие «третий сектор» исходит из горизонтального деления всей политической системы общества, подразумевающей существование трех равноправных секторов, выделяемых по приоритету деятельности. Первые два сектора включают в себя, во-первых, госу-

дарственные и политические институты, а во-вторых, деловые частные организации и предприятия. К этому в последнее время добавляется третий, неприбыльный сектор. Третий сектор рассматривают как сферу активности, развивающую между семьей и более широким бюрократическим сектором прибыльного бизнеса и правительства.

Ю.В. Соболева определяет понятие «негосударственная организация» как «группу людей, выступающую персонифицировано от своего имени, выполняющую собственные, корпоративные задачи и функции, не обладающую государственно-властными полномочиями, действующую без вмешательства государства и им не финансируемую» [6, с. 7]. В качестве признаков таких организаций некоторые авторы выделяют следующие:

- 1) добровольность формирования;
- 2) деятельность общественных объединений на принципе самоуправления;
- 3) некоммерческий характер формирования;
- 4) создание группой физических лиц и наряду с ними юридическими лицами – общественными объединениями;
- 5) создание для реализации общих целей, указанных в уставе;
- 6) выступление только от своего имени;
- 7) отсутствие государственно-властных полномочий [6, с. 7].

В литературе отмечается, что «одним из компонентов политической системы общества является институциональный компонент, включающий в себя собственно политические организации – государство, политические партии, политические движения, некоторые общественные объединения политического характера. Особенность этих элементов – непосредственная связь с политикой, а цель деятельности – овладение государственной властью, участие в реализации внутренней и внешней политики, политическое воздействие на отдельные группы и слои населения, проведение политических интересов определенных групп и слоев» [2, с. 106].

Неправительственная основа предполагает учреждение организации частными лицами или другими общественными, некоммерческими организациями независимо или без участия институтов публичной власти и осуществление деятельности на основании устава за счет собственных средств, которые формируются из членских взносов и привлеченных ресурсов (пожертвования юридических и физических лиц, государственные (муниципальные) заказы, гранты).

По оценке А.П. Любимова «неправительственные организации играют важнейшую роль в процессе социального развития и составляют фундаментальную основу гражданского общества. Их полноценная деятельность является фактором, создающим благоприятные условия для развития экономики, социальной сферы, некоммерческого предпринимательства и укрепления гражданского общества» [7, с. 28].

Таким образом, на наш взгляд, неправительственный (негосударственный) характер профессиональных юридических общественных объединений, бесспорно, относит их к гражданскому обществу. Бессспорно и то, что общественные объединения являются неотъемлемой частью политической системы общества, представляющей собой упорядоченную совокупность политической организации, различных социальных норм, политической и правовой культуры, механизмов взаимосвязей и коммуникаций ее элементов. В этой связи считаем, что профессиональные общественные юридические объединения принимают участие не только в функционировании гражданского общества, но и в механизме реализации функций государства, так как в деятельности объединения юристов ярко прослеживаются их социально ориентированные цели, участие в политической системе общества.

В юридической науке справедливо отмечается, что для социально-демократического правового государства крайне важен вопрос его рационального взаимодействия с институтами гражданского общества, развитие которого невозможно без теоретической разработки и внедрения в практику стабильных основополагающих начал, в качестве которых выступают принципы механизма государства [8, с. 18]. В этом же контексте представляется обоснованной позиция В.Е. Чиркина, который считает, что для государства особое значение имеют те объединения публичного характера, главной целью которых служит участие в общественной жизни [9, с. 284].

Исходя из того, что механизм реализации функций государства включает в себя и участников механизма государства, и негосударственные структуры (общественные, некоммерческие, коммерческие организации), мы можем выделить две группы участников механизма реализации функций государства: 1) со стороны механизма государства (органы государственной власти, а также государственные учреждения и предприятия); 2) со стороны иных участников (общественные, некоммерческие и коммерческие организации).

Это указывает на то, что в процессе реализации функций государства задействован весь механизм государства, а также негосударствен-

ные структуры, привлеченные для содействия реализации функций государства. Полагаем, что участниками механизма реализации функций государства являются различные общественные объединения, и соответственно профессиональные объединения также занимают свое место в данном механизме, участвуя в реализации определенных функций, в большей степени, конечно, внутренних, таких как социальная, обеспечение народовластия, охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка, экологическая.

Область сотрудничества государства и некоммерческих организаций и общественных объединений постепенно упорядочивается, растут объемы государственного финансирования, медленно отлаживаются правила его получения. Но при этом сфера сотрудничества существенно ограничена жесткими правилами регулирования деятельности некоммерческих организаций, направлениями деятельности, которые могут получить поддержку, слабой возможностью влиять на осуществление государственной политики.

Местоположение профессиональных юридических общественных объединений в структуре гражданского общества вызвано несколькими обстоятельствами, во-первых, возрастанием их роли в жизни общества и государства, высокой оценкой юридической профессии, что подтверждается тем, что в деятельности практически всех современных профессиональных юридических общественных организаций существуют такие направления, как бесплатная юридическая помощь и правовое просвещение, содействие развитию и совершенствованию юридического образования, общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов, противодействие коррупции, содействие кадровому отбору в институтах публичной власти.

Во-вторых, значимостью их в становлении институтов гражданского общества и в функционировании государства, что необходимо учитывать при развитии современного российского законодательства в целях учета особенностей и тенденций влияния объединений юристов на реализацию социально ориентированных функций государства.

Так, профессиональные юридические общественные объединения принимают участие в социально ориентированных проектах, поддерживаемых органами власти субъектов Российской Федерации. В частности, многие региональные отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» ежегодно реализуют проекты, связанные с консолидацией бесплатной юридической помощи, правового просвещения, юридической науки и образования, поддер-

живаемые субсидиями из областного бюджета на конкурсной основе. Все это показывает включенность профессиональных юридических общественных объединений в деятельность институтов гражданского общества и механизм реализации функций государства.

Неслучайно в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2014 г. было отмечено, что социально ориентированные некоммерческие организации (НКО) будут поддерживаться государством¹. В такие НКО, как правило, объединяются люди, остро чувствующие свой гражданский долг, понимающие, как много значат милосердие, внимание, забота, доброта. Надо использовать их предложения и опыт, в том числе при реализации социальных инициатив.

Список литературы

1. *Солдатов С.А.* Общественные объединения в Российской Федерации: правовое и институциональное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
2. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М.: Эксмо, 2005.
3. *Шеломенцев В.Н.* Правовые методы образования и деятельности неправительственных организаций // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 196. С. 108-111.
4. *Баталова Ю.В.* Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами государственной власти и управления в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
5. *Демидов А.А.* Некоммерческие организации в государственной политике и управлении: участие в разработке и реализации социальной политики: на примере Республики Карелия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
6. *Соболева Ю.В.* Общественные объединения как субъекты административного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
7. *Любимов А.П.* Состояние законодательства о неправительственных организациях // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 1. С. 27-29.
8. *Григорьев А.В.* Современная юридическая наука о принципах организации и функционирования механизма государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С. 14-26.
9. *Чиркин В.Е.* Система государственного и муниципального управления. М.: Юристъ, 2005.

Поступила в редакцию 22.02.2017 г.

Принята в печать 22.05.2017 г.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 г. // Российская газета. 2014. 5 декабря.

Информация об авторе

Ельцов Николай Сергеевич – руководитель Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Тамбовской области, зав. кафедрой теории и истории государства и права института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: 120001k@mail.ru

Для цитирования

Ельцов Н.С. Профессиональные юридические общественные объединения в структуре гражданского общества // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 7-17.

UDC 340.0

PROFESSIONAL LEGAL PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE CIVIL SOCIETY STRUCTURE

© N.S. Eltsov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: 120001k@mail.ru

Abstract. The peculiarities of location of the legal professional associations in the civil society are considered. It is noted that their role is determined by several factors, particularly the increase of their role in society and the state, which is confirmed by the fact that almost all modern professional legal public organizations have such important directions, as free legal assistance and legal education; public examination of projects of regulatory legal acts, anti-corruption, the assistance of personnel selection in the institutions of public power, as well as their significance in the development of civil society institutions and in the functioning of the state that must be considered in the development of modern Russian legislation in order to reflect the characteristics and trends of the influence of lawyers associations for the implementation of socially-oriented functions of the state. The role of professional legal associations and their influence on the activities of the state, in particular in the implementation of its individual functions, are analyzed.

Key words: professional legal public associations; civil society; political system of society; functions of the state

References

1. Soldatov S.A. *Obshchestvennye obedineniya v Rossiyskoy Federatsii: pravovoe i institucionnoe issledovanie. Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk* [Public Enterprises in the Russian Federation: Legal and Institutional Research. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1995. (In Russian).
2. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. (In Russian).
3. Shelomentsev V.N. Pravovye metody obrazovaniya i deyatel'nosti nepravitel'stvennykh organizatsiy [The legal methods of forming and activities of non-governmental organizations]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatii – Civil Aviation High Technologies*, 2013, no. 196, pp. 108-111. (In Russian).
4. Batalova Y.V. *Vzaimodeystvie negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsiy s organami gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v Rossii. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk* [Interaction of Non-Governmental and Non-Profit Organizations with Public Authorities and Governance in Russia. Cand. polit. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2004. (In Russian).
5. Demidov A.A. *Nekommercheskie organizatsii v gosudarstvennoy politike i upravlenii: uchastie v razrabotke i realizatsii sotsial'noy politiki: na primere Respubliki Kareliya. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk* [Non-Profit Organizations in Public Policy and Management: Participation in the Development and Implementation of Social Policy: the Example of the Republic of Karelia. Cand. polit. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2008. (In Russian).
6. Soboleva Y.V. *Obshchestvennye obedineniya kak subekty administrativnogo prava. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Public Associations as Subjects of Administrative Law. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2000. (In Russian).
7. Lyubimov A.P. Sostoyanie zakonodatel'stva o nepravitel'stvennykh organizatsiyakh [The state of the legislation on non-governmental organizations]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy – Representative Power – 21st century: Legislation, Commentary, Problems*, 2004, no. 1, pp. 27-29. (In Russian).
8. Grigorev A.V. Sovremennaya yuridicheskaya nauka o printsipakh organizatsii i funktsionirovaniya mekhanizma gosudarstva [Modern jurisprudence about the principles of the organization and functioning of the mechanism of the state]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 1, pp. 14-26. (In Russian).
9. Chirkov V.E. *Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [The System of State and Municipal Management]. Moscow, Yurist Publ., 2005. (In Russian).

Received 22 February 2017

Accepted 22 May 2017

Information about the author

Eltsov Nikolay Sergeevich – Head of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography in Tambov Province, Head of Theory of State and Law Department of Law and National Security Institute of Tambov State University

named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, e-mail: 120001k@mail.ru

For citation

*Eltsov N.S. Professional'nye yuridicheskie obshchestvennye obedineniya v strukture grazhdanskogo obshchestva [Professional legal public associations in the civil society structure]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 7-17. (In Russian).*

УДК 34.09

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

© С.В. Радаева

Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии
414040, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Куйбышева, 1
E-mail: 1974403@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы соотношения и взаимосвязи юридической техники и юридической практики. Приведены доводы о том, что юридическая деятельность должна осуществляться с соблюдением требований, использованием приемов и применением необходимых средств юридической техники. Сделаны выводы о том, что юридическая техника является неотъемлемым условием предупреждения и средством исправления правовых ошибок, возникающих в процессе осуществления различных видов юридической практики. Действительное содержание нормативных актов раскрывается в процессе правоприменения. В свою очередь, правоприменение неразрывно связано с толкованием правовых норм. Толкование нормативных актов судебными органами обладает более высокой юридической силой по отношению к толкованию в процессе других форм реализации – соблюдения, исполнения и использования. Любая реализация права не может противоречить судебному решению. Поэтому правила, приемы и средства, применяемые в процессе судебного правоприменения, должны быть наиболее совершенными, поскольку именно они позволяют достичь целей юридической практики.

Ключевые слова: толкование; единообразие толкования; судебная деятельность; правоприменение; юридическая практика; юридическая техника

Обращаясь к проблемам юридической техники, хотелось бы привести неоспоримые данные, свидетельствующие о ее тесной связи с юридической практикой. Все исследователи не останавливаются лишь на их теоретической стороне, а так или иначе исследуют их практическую связь. Как уже неоднократно утверждалось, что одним из важнейших свойств юридической практики является профессионализм ее субъектов. В данном случае под этим понимается необходимость должностной профессиональной подготовки и квалификации субъектов различных направлений юридической практики, которые заключаются в умении использовать специальные приемы и средства юридической техники и тактики, достижений необходимой производительности тру-

да, развития инициативы и самостоятельности, кооперации и интеграции, учета общественного мнения, внедрения научно обоснованных норм рабочего времени и иных условий труда [1, с. 101].

Отсутствие или недостаток специальных познаний у субъектов юридической практики обычно компенсируется за счет привлечения к участию в работе соответствующих специалистов. «Правильное применение права, – считает А.С. Александров, – состоит не в том, чтобы угадать волю законодателя, а в том, чтобы выработать свой смысл и навязать его окружающим» [1, с. 102]. Роль подручного средства в этом случае выполняет юридическая техника. «Применение юридической техники, навязывание своей интерпретации текстовых фактов для достижения своего интереса – вот суть деятельности юриста» [1, с. 103].

То есть настоящее исследование позволяет сделать вывод, что юристы, осуществляющие юридическую практику, должны обладать познаниями юридической техники. Это и определяет их важную роль как профессиональных субъектов юридической практики.

Юридическая техника является неотъемлемым условием предупреждения и средством исправления правовых ошибок, возникающих в процессе осуществления различных видов юридической практики. В.Н. Карташов указывает на обстоятельства реальной жизни, которые вызывают необходимость толкования правовых предписаний, и называет их основаниями интерпретационной практики (например, обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции РФ).

В специальной литературе говорится главным образом о фактических основаниях толкования. С.С. Алексеев делит их на основания, носящие естественный характер, которые связаны с внешней формой изложения правовых предписаний в нормативном акте, и основания, которые не имеют необходимого характера, – «несовершенство выражения и юридического изложения воли законодателя» [2, с. 162-163].

О том, что необходимость толкования порождают «недостатки юридической техники», пишет А.Ф. Черданцев [3, с. 324]. В данном случае он имеет в виду не только и не столько недостатки самих правил подготовки, оформления, публикации и систематизации нормативно-правовых актов, которые, как отмечает В.В. Лазарев, «материально обусловлены и могут отставать от развивающихся общественных отношений», сколько несоблюдение технико-юридических требований [4, с. 32].

Толкование норм права тесно взаимосвязано с правоприменительной деятельностью. При осуществлении правосудия раскрывается действительное содержание нормативного акта, его применение на прак-

тике. Таким образом, именно в процессе деятельности судебных органов в рамках применения права его нормы находят свою реализацию, претворение в жизнь. Толкование нормативных актов судебными органами обладает более высокой юридической силой по отношению к толкованию в процессе других форм реализации – соблюдения, исполнения и использования. Любая реализация права не может противоречить судебному решению.

В.Е. Годик пишет: «Поскольку судебная практика по разрешению конкретных юридических дел является высшей ступенью правоприменения в Российской Федерации, проблема толкования норм в судебных решениях в РФ одновременно имеет значение не только в общетеоретическом смысле, но и, что не менее важно, в применении теории в практической юридической деятельности» [5, с. 16]. Таким образом, достигается подлинное единство теории и практики.

Рассуждая о приемах и средствах интерпретации, Ф. Рогельсбергер полагает, что «...теория так далеко отставала бы от практики, знание – от умения, как в учении о толковании. В этом случае толкование разделяет судьбу человеческой речи: многие люди говорят правильно, не имея сознания о законах языка. Трудности теории лежат здесь в материале, в безграничности вспомогательных средств, в разнообразии применения» [6, с. 137-138].

Учитывая изложенное, мы непременно приходим к выводу о том, что отсутствие специальных правил, средств и приемов толкования, равно, как и их незнание практиком, ведет к невозможности выработки отвечающих требованиям времени технологий правоприменения и составления индивидуальных актов.

Если проанализировать судебную практику, то становится очевидным, что значительная часть ошибок, допускаемых при правоприменении судебными органами, совершается именно по причине неверного толкования норм права, обусловленного отсутствием у субъектов толкования права четких теоретических представлений о последовательности совершения правотолковательных действий¹.

В рамках исследования проблемы следует особенно остановиться на вопросе единообразного толкования. Основным источником права

¹ Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному п. 11 ст. 33 Кодекса законов о труде РСФСР от 4 февраля 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 13. ст. 669.

Российской Федерации является нормативный правовой акт. Следовательно, в процессе отправления правосудия судебные органы должны руководствоваться положениями закона. Однако, как показывает судебная практика, применяя одни и те же нормы права, суды зачастую принимают прямо противоположные решения. Особенно это можно проследить в практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Отчасти данная проблема решена реорганизацией, проведенной в судебной системе и слиянии Высшего Арбитражного суда и Верховного суда. Но главным средством в разрешении этой проблемы может стать дальнейшее исследование и формирование эффективных правил, приемов и средств юридической техники и активное внедрение их использования в юридической деятельности. И главная роль здесь должна быть отведена судебным органам.

Таким образом, нельзя не согласиться с выводами А.С. Александрова о том, что «суть юридической деятельности сводится к истолкованию смысла юридического текста и (иногда) навязыванию черезластную структуру принудительного его исполнения. Юридический текст, как любой текст, имеет неограниченное число смыслов и может интерпретироваться различным образом. Юридическая техника – это оперирование средствами юридического языка с целью истолкования смысла юридической нормы-текста в данном контексте. Владение юридической техникой – суть профессионализма юриста. Это обуславливает важность обучения практическим навыкам владения юридической техникой» [1, с. 108].

На наш взгляд, требование к качеству любой юридической деятельности только одно – «ее соответствие некоему идеалу такой деятельности, некоей эффективной модели», созданной с соблюдением специальных правил, приемов и применения адекватных средств. С этим подходом согласуется и подход представителей наук об управлении, полагающих, что качество продукции (услуги, действия и т. п.) определяет «степень удовлетворения предъявляемых к ней требований, сформулированных в виде технических условий» [7, с. 56].

В литературе эффективность юридической практики определяется как ее социально-ценное свойство, представляющее собой соотношение затрат на ее осуществление и ее результата, позволяющее своевременно и с наименьшими издержками способствовать решению стоящих перед конкретной разновидностью юридической практики задач [8]. Здесь хотелось бы отметить, что в качестве наименьших издержек юридической деятельности следует рассматривать грамотно использу-

зуемые инструменты юридической техники. То есть эффективность юридической практики должна рассматриваться с точки зрения не только аксиологических характеристик, позволяющих установить социальную ценность данного явления, но и технологии права.

А.А. Максуров считает, что «стержневым остается «затратный» подход: эффективность, это все-таки главным образом соотношение затрат и результата, однако, соотношение не простое. Речь идет о наименьших издержках (в том числе временных, человеческих, финансовых и т. п.) и наибольших результатах. При этом в объем понятия «наименьших издержек» включается и наиболее оптимальное использование юридических способов и средств» [9, с. 129].

Можно сделать вывод о том, что соблюдение правил юридической техники не только является важным фактором эффективного осуществления юридической практики, но это помогает практикующему юристу повысить качество выполняемой работы, а также понять, что юридическая практика только тогда может быть эффективной, когда деятельность будет осуществляться в определенном порядке, то есть с соблюдением необходимых правил и приемов.

Юридическая тактика и юридическая техника составляют важнейшую часть технологии юридической практики. В широком смысле слова юридическую тактику можно определить как искусство правильно и грамотно управлять участниками юридической практики, оптимально планировать и организовывать правовые действия и операции, наиболее целесообразно использовать общесоциальные, специально-юридические и технические средства для достижения поставленных целей и вынесения обоснованных юридических решений.

Совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой способов составляют важную часть юридической тактики. В нее, кроме того, включаются принципы юридической практики, методы воздействия, научно разработанные основы организации и осуществления юридической практики.

В качестве средств юридической практики, указывает В.Н. Карташов, выступают допустимые правом предметы и явления, с помощью которых обеспечиваются достижение ее целей и получение необходимых результатов (социальных, юридических и др.). В совокупности эти средства составляют юридическую технику, инструментальную часть любой юридической практики [10, с. 16].

Мы условно разделяем данные средства, как указывалось выше, на общесоциальные, специально-юридические и технические. К общесо-

циальным средствам относятся язык, понятия, суждения и т. д. Специально-юридические средства – это юридические понятия, правовые предписания, юридические конструкции, акты, иные правовые явления, выработанные правовой наукой и юридической практикой в процессе развития правовой системы общества. Технические средства – это оргтехника, бумага и т. д.

Таким образом, в контексте рассматриваемой проблемы юридическую технику можно определить как совокупность указанных выше средств, приемов и правил, с помощью которых достигаются необходимые цели юридической практики.

Список литературы

1. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2.
3. Черданцев А.Ф. Толкование права // Теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2.
4. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974.
5. Годик В.Е. Толкование норм права в судебных решениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
6. Рогельсбергер Ф. Общее учение о праве. Спб., 1897.
7. Литvak Б.Г. Разработка управлеченческого решения. М., 2001.
8. Максуров А.А. Эффективность координационной практики. Ярославль, 2005.
9. Максуров А.А. Координационная деятельность в правовой системе общества: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
10. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

Поступила в редакцию 15.03.2017 г.

Принята в печать 23.05.2017 г.

Информация об авторе

Радаева Светлана Владимировна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, г. Астрахань, Российская Федерация, кандидат юридических наук, e-mail: 1974403@mail.ru

Для цитирования

Радаева С.В. Соотношение и взаимосвязь юридической техники и юридической практики // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 18-25.

UDC 34.09

THE RATIO AND THE CORRELATION OF LEGAL TECHNIQUE AND LEGAL PRACTICE

© S.V. Radaeva

Astrakhan branch of the Saratov State Academy of Law
1 Kuybysheva St., Astrakhan, Russian Federation, 414040
E-mail: 1974403@mail.ru

Abstract. The correlation and relationship of legal technique and legal practice are examined. It is proved that legal action must be conducted in compliance with requirements, use of methods and necessary means of legal technique. It is concluded that the legal technique is essential for prevention and remedy of correction the law errors arising in the implementation of various types of legal practice. The actual content of the legislation is revealed in the law enforcement process. In its turn, law enforcement is inextricably linked to the interpretation of legal norms. Interpretation of regulations by the judiciary has higher legal force in relation to the interpretation process of other forms of implementation – compliance, performance and use. Any implementation of law cannot contradict a judicial decision. Therefore, rules, techniques and means used in the process of judicial law enforcement should be perfect, because they help to achieve the goals of legal practice.

Key words: interpretation; uniformity of interpretation; judicial activism; law enforcement; legal practice; legal technique

References

1. Aleksandrov A.S. Yuridicheskaya tekhnika – sudebnaya lingvistika – grammatika prava [Legal technology – forensic linguistics – the grammar of law]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Problems of Legal Technique]. Nizhny Novgorod, 2000. (In Russian).
2. Alekseev S.S. *Problemy teorii prava* [Problems of Theory of Law]. Sverdlovsk, 1973, vol. 2. (In Russian).
3. Cherdantsev A.F. Tolkovanie prava [Interpretation of Law]. *Teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskiy kurs* [Theory of State and Law. Academic Course]. Moscow, 1998, vol. 2. (In Russian).
4. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the Law and Ways to Eliminate Them]. Moscow, 1974. (In Russian).
5. Godik V.E. *Tolkovanie norm prava v sudebnykh resheniyakh* Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [The Interpretation of the Law in Judicial Decisions. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2006. (In Russian).
6. Rogelsberger F. *Obshchee uchenie o prave* [General Theory of Law]. St. Petersburg, 1897. (In Russian).
7. Litvak B.G. *Razrabotka upravlencheskogo resheniya* [Development of Management Decision]. Moscow, 2001. (In Russian).
8. Maksurov A.A. *Effektivnost' koordinatsionnoy praktiki* [The Effectiveness of Coordination Practices]. Yaroslavl, 2005. (In Russian).

9. Maksurov A.A. *Koordinatsionnaya deyatel'nost' v pravovoy sisteme obshchestva. Diss. ... kand. jurid. nauk* [Coordination in the Legal System of Society. Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2001. (In Russian).
10. Kartashov V.N. *Yuridicheskaya tekhnika, taktika, strategiya i tekhnologiya (k voprosu o sootnoshenii)* [Legal technique, tactics, strategy and technology (on ratio)]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Problems of Legal Technique]. Nizhny Novgorod, 2000. (In Russian).

Received 15 March 2017

Accepted 23 May 2017

Information about the author

Radaeva Svetlana Vladimirovna – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Astrakhan Branch of the Saratov State Academy of Law, Astrakhan, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, e-mail: 1974403@mail.ru

For citation

Radaeva S.V. Sootnoshenie i vzaimosvyaz' yuridicheskoy tekhniki i yuridicheskoy praktiki [The ratio and the correlation of legal technique and legal practice]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 18-25. (In Russian).

УДК 347.73

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АУДИТОРСКОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Л.Л. Арзуманова

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: llarzumanova@msal.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы аудиторского контроля в соответствии с законом об аудиторской деятельности. Поднят вопрос о финансовом контроле, истории его появления, развития, сущности и формах. Соотносятся такие понятия, как финансовый контроль и контроль в сфере аудита. Рассмотрены независимость аудиторского контроля и самих аудиторов, различия государственного и негосударственного видов финансового контроля. Также в полной мере раскрыты принципы, заложенные в основе аудиторской деятельности, которые являются отражением принципов финансового контроля, ввиду того что аудит представляет собой разновидность финансового контроля. В ходе анализа понятия аудиторского контроля и существующих доктринальных точек зрения определено его место в системе финансового контроля.

Ключевые слова: аудит; аудиторская деятельность; аудиторский контроль; финансовый контроль

О взаимосвязи теории финансов и финансового контроля отмечалось в работе Д.А. Аллахвердяна, который определяет финансовый контроль как «составную часть государственного контроля, элемент всей системы экономического управления и планирования» [1, с. 116].

В дореволюционной период ни на законодательном уровне, ни в доктринальных трактатах не была представлена категория «финансовый контроль», взамен использовалось понятие «государственный контроль», которым «обозначалась процедура проверки исполнения решения, принятого каким-либо государственным органом, или наблюдения с целью проверки, а также само учреждение (государственный орган), ведающее такой проверкой» [2, с. 17].

Так, в научных трудах Д.М. Львова термин «государственный контроль» употребляется в двояком значении: «а) в смысле учреждения или места, где производится ревизия; б) в значении ревизионного процесса или самой ревизии» [3, с. 221]. Аналогичные определения можно

найти в доктринальных учениях видных представителей того периода [4, с. 12].

В словаре С.И. Ожегова выделяются три значения контроля:

1) проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора;

2) система органов контроля;

3) лица, осуществляющие контроль, то есть контролеры [5, с. 293].

В свою очередь, финансовый контроль обычно рассматривают в двух аспектах:

1) строго регламентированная деятельность специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов;

2) неотъемлемый элемент управления финансами и денежными потоками на макро- и микроуровне с целью обеспечения целесообразности и эффективности финансовых операций [6, с. 42].

Финансовый контроль определяется большинством ученых как институт финансового права, который относят или к общей, или к особенной части финансового права. В то же время в науке финансового права высказывается и другая точка зрения, которая обосновывает появление в системе финансового права подотрасли финансового контроля, особенности которой заключаются в том, что это – единственная подотрасль финансового права, имеющая сложную структуру, состоящую в свою очередь из финансово-правовых норм, включенных как в общую, так и в особенную его части. К общей части можно отнести финансово-правовые нормы, регулирующие организацию и порядок проведения, общие цели, задачи и принципы осуществления финансового контроля, характеристику его форм и методов. Финансово-правовые нормы, регламентирующие проведение финансового контроля в различных сферах финансовой деятельности, вследствие этого обладающие специфическими целями, задачами, содержанием, выраженными в специальных нормативных актах, а также нормы, определяющие правовой статус контрольных органов в конкретной области финансовой деятельности, включаются в соответствующие институты финансового права [7, с. 113-114].

Диапазон действия финансового контроля включает в себя также проверку целого комплекса хозяйственных отношений. Обращая внимание на взаимообусловленность финансового контроля и финансовой деятельности, он указывает на расширение внешних границ контрольной активности органов финансового контроля. Вывод о распростране-

нении финансового контроля не только на финансовый, но и на определенный комплекс хозяйственных отношений представляется правильным, соответствующим реальной действительности. Такое мнение высказывается в работе Э.М. Аминовой [8, с. 14]. На этом основании ряд авторов считают, что контроль финансовых потоков в этой сфере точнее называть «финансово-хозяйственным» [9, с. 13]. Однако этот вывод вызывает справедливые возражения. В частности, Е.Ю. Грачева и Э.Д. Соколов считают, что признание данного положения вряд ли дает основания для переименования финансового контроля в финансово-хозяйственный [10, с. 19].

По справедливому мнению Н.И. Химичевой основное содержание финансового контроля в отношениях, регулируемых финансовым правом, заключается в:

- проверке выполнения гражданами и организациями финансовых обязательств перед государством и органами местного самоуправления;
- проверке правильности использования государственными и муниципальными предприятиями, учреждениями и организациями находящихся в их хозяйственном ведении или оперативном управлении денежных ресурсов (бюджетных и собственных средств, банковских ссуд, внебюджетных и других средств);
- проверке соблюдения правил совершения финансовых операций, расчетов и хранения денежных средств предприятиями, организациями и учреждениями;
- выявлении внутренних резервов возможностей повышения рентабельности хозяйства, более экономного и эффективного использования материальных и денежных средств;
- устранении и предупреждении нарушений финансовой дисциплины.

Финансовый контроль оказывает воздействие на общественные отношения в сфере финансовой деятельности государства и хозяйственных субъектов. Тем не менее, вопрос о финансовом контроле, его сущности и формах остается дискуссионным с точки зрения экономической и юридической наук.

Так, финансовый контроль в западных странах подразделяется на два взаимообусловленных и в то же время обособленных направления: государственный и негосударственный финансовый контроль. Оба вида контроля различаются по целям, методам, а также субъектам, осуществляющим его.

В науке финансового права существует общепризнанная классификация финансового контроля на следующие виды: государственный, муниципальный, внутриведомственный, независимый (аудиторский).

В соответствии с пп. «ж» ст. 71 Конституции РФ в ведении федеральных органов государственной власти находятся: установление правовых основ единого рынка, финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики¹. В ведении Российской Федерации также находятся федеральный бюджет, федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития (пп. «з» ст. 71 Конституции РФ). Обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам федерального бюджета, федеральных налогов и сборов, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии (ст. 106 Конституции РФ). Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства РФ (ч. 3 ст. 104 Конституции РФ). Федеральный бюджет разрабатывает и представляет Государственной Думе, обеспечивает его исполнение и представляет Государственной Думе отчет об исполнении федерального бюджета Правительство РФ (пп. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Все указанные направления осуществления политики государства, а также представленные виды деятельности государственной власти требуют тщательного контроля со стороны как государства (муниципальных образований), так и независимого аудиторского контроля.

В свою очередь, в рамках государственного контроля некоторые ученые выделяют государственный аудит, осуществляемый государством в процессе социально-экономических трансформаций, прогнозирования политических и социально-экономических эффектов, которые возникают вследствие принципиальной публичности и информационной открытости функционирования высших органов аудита. Как результат развивается новое, самостоятельное научное направление – конституционный аудит, который представляет собой совокупность

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

теорий и концепций, которые обосновывают объективную необходимость возникновения в современном мире института государственного аудита. Этот институт понимается как система внешнего, независимого контроля от имени общества за деятельность государства по управлению национальными ресурсами страны» [11].

Таким образом, ученые применяют термин аудит и применительно к государственному виду контроля, подчеркивая тем самым его сущность, характер отношений и целевое предназначение контроля.

Однако вернемся к негосударственному финансовому контролю, в частности, контролю аудиторскому. Аудиторский финансовый контроль осуществляется наряду с государственным финансовым контролем, проводимым специально уполномоченными государственными органами. Аудиторский контроль – это внедомственный независимый контроль.

Существенным отличием аудита от государственного контроля является его подлинная независимость, в среднем более высокий квалифицированный уровень, обеспечиваемый периодическими аттестациями аудиторов, регламентированными требованиями в области саморегулирования аудиторского сообщества [6, с. 16]. Однако некоторые представители научного сообщества выступают с критикой такого высказывания, отмечая, что «в данном случае ставится под сомнение независимость государственного контроля, который, по-видимому, нужно характеризовать как «неподлинный», а также квалификация лиц, его осуществляющих» [12].

Подчеркивая независимость аудиторского контроля и самих аудиторов, нам бы не хотелось ни в коей мере обвинять в отсутствии объективного характера и независимости государственный (муниципальный) финансовый контроль, поскольку законодательное регулирование в части осуществления контрольно-надзорных полномочий за фондами денежных средств, особенно в последние годы, с учетом обсуждаемой новой редакции Бюджетного кодекса РФ, передачи полномочий Федеральной службы финансово-бюджетного надзора Федеральному казначейству и последовавших от Казначейства России предложений по усовершенствованию процедур финансового контроля, свидетельствует о большой работе, проведенной в сфере повышения уровня квалификации уполномоченных государством лиц при осуществлении контрольных мероприятий. Более того, высказывания, с которыми не согласились уважаемые коллеги, были датированы в период построения финансово-контрольных отношений и наделения

органов государственной власти соответствующими полномочиями в данной сфере. Более того, работа была подготовлена в ходе преобразований, которые претерпевала и, по сути, до сих пор ощущает на себе сфера нормативно-правового регулирования аудиторского контроля.

Особо подчеркнем, что в основе идеи зарождения аудита заложен принцип независимости, благодаря которому проводимые проверки приобретают общественно значимый характер, а его результаты, отраженные в заключениях аудиторов, принимаются органами государственной власти и, в частности, являются обязательным документом при сдаче бухгалтерской отчетности для отдельных категорий (например: ст. 13, 18 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – Закон № 402-ФЗ))¹.

В свою очередь, Е.Ю. Грачевой представлено следующее определение финансового контроля: «...это регламентированная нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных хозяйствующих субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования» [13, с. 35-36]. С учетом приведенного определения можно говорить о том, что принципы, заложенные в основе аудиторской деятельности, в полной мере являются отражением принципов финансового контроля, поскольку аудит является разновидностью контроля финансового.

Также Комитетом по основным принципам аудита Американской ассоциации по бухгалтерскому учету дано определение аудита, который рассматривается как «...системный процесс получения и оценки объективных данных об экономических действиях и событиях, устанавливающий уровень их соответствия определенному критерию и представляющий результаты заинтересованным пользователям» [14, с. 35-36].

Обратим внимание на то, что государственный и негосударственный виды финансового контроля различаются по конечным целям. Так, государственный финансовый контроль направлен на увеличение поступлений денежных средств в государственный бюджет и уменьшение государственных издержек в сфере управления, а аудиторский, наоборот, – на минимизацию отчислений в пользу государства в целях

¹ О бухгалтерском учете: федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

роста прибыли. При этом оба вида контроля регламентированы четкими правовыми нормами.

Последние тенденции структурирования системы отрасли финансового права свидетельствуют о группировке норм, регулирующих отношения в сфере финансового контроля, и их объединении в единую подотрасль финансового контроля. В этой связи, определившись с ролью и назначением норм, регламентирующих отношения, формируемые в области аудиторского контроля, можно рассматривать аудиторский контроль как институт финансового контроля, включающий в себя такие нормы, как общие положения об аудите и аудиторской деятельности, субъектах аудита, принципах и вида аудиторской деятельности, порядок осуществления аудита и сопутствующих аудиту услуг, в том числе в сфере обязательного аудита, вопросах ответственности за нарушение законодательства в сфере аудиторской деятельности.

Список литературы

1. Аллахвердян Д.А. Финансы и социалистическое воспроизводство. М.: Финансы, 1971.
2. Арзуманова Л.Л. Правовое регулирование аудиторской деятельности в Российской Федерации / под ред. Е.Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2011.
3. Львов Д.М. Очерк развития кассовых и контрольных учреждений в России за истекшее 25-летие // Счетоводство. 1889. № 17.
4. Шамшин А. О контрольных учреждениях. Спб., 1865.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
6. Арзуманова Л.Л. Финансово-правовое регулирование обязательного аудита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М.: Юриспруденция, 2000.
8. Аминова Э.М. Правовое регулирование банковского аудита в Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2006.
9. Белобжецкий И.А. Финансово-хозяйственный контроль в управлении экономикой. М., 1979.
10. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право России. М., 2003.
11. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего: тезисы доклада в МГЮА на презентации монографии «Конституционный аудит». 12.04.2006 г. URL: <http://test.niisp.ru/?p=2836> (дата обращения: 14.01.2017).
12. Ершова И.В., Ершов А.А. Правовое регулирование аудиторской деятельности в Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2011. 280 с.
13. Горбунова О.Н., Грачева Е.Ю. и др. Финансовое право / отв. ред.: Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. М., 2004. 525 с.
14. Робертсон Дж.К. Аудит. М., 1993.

Поступила в редакцию 12.03.2017 г.

Принята в печать 25.05.2017 г.

Информация об авторе

Арзуманова Лана Львовна – профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, e-mail: llarzumanova@msal.ru

Для цитирования

Арзуманова Л.Л. К вопросу о месте аудиторского контроля в системе финансового контроля Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 26-34.

UDC 347.73

TO THE QUESTION OF THE PLACE OF AUDIT CONTROL IN THE FINANCIAL CONTROL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© L.L. Arzumanova

Kutafin Moscow State Law University
9 Sadowaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation, 125993
E-mail: llarzumanova@msal.ru

Abstract. The issues of audit control are examined in accordance with the audit law. The question of financial control, its origin, development, nature and forms is raised. Concepts like financial control and supervision in the field of audit are correlated. The independence of audit control and the auditors, the differences of public and private types of financial control are considered. Besides, the principles that form the basis of the audit activities are revealed due to the fact that audit is a type of financial control. By analyzing the concept of audit and doctrinal points of view its position in the system of financial control is determined.

Key words: audit; audit activity; audit control; financial control

References

1. Allahverdyan D.A. *Finansy i sotsialisticheskoe vosproizvodstvo* [Finance and Socialist Reproduction]. Moscow, Finansy Publ., 1971. (In Russian).
2. Arzumanova L.L. *Pravovoe regulirovanie auditorskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Audit Activity in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. (In Russian).
3. Lvov D. *Ocherk razvitiya kassovykh i kontrol'nykh uchrezhdeniy v Rossii za istekshee 25-letie* [Essay of the development of the cash and control institutions in Russia over the past 25 years]. *Schetovodstvo* [Book-Keeping], 1889, no. 17. (In Russian).

4. Shamshin A. *O kontrol'nykh uchrezhdeniyakh* [On the Control Institutions]. St. Petersburg, 1865. (In Russian).
5. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1990. (In Russian).
6. Arzumanova L.L. *Finansovo-pravovoe regulirovanie obyazatel'nogo audita v Rossiy-skoy Federatsii. Diss. ... kand. yurid. nauk.* [Financial and Legal Regulation of Statutory Audit in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. (In Russian).
7. Gracheva E.Yu. *Problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya* [Problems of Legal Regulation of State Financial Control]. Moscow, Yuris-prudentsiya Publ., 2000. (In Russian).
8. Aminova E.M. *Pravovoe regulirovanie bankovskogo audita v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Bank Audit in the Russian Federation]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2006. (In Russian).
9. Belobzhetskiy I.A. *Finansovo-khozyaystvennyy kontrol' v upravlenii ekonomikoy* [Financial and Economic Control in the Management of the Economy]. Moscow, 1979. (In Russian).
10. Gracheva E.Yu., Sokolova E.D. *Finansovoe pravo Rossii* [Financial Law of Russia]. Moscow, 2003. (In Russian).
11. Stepashin S.V. Gosudarstvennyy audit i ekonomika budushchego: tezisy doklada v MGYuA na prezentatsii monografii «Konstitutsionnyy audit». 12.04.2006 g. [State audit and economics of the future: theses of the report in MGIMO at the presentation of the monograph “Constitutional audit”]. Available at: <http://test.niisp.ru/?p=2836> (ac-cessed 14.01.2017). (In Russian).
12. Ershova I.V., Ershov A.A. *Pravovoe regulirovanie auditorskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Auditorial Activity in the Russian Federation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2011, 280 p. (In Russian).
13. Gorbunova O.N., Gracheva E.Yu. at all. *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow, 2004, 252 p. (In Russian).
14. Robertson J.C. *Audit* [Auditing]. Moscow, 1993. (In Russian).

Received 12 March 2017

Accepted 25 May 2017

Information about the author

Arzumanova Lana Lvovna – Professor of the Department of Financial Law of Kutaфин Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, Doctor of Jurisprudence, Associate Professor, e-mail: llarzumanova@msal.ru

For citation

Arzumanova L.L. K voprosu o meste auditorskogo kontrolya v sisteme finansovogo kontrolya Rossiyskoy Federatsii [To the question of the place of audit control in the financial control system of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 26-34. (In Russian).

УДК 347.73

РОЛЬ ПРАВОВЫХ АКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

© Е.Н. Пастушенко¹⁾, Л.Н. Земцова²⁾

¹⁾ Саратовская государственная юридическая академия
410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: past_en@mail.ru

²⁾ Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова
410003, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Радищева, 89
E-mail: past_en@mail.ru

Аннотация. Создание мегарегулятора финансового рынка на базе Центрального банка Российской Федерации требует доктринального осмысления качества реализации публично-правового статуса Центрального банка Российской Федерации, в том числе вопросов эффективности издания им правовых актов. Роль такого мегарегулятора определяется посредством анализа функций правовых актов Центрального банка Российской Федерации. К правовым актам Центрального банка Российской Федерации отнесены нормативные акты Банка России, правоприменительные акты Банка России, интерпретационные акты Банка России (акты толкования), договорные акты Банка России. Выделены общие и специальные функции правовых актов Центрального банка Российской Федерации. Выявлена системообразующая роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в регулировании отношений в сфере финансового рынка.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации; правовые акты Банка России; финансовый рынок

В современных социально-экономических и политico-правовых реалиях значительное влияние на реализацию функций государства оказывает финансовый рынок. Создание мегарегулятора финансового рынка на базе Центрального банка Российской Федерации и упразднение Федеральной службы по финансовым рынкам с 1 сентября 2013 г. ознаменовало новый этап в экономико-правовом регулировании отношений в сфере финансового рынка. В связи с изложенным весьма вос требованы доктринальные исследования в заявленной сфере общественных отношений [1, с. 9-20]. Деятельность кредитных, страховых, микрофинансовых организаций, кредитных потребительских кооперативов, ломбардов и других субъектов финансового рынка нуждается в эффективном контроле и надзоре уполномоченного органа в целях

развития и обеспечения стабильности финансового рынка [2, с. 29-41, 129-172].

Правовые акты рассматриваются как форма реализации компетенции Центрального банка Российской Федерации [3, с. 26-29]. Среди правовых актов Центрального банка Российской Федерации представляется обоснованным выделить нормативные акты, правоприменительные акты, интерпретационные акты (акты толкования), договорные акты. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации направлены на обеспечение режима законности на финансовом рынке как на фактор национальной безопасности, приоритет развития финансовой деятельности государства [4, с. 7-11, 140-146].

Основополагающим источником правового регулирования деятельности Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора финансового рынка является Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков». Обращает на себя внимание тот факт, что указанный федеральный закон четко определяет индивидуальный статус Центрального банка Российской Федерации, не относя его к органам государственной власти, что свидетельствует о новом этапе в дискуссии о том, является ли Центральный банк Российской Федерации органом государственной власти. Обозначенные проблемы определения публично-правовых и частно-правовых аспектов в статусе национальных (центральных) банков актуальны и для зарубежных правопорядков [5]. Следует обратить внимание в научной литературе на принцип независимости национальных (центральных) банков [6].

Не случайно в литературе последних лет подчеркивается уникальность статуса Центрального банка Российской Федерации, которая находит отражение в законодательных изменениях Гражданского кодекса Российской Федерации, вступивших в силу с 1 сентября 2014 г. (ч. 4 ст. 48 ГК РФ – Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в гл. 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»), когда для закрепления статуса Банка России не требуется конструкция «юридического лица публичного права», поскольку формулируется норма о том, что правовое положение Центрального банка Российской Федерации определяется

Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 3 июля 2016 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [7, с. 55]. Следует подчеркнуть важность отражения указанных научных позиций в учебной литературе по финансовому праву [8, с. 416-417, 472-483].

Роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора финансового рынка представляется возможным определить посредством анализа функций правовых актов Центрального банка Российской Федерации, среди которых выделяются общие (относящиеся ко всем видам правовых актов) и специальные (относящиеся к отдельным видам правовых актов) функции.

Общими функциями правовых актов Центрального банка Российской Федерации являются регулятивная функция, информационная функция, социально-воспитательная функция, системообразующая функция.

Регулятивная функция правовых актов Центрального банка Российской Федерации основана на исходном положении теории права о том, что право является регулятором общественных отношений. Нормативные акты Банка России, создавая норму права на основании закона и во исполнение закона, регулируют общественные отношения в подведомственной сфере, определенной законодательно. Нормативные акты Банка России рассчитаны на неопределенный круг субъектов и неопределенный характер действия. Правоприменительные акты Центрального банка Российской Федерации направлены на регулирование общественных отношений с конкретными, индивидуально определенными участниками. Интерпретационные акты Центрального банка Российской Федерации (акты толкования) выполняют регулирующую роль посредством разъяснения смысла правовой нормы. Договорные акты Центрального банка Российской Федерации призваны урегулировать отношения конкретных участников на основании договора между ними.

Информационная функция правовых актов Центрального банка Российской Федерации заключается в доведении до участников финансового рынка сведений о существенных фактах нормотворческой, правоприменительной, интерпретационной и договорной деятельности Банка России, подчеркивая цели издания правовых актов и их влияние на развитие общественных отношений на финансовом рынке.

Социально-воспитательная функция правовых актов Центрального банка Российской Федерации связана с их информационной функцией.

Информируя участников финансового рынка о принятых правовых актах, Центральный банк Российской Федерации реализует современную финансово-правовую политику на финансовых рынках с точки зрения социальной направленности, что особо отмечается в финансово-правовой доктрине, с акцентом на формирование правомерного поведения на финансовых рынках [9, с. 10, 12, 20, 27, 37-38].

Изложенная характеристика регулятивной, информационной, социально-воспитательной функций правовых актов Центрального банка Российской Федерации свидетельствует о наличии системообразующих начал правовых актов Банка России, что подчеркивает важность формирования и эффективной реализации системообразующей функции правовых актов Центрального банка Российской Федерации.

В качестве специальных функций нормативных актов Центрального банка Российской Федерации представляется возможным выделить регулятивную функцию, охранительную функцию, функцию публично-правовой ориентации участников финансового рынка, функцию публично-правовой оценки разнообразных вариантов поведения участников финансового рынка.

При анализе правовых основ нормотворческой функции Центрального банка Российской Федерации представляется возможным выделить общий и специальный подходы в определении полномочий Центрального банка Российской Федерации на издание нормативных актов Банка России в законодательно определенной подведомственной сфере.

Общий подход наблюдается в ст. 7 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в которой закреплено право Банка России издавать нормативные акты в форме указаний, положений и инструкций, обязательные для субъектов права по вопросам законодательно определенной компетенции, без конкретизации данных вопросов.

Специальный подход избран законодателем при формулировании конкретного вопроса, по которому должны быть изданы нормативные акты Банка России. Специальный подход реализован законодателем в Федеральном законе от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральном законе от 2 декабря 1990 г. «О банках и банковской деятельности» (в ред. Федерального закона от 3 февраля 1996 г.), Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральном законе от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном

регулировании и валютном контроле», Федеральном законе от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», Федеральном законе от 29 июля 2004 г. № 96-ФЗ «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», Федеральном законе от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях», Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Общий и специальный подходы законодателя к определению нормотворческих полномочий Центрального банка Российской Федерации характерны и для законодательного акта о создании мегарегулятора финансового рынка на базе Центрального банка Российской Федерации – Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков», которым внесены изменения в более 40 федеральных законов, регулирующих общественные отношения с участием субъектов финансового рынка.

Нормативные акты Центрального банка Российской Федерации могут быть обжалованы субъектами финансового рынка и иными субъектами права в Верховный суд Российской Федерации по материально-правовым и процессуально-правовым основаниям.

Нормотворческая функция Центрального банка Российской Федерации в соответствии с законом регулируется на уровне нормативного акта Банка России, поскольку правила подготовки нормативных актов Банка России устанавливаются Банком России самостоятельно. Таким нормативным актом Банка России является Положение Банка России от 15 сентября 1997 г. № 519 «О порядке подготовки и вступления в силу нормативных актов Банка России». В указанном правовом явлении проявляется основополагающий принцип деятельности Центрального банка Российской Федерации – принцип независимости Центрального банка Российской Федерации.

Правоприменительные акты Центрального банка Российской Федерации осуществляют правообеспечительную функцию, функцию индивидуального регулирования общественных отношений, функцию конкретизации норм в процессе применения права. Важно заметить, что правоприменительные акты Центрального банка Российской Феде-

рации также могут быть обжалованы в судебном порядке. Наиболее активно право обжалования используется кредитными организациями в отношении приказов Банка России об отзыве лицензии на осуществление банковских операций, а также некредитными финансовыми организациями в отношении обязательных для исполнения предписаний Банка России. В связи с выполнением Центральным банком Российской Федерации функций мегарегулятора финансового рынка Банком России реализуется важная задача по обеспечению соблюдения участниками финансового рынка административных запретов, во исполнение чего Центральный банк Российской Федерации осуществляет административные процедуры по привлечению виновных лиц к административной ответственности: составление протоколов об административных правонарушениях и рассмотрение дел об административных правонарушениях согласно подведомственности, определенной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Постановления по делам об административных правонарушениях как правоприменительные акты Банка России обжалуются в судебном порядке. Обновление законодательства об административных правонарушениях ставит новые задачи перед Банком России [10].

Интерпретационные акты Центрального банка Российской Федерации (акты толкования) выполняют косвенно-регулятивную и обеспечительную функции. Право официального разъяснения норм федерального закона было предоставлено Центральному банку Российской Федерации Федеральным законом от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» (утратил силу в связи с изданием Федерального закона от 28 июля 2004 г. № 87-ФЗ «О признании утратившим силу Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, а также о порядке ликвидации государственной корпорации «Агентство по реструктуризации кредитных организаций»). В настоящее время действует Положение Банка России от 18 июля 2000 г. № 115-П «О порядке подготовки и вступления в силу официальных разъяснений Банка России». Весьма востребованы в правоприменительной практике официальные разъяснения Центрального банка Российской Федерации нормативных актов Банка России, в том числе в сфере финансового рынка. Однако Центральный банк Российской Федерации занимает осторожную позицию в издании официальных разъяснений нормативных актов Банка России. Одной из причин, как представляется, является необходимость избежать подмены изда-

ния официальным разъяснением нормативного акта, когда вместо толкования нормы права создается в официальном разъяснении новая норма права, что недопустимо с точки зрения теории права и юридической техники.

Функциями договорных актов Центрального банка Российской Федерации являются правореализационная, структурно-организационная функции, функция согласования интересов, публично-обеспечительная, ориентационно-стимулирующая функции, функция демократизации управления. Договоры корреспондентского счета, заключаемые Банком России с кредитными организациями, договоры банковского счета, заключаемые Банком России с органами федерального казначейства, показывают многоаспектность статуса Банка России, широкий спектр полномочий Банка России, особенности его компетенции.

Таким образом, роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в регулировании отношений в сфере финансового рынка заключается в следующем.

Правовые акты Центрального банка Российской Федерации являются правовыми средствами финансово-правовой политики, основной формой проявления правовой жизни в сфере финансового рынка, денежно-кредитных отношений и иных отношений, подвергающихся воздействию со стороны Центрального банка Российской Федерации, внутрисистемного публично-правового регулирования общественных отношений, в сфере законодательно определенной компетенции Центрального банка Российской Федерации, что обуславливается особенностями публично-правового статуса Банка России.

Учитывая, что к правовым актам Центрального банка Российской Федерации относятся нормативные акты Банка России, правоприменительные акты Банка России, интерпретационные акты Банка России, договорные акты Банка России, то посредством элементов правовой системы – юридических норм, индивидуальных предписаний, интерпретационных велений, автономных решений лиц – происходят достижение целей деятельности Центрального банка Российской Федерации и решение стоящих перед ним задач, определяемых в числе прочих документов основными направлениями развития финансового рынка Российской Федерации (ст. 45.3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», реализация законодательно определенных функций Центрального банка Российской Федерации.

Правовые акты Центрального банка Российской Федерации являются юридическими фактами, то есть выступают фактическими основаниями для формирования правоотношений в сфере компетенции Центрального банка Российской Федерации.

Правовые акты Центрального банка Российской Федерации могут служить юридически значимыми документами, являясь доказательствами в судебных процессах, что весьма актуально для многочисленных фактов обжалования постановлений Банка России по делам об административных правонарушениях в сфере финансовых рынков.

Правовые акты Центрального банка Российской Федерации влияют на реализацию прав и законных интересов юридических и физических лиц, имеют значение для защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений на финансовом рынке, в связи с чем представляется актуальной деятельность Центрального банка Российской Федерации по повышению финансовой грамотности и финансовому просвещению, обеспечению доступности финансовых услуг.

Список литературы

1. Гузнов А.Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
2. Гузнов А.Г., Рождественская Т.Э. Организации финансового рынка и финансово-правовые механизмы урегулирования их несостоятельности. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.
3. Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
4. Земцова Л.Н. Принцип законности банковской деятельности как фактор обеспечения национальной безопасности. Саратов: ООО Изд. центр «Наука», 2015.
5. Derleder P., Knops K.O., Bamberg H.G. Handbuch zum deutschen und europäischen Bankenrecht. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 2004.
6. Goburger D. Die Wahrungspolitischen Befugnisse der Deutschen Bundesbank. Verwaltungsrechtliche Qualifikationen und Rechtsschutz. Berlin: Dunker & Humblot, 1998.
7. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Финансово-правовое регулирование банковской деятельности. М.: Проспект, 2016.
8. Финансовое право / отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: Проспект, 2016.
9. Беликов Е.Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016.
10. Гузнов А.Г., Медведев А.В. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: что нового для Банка России? // Деньги и кредит. 2016. № 4. С. 7-12.

Поступила в редакцию 19.02.2017 г.

Принята в печать 22.05.2017 г.

Информация об авторах

Пастушенко Елена Николаевна – профессор Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Российская Федерация, доктор юридических наук, e-mail: past_en@mail.ru

Земцова Лариса Николаевна – председатель суда общей юрисдикции в отставке, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Саратов, Российская Федерация, кандидат юридических наук, e-mail: past_en@mail.ru

Для цитирования

Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н. Роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в регулировании отношений в сфере финансового рынка // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 35-45.

UDC 347.73

THE ROLE OF LEGAL ACTS OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION IN REGULATING RELATIONSHIP IN FINANCIAL MARKET SPHERE

© E.N. Pastushenko¹⁾, L.N. Zemtsova²⁾

¹⁾ Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov, Russian Federation, 410056

E-mail: past_en@mail.ru

²⁾ Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics

89 Radishcheva St., Saratov, Russian Federation, 410003

E-mail: past_en@mail.ru

Abstract. The creation of a megaregulator of the financial market on the base of the Central Bank of the Russian Federation requires a doctrinal understanding of the quality of implementation of public-legal status of the Central Bank of the Russian Federation, including questions of efficiency of publication of legal acts. The role of such regulator is determined through the analysis of the functions of the legal acts of the Central Bank of the Russian Federation. The legal acts of the Central Bank of the Russian Federation include the statutory acts of the Bank of Russia, the law-enforcement acts of the Bank of Russia, the interpretative acts of the Bank of Russia (acts of interpretation), the contractual acts of the Bank of Russia. General and special functions of the legal acts of the Central Bank of the Russian Federation are identified. The strategic role of the legal acts of the Central Bank of the Russian

Federation in regulating the relations in sphere of the financial market is defined.

Key words: Central Bank of the Russian Federation; legal acts of the Bank of Russia; financial market

References

1. Guznov A.G. *Finansovo-pravovoe regulirovanie finansovogo rynka v Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk* [Financial and Legal Regulation of Financial Market in the Russian Federation. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2016. (In Russian).
2. Guznov A.G., Rozdestvenskaya T.E. *Organizatsii finansovogo rynka i finansovo-pravovye mekhanizmy regulirovaniya ikh nesostoyatel'nosti* [Financial Market Organizations and Financial and Legal Regulation Mechanisms of Regulation Its Inconsistency]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2016. (In Russian).
3. Pastushenko E.N. *Pravovye akty Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii: finansovo-pravovye aspekty teorii. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk* [Legal Acts of the Central Bank of the Russian Federation: Financial and Legal Theoretical Aspects. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2006. (In Russian).
4. Zemtsova N. L. *Printsip zakonnosti bankovskoy deyatel'nosti kak faktor obespecheniya natsional'noy bezopasnosti* [Legal Principle of Bank Activity as a Factor of Ensuring National Security]. Saratov, LLC Publishing Centre ‘Nauka’, 2015. (In Russian).
5. Derleder P., Knops K.-O., Bamberger H.-G. *Handbuch zum Deutschen und Europäischen Bankenrecht*. Berlin, Heidelberg, New York, Springer-Verlag Publ., 2004. (In German).
6. Goburger D. *Die Währungspolitischen Befugnisse der Deutschen Bundesbank. Verwaltungsrechtliche Qualifikationen und Rechtsschutz*. Berlin, Dunker & Humblot Publ., 1998. (In German).
7. Rozdestvenskaya T.E., Guznov A.G. *Finansovo-pravovoe regulirovanie bankovskoy deyatel'nosti* [Financial and Legal Regulation of Bank Activity]. Moscow, Prospect Publ., 2016. (In Russian).
8. Gracheva E.Yu. (executive ed.). *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow, Prospect Publ., 2016. (In Russian).
9. Belikov E.G. *Problemy finansovo-pravovogo obespecheniya razvitiya Rossiyskoy Federatsii kak sotsial'nogo gosudarstva. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk* [Problems of Financial and Legal Providing of the Russian Federation Development as a Social State. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2016. (In Russian).
10. Guznov A.G., Medvedev A.V. *Proekt Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh: chto novogo dlya Banka Rossii?* [Draft Code of Administrative Offences of the Russian Federation: What's New for the Bank of Russia?]. *Den'gi i kredit – Money and Credit*, 2016, no. 4, pp. 7-12. (In Russian).

Received 19 February 2017

Accepted 22 May 2017

Information about the authors

Pastushenko Elena Nikolaevna. – Professor of Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, Doctor of Jurisprudence, e-mail: past_en@mail.ru

Zemtsova Larisa Nikolaevna – Retired Chairperson of the Court of General Jurisdiction, Associate Professor of the Department of Justice and Law Enforcement of Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Saratov, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, e-mail: past_en@mail.ru

For citation

Pastushenko E.N., Zemtsova L.N. Rol' pravovykh aktov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii v regulirovaniy otnosheniy v sfere finansovogo rynka [The role of legal acts of the Central Bank of the Russian Federation in regulating relationship in financial market sphere]. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 35-45. (In Russian).

УДК 343.35

СУБЪЕКТ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

© О.А. Кузнецова

Российский университет дружбы народов
111918, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: o715575@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены теоретические аспекты определения субъектов противоправных действий в коррупционных преступлениях. Даный вопрос раскрывается через анализ понятия субъекта преступления, историю развития уголовной ответственности за коррупционные преступления в истории отечественного законодательства. Обращено внимание на то, что в уголовном праве требует уточнения понятие должностного лица, так как проблема признания того или иного служащего должностным лицом до настоящего времени остается актуальной. Обосновано, что субъектом коррупционных преступлений может быть также любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, действия которого направлены на получение личной выгоды, либо он действует в интересах третьих лиц или групп путем склонения должностного лица к незаконным действиям. Отмечается, что не является обязательным признаком наличие у рассматриваемого субъекта каких-либо должностных полномочий, поскольку, например, предложить взятку должностному лицу или выступить посредником во взяточничестве может абсолютно любой дееспособный гражданин, достигший шестнадцатилетнего возраста.

Ключевые слова: коррупционное преступление; субъект преступления; субъект коррупционного преступления; должностное лицо

В теории отечественного уголовного права роли субъекта в составе преступлений посвящено довольно много фундаментальных работ, однако, всегда имеют место спорные суждения по тем или иным аспектам данной проблемы. В первую очередь речь идет об определении понятия субъекта преступления, что, как показывает анализ некоторых работ современных исследователей, до настоящего времени понимается не всегда однозначно.

Е.В. Лошенкова, раскрывая дефиницию субъекта преступления, делает акцент на лице, совершившем противоправное, общественно опасное действие и способном нести за него уголовную ответственность. По ее мнению, субъектами преступления выступают исполнители (то есть лица, выполняющие его объективную сторону), иные соучастники

(организатор, подстрекатель, пособник), а также лица, чья преступная деятельность прекращена на стадии приготовления или покушения [1, с. 68].

Н.С. Лейкина субъект преступления определяет как совокупность признаков, на основании которых физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности. К постоянным и всеобщим признакам она отнесла вменяемость и достижение лицом определенного возраста [2, с. 69].

Другие авторы считают субъектом преступления в общем смысле слова лицо, совершившее преступление. В более же узком понимании определяют его как лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им умышленно или неосторожно общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Из всех разнообразных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые знаменуют его способность нести уголовную ответственность. Именно они и характеризуют субъект преступления [3, с. 165; 4, с. 5].

УК РФ в ст. 19 УК, не употребляя термин «субъект», закрепляет его основные признаки: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». По существу, это первое в российском уголовном законодательстве определение субъекта преступления.

Как видим, любые определения субъекта преступления сводятся к перечислению в различных вариантах трех его признаков, указанных в уголовном законе, а именно физического лица, вменяемости данного лица и возраста, в котором лицо совершило преступление. Такое мнение о сущности субъекта преступления утвердилось в российском уголовном праве еще в XX столетии. Действующий в наши дни уголовный закон подтверждает, что указанные признаки являются определяющими или основными.

Есть множество иных определений, в том числе субъекта коррупционных преступлений. По мнению А.В. Фадеева субъектами коррупционных преступлений могут быть только физические лица, имеющие публичный статус. По уголовному праву – это, как правило, лица, относящиеся к одной из категорий, указанных в примечаниях к ст. 285 и 201 УК РФ, за исключением дачи взятки должностному лицу (ст. 291 УК РФ) и подкупа (ч. 1 или 2 ст. 204 УК РФ), субъектом которых может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста [5, с. 15].

В определении коррупционных преступлений А.М. Халиковой указаны только две категории субъектов – это должностные лица в отношении преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, по преступлениям, предусмотренным гл. 23 УК РФ [6, с. 183].

Конкретизация определений субъектов коррупционных правонарушений содержится в ст. 9 модельного закона стран СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике»¹.

Более того, российскими уголовными законами уже на протяжении нескольких веков выделялись лица, состоящие на государственной или общественной службе. Так, например, субъектами должностных преступлений во время правления Петра I были лица, занимающие должности в государственном аппарате. В частности, объявлялись виновными в должностных преступлениях лица, «кто в суде неправду учinit, или в каком ни есть деле, ему поверенном, или в чем его должность есть, а он-то неправдою будет делать по какой страсти, ведением и волею, такого, яко нарушителя государственных прав и своей должности...» [7, с. 123].

Е.В. Тарасова отмечает, что в основу 5-го раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. был положен статус специального субъекта, так как раздел включал в себя следующие преступления: превышение власти, бездействие власти, мздоимство и лихомство [8, с. 11].

В советском уголовном законодательстве, по утверждению Б.В. Волженкина, впервые был обозначен круг лиц, ответственных за должностные преступления, в частности, за получение взятки в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», и этот круг ответственных лиц был значительно шире, чем в дореволюционном уголовном законодательстве [9, с. 19-20].

В годы советской власти суды также сталкивались с трудностями при определении субъекта должностного преступления. В качестве субъектов всех должностных преступлений УК РСФСР 1922 г. называл должностных лиц. Согласно примечанию к ст. 105 УК РСФСР 1922 г. должностными признавались лица, занимающие постоянные или временные

¹ Основы законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон, принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 г. постановлением 22-15 на 22 пленарном заседании межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33.

менные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющие по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, просветительских и других общегосударственных задач². Иными словами, любой служащий государственного учреждения, предприятия или общественной организации признавался должностным лицом, причем именно занятие должности являлось определяющим признаком должностного лица. А.А. Жижиленко указывал, что «должность – есть известное место по службе. Поэтому и занимающиеся чисто механическим трудом, например, перепиской бумаг, печатаньем на пишущей машинке, несущие служительские обязанности в виде курьеров, рассыльных, сторожей и т. п., являются должностными лицами» [4, с. 5].

В примечании 1 к ст. 109 УК РСФСР 1926 г. по-прежнему должностными лицами признавались лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно в организации или объединении, на которых возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач³.

Согласно данному уголовному закону простые рабочие могли быть признаны должностными лицами. Лишь в 1937 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР был издан приказ «О судебной практике по делам о должностных преступлениях», который прекратил практику привлечения к уголовной ответственности за должностное злоупотребление и халатность рядовых рабочих и колхозников. Таким образом, из числа должностных лиц были исключены рабочие и колхозники, что представляло собой, безусловно, положительный шаг в сторону законодательного ограничения круга должностных лиц.

К 1960 г., полагает А.С. Сенцов, наука уголовного права уже выработала конститутивные признаки должностного лица: 1) занятие должности в государственном учреждении, предприятии или организации; 2) обладание властными, административно-хозяйственными или оперативно-распорядительными функциями [10]. Только наличие этих двух признаков (отдельные авторы разделяют их на три признака. – К. О.) в совокупности позволило назвать то или иное лицо должност-

² Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 г. // Собрание кодексов РСФСР. М., 1990.

³ Там же.

ным. Рассмотренная тенденция к ограничению круга лиц, признаваемых должностными, была законодательно закреплена в УК РСФСР 1960 г.

В данном кодексе уже была выделена специальная глава «Должностные преступления», а в примечании к ст. 170 УК 1960 г. указывались признаки должностных лиц, признаваемых субъектами должностных преступлений. Таким образом, в уголовном законе были предусмотрены конкретные категории лиц, которых следовало относить к числу специальных субъектов должностных преступлений.

Уточнение признаков субъекта должностных преступлений позволило более четко квалифицировать преступления, посягающие на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Однако коллизии и проблемы определения субъекта должностных преступлений все-таки имели место. Например, некоторые суды включали в понятие должностного лица отдельные категории технических и материально-ответственных работников. Так, в советское время субъектами должностного преступления признавались преподаватель, временно зачисленный в учебное заведение для приема вступительных экзаменов, лица, выполняющие свои обязанности на общественных началах, общественные контролеры, внештатные сотрудники милиции, нештатные корреспонденты редакции журналов, кладовщики [11, с. 198].

В современной юридической литературе имеет место точка зрения, согласно которой субъект коррупционного преступления признается специальным субъектом, то есть обладает определенными специальными признаками, например, обладает правом отдавать распоряжения другой стороне и т. д. [12, с. 141-142; 13, с. 190].

Следует согласиться с исследователями, в частности Л.В. И ногамовой-Хегай, которая отмечает четыре признака специального субъекта: 1) признаки, характеризующие правовое положение субъекта (гражданин РФ, иностранный гражданин и т. д.); 2) признаки, характеризующие служебное положение лица, профессиональные обязанности (должностное лицо, руководитель организации и т. д.); 3) демографические признаки (совершеннолетний, родители, мать и т. д.); 4) признаки, характеризующие предшествующее поведение лица (судимость, ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности и т. д.) [14, с. 106-107].

В определении специального субъекта часто используется один из названных признаков, однако, может иметь место их сочетание. Неза-

висимо от того, названы ли признаки специального субъекта в самом тексте закона, или они определены путем толкования, их наличие является обязательным для конкретного состава преступления.

Субъект военно-должностного коррупционного преступления характеризуется М.А. Андрияновым как воинское должностное лицо, совершающее соответствующее коррупционное преступление. Этот субъект характеризуется всеми признаками должностного лица, предусмотренными в прим. 1 к ст. 285 УК РФ [15, с. 393].

В настоящее время внимание общества привлечено к выявленным случаям коррупции в рядах Вооруженных сил РФ в связи с уголовными делами в отношении бывших руководителей «Рособоронсервиса». Между тем мы считаем, что в связи со сменой министра обороны и повышенным вниманием руководства страны к данной сфере отношений ситуация быстро меняется в лучшую сторону, поэтому основной интерес нашего исследования должен быть обращен к другим областям публично-правовых отношений.

В последние десятилетия коррупция в среде должностных лиц органов местного самоуправления получает все большее распространение, в связи с чем определение понятия и правового статуса должностного лица органа местного самоуправления как субъекта должностного преступления имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение. Это важно как для правильной квалификации должностных преступлений сотрудников органов местного самоуправления, так и для построения эффективной модернизирующейся системы уголовного законодательства России.

Однако до настоящего времени в уголовно-правовой теории нет однозначного подхода к определению понятия должностного лица. Чаще всего в опубликованных работах авторы, исследовавшие эту проблему, ограничиваются лишь классификацией должностных лиц и перечислением осуществляемых ими функций. По мнению В.А. Волколуповой, единственным критерием, позволяющим отличить должностных лиц от других категорий государственных служащих, большинство административистов считают наличие у первых государственно-властных (по мнению некоторых – распорядительных полномочий). Одни предлагают вообще отказаться от использования понятия должностного лица в уголовном законе, другие (Д.Н. Бахрах, Ц.А. Ямпольская, А.Б. Сахаров) считают, что задача науки состоит в том, чтобы выработать единое для всех отраслей права универсальное понятие должностного лица. Оно должно быть базовым, а в отдельных отрас-

лях права в него могут вноситься определенные корректизы [16, с. 130]. Имелись и противники указанного мнения (Т.Л. Святецкая [17, с. 126]), однако, действительность говорит о том, что различия в понятии «должностного лица» имеют место в различных отраслях права. Так, например, в КоАП РФ определение понятия «должностное лицо» значительно расширено по сравнению с УК РФ. В примечании к ст. 2.4 КоАП РФ данное понятие конкретизируется и дополняется перечнем лиц, которые несут административную ответственность как должностные лица.

С нашей точки зрения, понятие должностного лица в уголовном праве требует уточнения, так как проблема признания того или иного служащего должностным лицом до настоящего времени остается актуальной. Составление такого списка должностей, представлявших определенные трудности в следственной и судебной практике для признания должностными лицами чиновников их занимающих, оказалось бы существенную помощь правоприменителям.

Таким образом, субъектом коррупционных преступлений может быть также любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, действия которого направлены на получение личной выгоды, либо он действует в интересах третьих лиц или групп путем склонения должностного лица к незаконным деяниям. При этом не является обязательным признаком наличие у рассматриваемого субъекта каких-либо должностных полномочий, поскольку, например, предложить взятку должностному лицу или выступить посредником во взяточничестве может абсолютно любой дееспособный гражданин, достигший шестнадцатилетнего возраста.

Полагаем, что данное нами нетрадиционное определение позволило бы осуществить максимальную криминализацию коррупционных деяний, а также выстроить систему неотложных правовых мер по реальному усилению антикоррупционной политики. Более широкий подход к проблеме, который рассматривает одновременно и публичную и частную сферы жизни общества, делает его универсальным и, следовательно, более эффективным в правоприменении.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А.И. Чучасова. М.: Контракт, Инфра-М, 2013. 704 с.
2. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
3. Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. Т. 1. Общая часть: учение о преступлении.

4. Жижиленко А.А. Должностные преступления. М., 1923.
5. Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2015.
6. Халикова А.М. Государственный служащий как специальный субъект коррупционных преступлений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 183-184.
7. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945.
8. Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
9. Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 73-81.
10. Сенцов А.С. Эволюция уголовно-правового понятия должностного лица как субъекта преступления // Проблемы реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Г. Глебов, А.Г. Заблоцкая. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2012.
11. Фадеев А.В., Литвинцев М.Г. Субъект коррупционного правонарушения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 197-202.
12. Сорочкин Р.А. К вопросу о «превенционном» составе коррупционного преступления и его субъектах» // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 140-143.
13. Марьина Е.В. Об объекте и субъекте коррупционного правонарушения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 289-293.
14. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А.И. Парог. М.: Проспект, 2013.
15. Андриянов М.А. Общее понятие, признаки и виды коррупционных преступлений, совершаемых воинскими должностными лицами, рассматриваемые с позиций технико-юридического подхода и задач совершенствования как законодательства о военной коррупции, так и преподавания соответствующей уголовно-правовой проблематики // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 389-395.
16. Волколупова В.А. Проблемы регламентации понятия и правового статуса должностного лица в уголовном и административном праве // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина. Уфа, 2011.
17. Святецкая Т.А. О понятии должностного лица в колхозе // Правоведение. 1967. № 3.

Поступила в редакцию 22.02.2017 г.

Принята в печать 23.05.2017 г.

Информация об авторе

Кузнецова Ольга Алексеевна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов,

г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: o715575@mail.ru

Для цитирования

Кузнецова О.А. Субъект коррупционного преступления: проблемы понимания // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 46-56.

UDC 343.35

THE SUBJECT OF CORRUPTION CRIME: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING

© O.A. Kuznetsova

The Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russian Federation, 117198
E-mail: o715575@mail.ru

Abstract. The theoretical aspects of the subjects of illegal actions in corruption-related crimes are considered. This question is revealed through the analysis of the concept of the subject of crime, history of criminal liability for corruption crimes in the history of domestic legislation. The attention is drawn to the fact that criminal law requires clarifying the concept of civil servant, as the problem of recognition a civil servant officer is still relevant. It is substantiated that the subject of corruption crimes can also be any sane person over the age of sixteen, whose actions are aimed at obtaining personal gain or he is acting in the interests of third parties or groups by declension of officials to illegal activity. It is noted that it is not a mandatory feature of the presence of the subject to have any official powers, since, for example, any capable citizen who has attained the age of sixteen can offer a bribe to a civil servant or to mediate in bribery.

Key words: corruption crime; subject of crime; subject of corruption crime; civil servant

References

1. Chuchaev A.I. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal Law of the Russian Federation. General and Special Parts]. Moscow, Kontrakt Publ., Infra-M Publ., 2013, 704 p. (In Russian).
2. Pavlov V.G. *Subekt prestupleniya* [The Subject of the Crime]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2001. (In Russian).
3. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds.). *Kurs ugolovnogo prava. T. 1. Obshchaya chast': uchenie o prestuplenii.* [The Course of Criminal Law. Vol. 1. General Part: the Doctrine of the Crime]. Moscow, Zertsalo Publ., 2002. (In Russian).

4. Zhzhilenko A.A. *Dolzhnostnye prestupleniya* [Malfeasance]. Moscow, 1923. (In Russian).
5. Fadeev A.V. *Antikorruptsionnoe zakonodatel'stvo Rossii i zarubezhnykh stran: kriminologicheskoe issledovanie* [Anti-Corruption Legislation of Russia and Foreign Countries: Criminological Research]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. (In Russian).
6. Khalikova A.M. Gosudarstvenny sluzhashchiy kak spetsialnyy subekt korruptsionnykh prestupleniy [Public servant as a special subject of corruption crimes]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2006, no. 13, pp. 183-184. (In Russian).
7. Voskresenskiy N.A. *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Legislative acts of Peter I]. Moscow, 1945. (In Russian).
8. Tarasova E.V. *Kvalifikatsiya prestupleniy, sovershaemykh dolzhnostnymi litsami putem ispol'zovaniya svoego sluzhebnogo polozheniya. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Qualification of Crimes Committed by Civil Servants Through the Use of Their Official Position. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 1999. (In Russian).
9. Volzhenkin B.V. K voprosu o ponyatiyu dolzhnostnogo litsa kak subekta dolzhnostnykh prestupleniy [To the question about the concept of civil servant as the subject of malfeasance]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1991, no. 11, pp. 73-81. (In Russian).
10. Sentsov A.S. Evolyutsiya ugolovno-pravovogo ponyatiya dolzhnostnogo litsa kak subekta prestupleniya [Evolution of the criminal and legal concept of public servant as a subject of a crime]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy realizatsii ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na sovremennom etape»* [Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference “Problems of Implementation of Criminal and Criminal Procedural Law at the Present Stage”]. Volgograd, Self-Employed Entrepreneur Polikarpov I.L., 2012. (In Russian).
11. Fadeev A.V., Litvintsev M.G. Subekt korruptsionnogo pravonarusheniya [Subject of corruption]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*, 2010, no. 3, pp. 197-202. (In Russian).
12. Sorochkin R.A. K voprosu o «preventivnom» sostave korruptsionnogo prestupleniya i ego subektakh [The case of «preventive» components of corruption crime and its subjects]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*, 2012, no. 3, pp. 140-143. (In Russian).
13. Marina E.V. Ob obekte i subekte korruptsionnogo pravonarusheniya [About the object and the subject of a corruption offence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 1, pp. 289-293. (In Russian).
14. Rarog A.I. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal Law of Russia. The General and Special Parts]. Moscow, Prospekt Publ, 2013. (In Russian).
15. Andriyanov M.A. Obshchee ponyatie, priznaki i vidy korruptsionnykh prestupleniy, sovershaemykh voinskimi dolzhnostnymi litsami, rassmatrivaemye s pozitsiy tekhniko-yuridicheskogo podkhoda i zadach sovershenstvovaniya kak zakonodatel'stva o voennoy korruptsii, tak i prepodavaniya sootvetstvuyushchey ugolovno-pravovoy problematiki [General concept, characteristics and types of corruption crimes committed by military officials, considered from the standpoint of techno-legal approach and targets improvements in the legislation on military corruption, and teaching the relevant crimi-

- nal law issues]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal Technique*, 2009, no. 3, pp. 389-395. (In Russian).
16. Volkolupova V.A. Problemy reglamentatsii ponyatiya i pravovogo statusa dolzhestnogo litsa v ugolovnom i administrativnom prave [Problems of regulation concepts and legal status of officials in criminal and administrative law]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva i pravoprimeneniya»* [Proceedings of International Scientific and Practical Conference “Actual Problems of Improvement of Legislation and Law Enforcement”]. Ufa, 2011. (In Russian).
17. Svyatetskaya T.A. O ponyatii dolzhestnogo litsa v kolkhoze [On the concept of a civil servant in a communal farm]. *Pravovedenie* [Legal Science], 1967, no. 3. (In Russian).

Received 22 February 2017

Accepted 23 May 2017

Information about the author

Kuznetsova Olga Alekseevna – Associate Professor of Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the People’s Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, e-mail: o715575@mail.ru

For citation

Kuznetsova O.A. Subekt korruptionsionnogo prestupleniya: problemy ponimaniya [The subject of corruption crimes: the problem of understanding]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 46-56. (In Russian).

УДК 347.63

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

© Н.А. Иванова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: nelli1004@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы установления происхождения детей, рожденных при использовании суррогатного материнства. На основе анализа доктринальных, нормативных источников и материалов судебной практики выявлены недостатки и пробелы в правовом регулировании установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, а также сформулированы предложения, направленные на их устранение. Отмечено, что сложность решения этих вопросов обусловлена этическими, религиозными, социальными проблемами, а также несовершенством законодательной базы. Рассмотрены понятия «происхождение детей», «суррогатное материнство». Выражено мнение о том, что требование о необходимости представления при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, документа, выданного медицинской организацией и подтверждающего факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка, нарушает не только права и законные интересы таких лиц, но и ребенка. Обращено внимание на проблему определения субъектного состава лиц, имеющих право воспользоваться услугами суррогатной матери. Показаны пробелы правового регулирования установления происхождения ребенка в случае смерти потенциальных родителей или суррогатной матери. Указывается на необходимость установления требований к лицам, участвующим в программе суррогатного материнства, таких же, как и к усыновителям. Данные положения будут соответствовать интересам детей.

Ключевые слова: родители; дети; суррогатное материнство; гестационное суррогатное материнство; суррогатная мать; потенциальные родители; кровное родство; происхождение детей; государственная регистрация рождения ребенка

Развитие биомедицинских технологий, активно внедряющихся в настоящее время, позволяет настолько близко приблизиться к истокам человеческой жизни, что человек как бы сам может являться ее «творцом». С каждым годом в России возрастает число детей, рожденных с

помощью вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), представляющих собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма. Одним из таких методов является суррогатное материнство, под которым следует понимать «вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям»¹. Суррогатная мать по российскому законодательству не может быть одновременно донором яйцеклетки. Таким образом, между суррогатной матерью и вынашиваемым ею ребенком отсутствует генетическая связь. Такое суррогатное материнство называется полным или гестационным. Частичное суррогатное материнство, когда суррогатная мать выступает в качестве донора яйцеклетки, в России запрещено.

Правовые вопросы установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, являются сложными, так как тесно связаны с этическими, религиозными, социальными проблемами. Следует признать, что российский законодатель не уделяет им должного внимания.

Под термином «происхождение детей» в научной литературе понимают кровное происхождение от определенных мужчины и женщины [1, с. 205]. На протяжении столетий для установления происхождения детей от родителей факт их кровного родства являлся определяющим [2, с. 60]. Однако широкое применение ВРТ, как отмечает М.В. Антокольская, не позволяет более связывать происхождение ребенка только с кровным родством [3, с. 171]. Все большее признание получает теория социального отцовства и материнства, согласно которой основанием возникновения родительских прав и обязанностей может быть не только биологическое происхождение (кровное родство), но и социальная связь [4, с. 20].

Установление происхождения ребенка согласно Семейному кодексу Российской Федерации (далее – СК РФ) осуществляется посредством обязательной регистрации факта его рождения в органах ЗАГСа.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Согласно ст. 14 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» основанием для государственной регистрации рождения ребенка в органах ЗАГСа являются:

- документ установленной формы о рождении, выданный медицинской организацией независимо от ее организационно-правовой формы, в которой происходили роды;
- документ установленной формы о рождении, выданный медицинской организацией, врач которой оказывал медицинскую помощь при родах или в которую обратилась мать после родов, либо индивидуальным предпринимателем, осуществляющим медицинскую деятельность, – при родах вне медицинской организации;
- заявление лица, присутствовавшего во время родов, о рождении ребенка – при родах вне медицинской организации и без оказания медицинской помощи².

В соответствии с п. 5 ст. 16 вышеуказанного закона при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка³. Аналогичное требование содержится в п. 4 ст. 51 СК РФ. Согласие суррогатной матери должно быть выражено только после рождения ребенка. «Считается, что в процессе вынашивания эмбриона между ним и суррогатной матерью возникает особая биологическая и эмоциональная связь, которая даст о себе знать только после рождения ребенка» [5, с. 269].

Таким образом, согласие суррогатной матери является необходимым условием государственной регистрации материнства и отцовства лицами, участвовавшими в программе суррогатного материнства, в отношении рожденного ею ребенка. Если суррогатная мать не согласна на то, чтобы родителями ребенка были записаны лица, участвовавшие в программе суррогатного материнства, и желает оставить новорожденного у себя, она сама регистрирует его рождение в органах ЗАГСа на основании медицинского документа о рождении. Если суррогатная мать состоит в браке, то именно ее супруг «автоматически» будет за-

² Об актах гражданского состояния: федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

³ Там же.

писан в качестве отца рожденного ею ребенка независимо от личностных качеств и наличия обстоятельств, исключающих усыновление. Для этого суррогатной матери достаточно представить в органы ЗАГСа медицинские документы о рождении ею ребенка и свидетельство о государственной регистрации брака. В этом случае шансы генетических родителей оспорить родительские права суррогатной матери и ее супруга, ссылаясь только на то, что между последними и ребенком отсутствует генетическая связь, практически равны нулю. В соответствии с п. 3 ст. 52 СК РФ «супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства».

В этой связи заслуживает внимания жалоба в Конституционный суд РФ граждан Ч. П. и Ч. Ю., в которой они пытались оспорить конституционность п. 4 ст. 51 СК РФ в части, определяющей порядок записи в книге записей рождений родителей ребенка, рожденного в результате применения суррогатного материнства, и п. 5 ст. 16 ФЗ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», устанавливающего требование о необходимости представления при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, документа, выданного медицинской организацией и подтверждающего факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка. Конституционный суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю., однако, не все судьи Конституционного суда были единогласны. Так, по мнению судьи Конституционного суда РФ С.Д. Князева, соответствие положений п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» конституционным требованиям вызывает большие сомнения. Он отмечает, что «в разрешении вопроса о наделении генетических (биологических) родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остается безучастным к интересам лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, вынашивающей плод. Тем самым создается легальная почва для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребенка, рожденного в результате применения соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии. С медико-биологической точки зрения рождение ребенка с использованием ука-

занной технологии предполагает «соучастие» генетических родителей и суррогатной матери. Вследствие этого сами по себе вынашивание и роды не могут служить достаточным основанием признания за последней неограниченной свободы усмотрения в определении обладателей родительских прав. Очевидно, что отказ суррогатной матери от исполнения своих обязательств перед лицами, являющимися биологическими родителями ребенка, не может перечеркнуть их «природных» прав»⁴.

По мнению судьи Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиева, также жалоба должна была рассматриваться Конституционным судом РФ. Согласно его позиции, «закрепление законодателем императивной нормы, касающейся предоставления суррогатной матери исключительной привилегии в решении вопроса о наделении родительскими правами, является не бесспорным. Такой подход ведет к нарушению прав генетических родителей и не обеспечивает соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и равенства»⁵.

Отдавая предпочтение волеизъявлению суррогатной матери, законодатель исходит из гестационной теории, которая ведет свое происхождение еще из римского права, где существовал принцип «mater est quam gestation demonstrate» («мать определяется беременностью»). Однако такой подход, по нашему мнению, игнорирует принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов ребенка, закрепленный в п. 3 ст. 1 СК РФ. Как отмечается в п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8, под интересами детей следует понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития⁶.

На наш взгляд, нетрудно ответить на вопрос о том, где будет лучше жить и воспитываться ребенку: в семье лиц, по инициативе которых начинается сложная и дорогостоящая репродуктивная программа и являющихся в большинстве случаев генетическими родителями, или

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями п. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституционного суда РФ от 15.05.2012 г. № 880-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

⁶ О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении): постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20.04.2006 г. № 8 (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2006. № 6.

в генетически чужой для него семье суррогатной матери, которая, как правило, участвует в данной программе с целью улучшить свое материальное или жилищное положение. Следует также отметить, что закрепление за суррогатной матерью права решать судьбу ребенка создает предпосылки для использования ею малыша в качестве инструмента шантажа и вымогательства. В большинстве случаев суррогатная мать получает вознаграждение за свои услуги. При этом «стоимость ее согласия» может возрастать после рождения ребенка. Так, в Санкт-Петербурге женщина, вынашивавшая ребенка для биологических родителей, узнав, что будет двойня, потребовала большее вознаграждение, чем это было предусмотрено в договоре, и отказалась отдавать детей. Она записала себя и супруга в качестве родителей малышей [6].

Возможны иные злоупотребления со стороны суррогатных матерей. Например, в 2004 г. в Чите суррогатная мать не отдала родившегося ребенка супружам, участвовавшим в программе «суррогатного материнства», а в результате подала иск на взыскание алиментов с генетического отца ребенка, которые были присуждены в судебном порядке [7].

Не исключены злоупотребления и со стороны потенциальных родителей, которые после рождения ребенка суррогатной матерью иногда отказываются признавать свое материнство и (или) отцовство. Так, суррогатной матери из Волгограда, имеющей четверых собственных детей, пришлось оставить себе ребенка, которого она вынашивала для мужчины, пожелавшего иметь внука от своего умершего сына. Заказчик, воспользовавшись услугами нескольких суррогатных матерей, отказался от новорожденной, так как мечтал о внуке. В настоящее время девочка вынуждена жить и воспитываться в семье суррогатной матери [8].

Известны ситуации, когда ребенка, родившегося с заболеваниями, отказывались забирать его генетические родители, мотивируя свой отказ тем, что проблемы со здоровьем новорожденного обусловлены пагубным влиянием организма суррогатной матери [9, с. 42].

Характер таких отношений по сути является товарно-денежным, и их объектом является ребенок.

Следует обратить внимание на субъектный состав лиц, имеющих право воспользоваться услугами суррогатной матери, который по-разному определяется в нормативных правовых актах. Так, из содержания п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» следует, что воспользоваться услугами суррогатной матери могут только лица, состоящие в зарегистрированном браке. Между тем в п. 3 ст. 55 Феде-

рального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что «мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство». Судебная практика исходит из того, что п. 4 ст. 51 СК РФ «предусматривает только частный, один из нескольких возможных случаев – случай регистрации рождения ребенка, родившегося в результате реализации программы суррогатного материнства для лиц, состоящих в браке, и органы ЗАГСа ошибочно применяют данную частную норму как общую, делая из нее вывод о невозможности участия в программе суррогатного материнства для женщины, не состоящей в зарегистрированном браке» [10, с. 12-15].

Кроме того, судебная практика признает право на установление отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью, и за одинокими отцами. Так, Бабушкинский районный суд г. Москва в августе 2010 г. вынес первое прецедентное для России решение, обязывающее районный ЗАГС зарегистрировать ребенка, родившегося по программе гестационного суррогатного материнства с донорскими ооцитами для одинокого мужчины⁷. Таким образом, впервые в России было получено свидетельство о рождении ребенка с прочерком в графе «мать».

Ссылаясь на ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, суд указал, что «действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин. Не является исключением и право одиноких мужчин на рождение детей, создание семьи, в которую будут входить только дети и их отец»⁸.

В российском законодательстве отсутствуют нормы, посвященные установлению происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, которые предусматривались бы на случай смерти лиц, участвовавших в программе суррогатного материнства.

⁷ Решение Бабушкинского районного суда г. Москва от 04.08.2010 г. по гражданскому делу № 2-2745/10. URL: http://babushky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3793759&delo_id=1540005 (дата обращения: 10.01.2017).

⁸ Там же.

Так, в случае смерти потенциальных родителей суррогатной матери предстоит сделать сложный с моральной точки зрения выбор: оставить ребенка в роддоме или оставить его у себя. Давая свое согласие на участие в программе суррогатного материнства, она была готова только вынашивать ребенка, а не воспитывать и содержать его.

Не исключается смерть суррогатной матери во время родов или сразу после них, когда она не успела дать свое согласие на то, чтобы родителями были записаны лица, давшие согласие на имплантацию эмбриона. Такие лица установить свое материнство и (или) отцовство в административном порядке не смогут. Зарегистрировать ребенка в органах ЗАГСа на основании заключенного договора суррогатного материнства на основании действующего законодательства невозможно. В сложившейся ситуации лица, давшие согласие на имплантацию эмбриона, могут усыновить ребенка, конечно, при соблюдении многочисленных требований, предъявляемых к институту усыновления. И если потенциальные родители не будут соответствовать требованиям, предъявляемым к усыновителям, орган опеки и попечительства должен обеспечить передачу ребенка в семью, соответствующую требованиям законодательства, а при отсутствии такой возможности передать ребенка в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме того, возникает вопрос: если умершая суррогатная мать состояла в браке, должен ли ее супруг давать согласие на усыновление ребенка? Исходя из положений о презумпции отцовства, ответ должен быть положительным. На наш взгляд, нарушаются не только права лиц, давших согласие на имплантацию эмбриона, но и родившегося ребенка.

В правовой регламентации нуждается также вопрос о государственной регистрации места рождения детей, родившихся при применении суррогатного материнства. С целью обеспечения тайны рождения таких детей необходимо предоставить лицам, воспользовавшимся ВРТ, право на изменение места рождения ребенка, рожденного суррогатной матерью. Это соответствует положениям Конституции РФ (ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 23, ч. 1 и 2 ст. 38 и ч. 3 ст. 55), Конвенции о правах ребенка и Федеральному закону от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», гарантирующим неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, а также государственной защиты материнства, детства и семьи. Такого же подхода придерживается судебная практика. Показательным в этом отношении является следующий пример из правоприменительной практики:

ки. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, рассмотрев гражданское дело по апелляционной жалобе Р. на решение Тушинского районного суда г. Москва, указала, что «в соответствии со ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права). Согласно п. 1 ст. 135 СК РФ для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя могут быть изменены дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения. Законодательство не регулирует вопрос о регистрации места рождения детей, рожденных в результате применения вспомогательной репродуктивной технологии, при этом не исключает возможность его изменения с целью обеспечения тайны рождения таких детей»⁹.

Тема суррогатного материнства является дискуссионной и противоречивой не только в России, но и во всем мире. С одной стороны, оно является одним из самых эффективных методов преодоления проблемы бесплодия. С другой стороны, суррогатное материнство порождает целый комплекс правовых, социальных, религиозных, морально-этических проблем. Не случайно в ряде стран с развитой высокотехнологичной медицинской помощью суррогатное материнство совсем запрещено (Германия, Франция, Норвегия, Швеция) либо существенно ограничено. Использование суррогатного материнства только на некоммерческой основе разрешено в Австралии, Великобритании, Дании, Испании, Нидерландах, Канаде.

В научной литературе высказано мнение, что ВРТ создают основы для укрепления и увеличения количества однополых семей и семей с одним родителем, что провоцирует проблемы гендерной и социально-ролевой идентификации у ребенка [11, с. 17]. Суррогатное материнство, по мнению некоторых исследователей, «означает сознательное создание исходной проблемы ради удовлетворения желаний взрослых, что само по себе вызывает серьезные сомнения в законности подобного акта» [12].

Применение суррогатного материнства в России, на наш взгляд, должно допускаться в исключительных случаях и только на некоммер-

⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.09.2013 г. по делу № 11-26919. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ческой основе. При этом установление происхождения детей, рожденных с применением суррогатного материнства, нуждается в детальной правовой регламентации. В законодательство, регулирующее установление происхождения ребенка, необходимо включить императивную норму, в соответствии с которой лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, должны быть записаны родителями ребенка. Необходимо установить требования к лицам, участвующим в программе суррогатного материнства, такие же, как и к усыновителям. Данные положения будут соответствовать интересам детей.

Список литературы

1. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. М.: Норма, 2000.
2. Кузнецова И.М. Семейное право. М.: Юрист, 1999.
3. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юрист, 2002.
4. Тригубович Н.В., Чаясская О.А., Пуляевская Л.В. Правовые отношения детей и родителей. Саратов: Научная книга, 2004.
5. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. М.: Норма, 2004.
6. Яхонтов О. Близнецы – в два раза дороже: в Петербурге разгорелся очередной «суррогатный скандал». URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/213239 (дата обращения: 08.01.2017).
7. Тополь С. Счастье из пробирки. URL: <http://www.7ya.ru> (дата обращения: 10.01.2017).
8. Бровкина М. Между Сциллой и Валькирией. URL: <https://rg.ru/2016/08/24/surrogatnaia-mat-zahotela-otsudit-alimenty-u-rodnogo-dedushki-rebenka.html> (дата обращения: 10.01.2017).
9. Трунова Л. Юридические аспекты программы суррогатного материнства // Юридический мир. 2004. № 8-9. С. 40-48.
10. Свитнев К.Н. Обзор правоприменительной практики по делам, связанным с оспариванием отказов органов ЗАГСа в регистрации детей, рожденных в результате реализации программ суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. 2012. № 1. С. 12-15.
11. Высоцина Ю.Л. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор кризиса идентичности личности // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2014. № 1 (4). С. 13-17.
12. Де ла Хуг К., Плюенк Г. Суррогатное материнство как нарушение прав человека и достоинства личности. URL: <http://familypolicy.ru/rep/int-13-049>. (дата обращения: 10.01.2017).

Поступила в редакцию 22.02.2017 г.

Принята в печать 22.05.2017 г.

Информация об авторе

Иванова Нелли Александровна – доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: nelli1004@yandex.ru

Для цитирования

Иванова Н.А. Проблемы установления происхождения детей, рожденных при использовании суррогатного материнства // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 57-69.

UDC 347.63

THE PROBLEMS OF ESTABLISHING THE PARENTAGE OF CHILDREN WHO WERE BORN WITH THE USAGE OF SURROGACY

© N.A. Ivanova

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: nelli1004@yandex.ru

Abstract. The establishment of origin of children who were born with the usage of surrogacy is considered. Based on the analysis of doctrinal, normative sources and the materials of judicial practice weaknesses and gaps in the legal regulation of establishing the origin of a child born to a surrogate mother are revealed, and proposals aimed at their elimination are formulated. In addition, it is noted that the complexity of these issues are based on ethical, religious, social issues and imperfection of the legislative framework. The concepts of “origin of the children”, “surrogacy” are examined. The view is expressed that the requirement of submission in case of state registration of birth on application of the spouses, who gave consent to implantation of embryo to another woman for gestation, some documents issued by the medical institution confirming the fact of receiving the consent of the woman who gave birth to a child (surrogate mother) is necessary, since mentioning those parents as parents not only violates the rights and legitimate interests of those persons, but also of the child. The attention is paid to the problem of determination of the subject structure of persons entitled to use the services of a surrogate mother. The gaps are shown in the legal regulation of establishing the child’s origin in case of death of intended parents or a surrogate mother. In addition, the need for establishing requirements for persons involved in the surrogacy program is indicated, the same as adoptive parents have. These provisions will meet the interests of children.

Key words: parents; children; surrogacy; gestational surrogacy; surrogate mother; intended parents; consanguinity; parentage of children; the state childbirth registration

References

1. Pchelintseva L.M. *Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [The Commentary to the Family Code of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2000. (In Russian).
2. Kuznetsova I.M. *Semeynoe pravo* [Family Law]. Moscow, Yurist Publ., 1999. (In Russian).
3. Antokolskaya M.V. *Semeynoe pravo* [Family Law]. Moscow, Yurist Publ., 2002. (In Russian).
4. Trigubovich N.V., Chausskaya O.A., Pulyavskaya L.V. *Pravovye otnosheniya detey i roditeley* [Legal Relationship of Children and Parents]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2004. (In Russian).
5. Pchelintseva L.M. *Semeynoe pravo Rossii* [Family Law of Russia]. Moscow, Norma Publ., 2004. (In Russian).
6. Yakhontov O. *Bliznetsy – v dva raza dorozhe: v Peterburge razgorelsya ocherednoy «surrogatnyy skandal»* [Twins – expensive twice: in St. Petersburg broke another “surrogate scandal”]. (In Russian). Available at: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/213239 (accessed 08.01.2017).
7. Topol S. *Schast'e iz probirki* [Happiness from the Tube]. (In Russian). Available at: <http://www.7ya.ru> (accessed 10.01.2017).
8. Brovkina M. *Mezhdu Stsilloy I Val'kiriey* [Between Scylla and Valkyrie]. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2016/08/24/surrogatnaia-mat-zahotela-otsudit-alimenty-u-rodnogo-dedushki-rebenka.html> (accessed 10.01.2017).
9. Trunova L. *Yuridicheskie aspekty surrogatnogo materinstva* [Legal aspects of surrogate motherhood]. *Yuridicheskiy mir* [Juridical World], 2004, no. 8-9, pp. 40-48. (In Russian).
10. Svitnev K.N. *Obzor pravoprimenitel'noy praktiki po delam, svyazannym s osparivaniem otkazov organov zagsa v registratsii detey, rozhdennykh v rezul'tate realizatsii program surrogatnogo materinstva* [Overview of law enforcement in cases related to challenging the failures in the registration of children born as a result of implementation of programs of surrogacy]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2012, no. 1, pp. 12-15. (In Russian).
11. Vysochina Yu. L. *Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii kak faktor krizisa identichnosti lichnosti* [Assisted reproductive technologies as a factor of the identity crisis]. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti* [Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region], 2014, no. 1 (4), pp. 13-17. (In Russian).
12. de la Khug K., Pyupenk G. *Surrogatnoe materinstvo kak narushenie praw cheloveka i dostoinstva lichnosti* [Surrogacy as a violation of human rights and dignity]. (In Russian). Available at: <http://familypolicy.ru/rep/int-13-049> (accessed 10.01.2017).

Received 22 February 2017

Accepted 22 May 2017

Information about the author

Ivanova Nelli Aleksandrovna – Associate Professor of Civil and Arbitration Process Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, e-mail: nelli1004@yandex.ru

For citation

Ivanova N.A. Problemy ustanovleniya proiskhozdeniya detey, rozhdennykh pri ispol'zovanii surrogatnogo materinstva [The problems of establishing the parentage of children who were born with the usage of surrogacy]. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 57-69. (In Russian).

УДК 347.27

ПРОБЛЕМА ЗАЛОГА АКЦИЙ

© М.С. Старкова

Вятский государственный университет
610000, Российская Федерация, г. Киров, ул. Московская, 36
E-mail: ekonomich13@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы залога акций, дано понятие залога акций в целом, рассмотрены причины формирования залога акций, расставлен акцент на проблемы залога акций. Проанализированы различия закона Гражданского кодекса Российской Федерации и толкования плана осуществления корпоративных прав для акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Рассмотрены примеры из практики. Имущественные и неимущественные права представлены сущностью акции, вследствие чего все сделки с акциями автором рассматриваются именно с данной позиции. Такое утверждение подтверждено практикой сделок, при совершении которых для сторон представляют интерес, прежде всего, формальная сущность акций. На основе проведенного исследования определено самое важное значение для совершения спекулятивных сделок.

Ключевые слова: акция; залог; причины; гражданское право; вещное право

Залог акций представляется перспективным направлением деятельности с ценными бумагами по следующим основаниям:

во-первых, в России с огромной скоростью формируется фондовый рынок со всеми последствиями;

во-вторых, оформление залога акций нуждается в низких затратах и занимает мало времени (перечисленные факторы на практике имеют огромное значение);

в-третьих, часто акции компаний – достаточно ликвидное имущество, при необходимости его можно быстро реализовать. Кроме того, акции – это имущество движимое, и для его реализации не обязательно решение суда (п. 2 ст. 349 Гражданского кодекса РФ) [1].

Можно заметить развитие данного вида залога, и поэтому важно обозначить правовые проблемы, которые с большой вероятностью могут возникнуть на практике.

Ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) гласит: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права...».

Определение ценной бумаги содержится в ст. 142 ГК РФ, устанавливающей, что ценной бумагой является документ, удостоверяющий... имущественные права. При сопоставлении двух указанных норм обнаруживаем их определенное несоответствие: ст. 128 ГК РФ относит ценные бумаги к вещам, в то время как ст. 142 ГК РФ определяет ценные бумаги как документ, фиксирующий содержащиеся в нем имущественные права, но не вещь [1].

Ценная бумага является односторонним контрактом, заключенным в одном экземпляре, в котором одна из сторон может быть изменена без согласия другой стороны. Здесь стоит значительно отметить, что данный контракт – только односторонний, при этом эмитент каждый раз выдает обязательство, а «должатель» в таком контракте – всегда является «кредитором».

Акция, если подходить к ней в таком аспекте, представляет собой документ, оформляющий контракт объединения неких капиталов после покупки определенным акционером денег и в котором одна сторона контракта – акционер – вправе изменяться без согласия другой стороны – эмитента акций [2, с. 190].

Проблема залога акций состоит в том, что ГК РФ не содержит четкого законодательного разделения таких прав, как обязательство – совокупность прав требований, выраженных в ценной бумаге; вещное право на носителя права требования [1].

Совершенно очевидно, что стоимость носителя требования (акции, например, как материальной вещи) гораздо меньше выраженной на этом носителе стоимости права требования (обязательства).

Таким образом, под терминами «ценная бумага» вообще и «акция» в частности следует подразумевать совокупность неких прав требования – как свободно выраженное обязательство, выраженное на каком-либо носителе [3, с. 258].

Залог не случайно позиционируется одним из самых распространенных способов обеспечения обязательств, особенно когда речь идет о значительно больших суммах. Он позволяет кредитору-залогодержателю удовлетворить свои притязания за счет стоимости заложенного имущества в первую очередь перед всеми остальными кредиторами.

С появлением новых положений ГК РФ, регулирующих залог акций и доли уставного капитала в хозяйственных обществах, у бизнеса появилось гораздо больше возможностей пользоваться этими конструкциями, при необходимости предоставлять или получать обеспечение обязательства.

Эффективность и удобство залога связаны и с наличием усиленных правовых гарантий, удовлетворяющих требования кредитора. В частности, они заключаются в том, что залог сохраняется даже при отчуждении заложенного имущества. При этом покупатель не может ссылаться на то, что он не знал об обременении при приобретении имущества: это не является основанием для освобождения от перешедших к нему обязанностей залогодателя (Определение Верховного суда Российской Федерации от 10 апреля 2007 г. по делу № 11В07-12, Апелляционное определение Пермского краевого суда от 19 марта 2014 г. по делу № 33-2358).

Залог сохраняется, даже если в отношении должника-залогодателя возбуждено дело о банкротстве и его заложенное имущество внесено в уставные капиталы (передано в собственность) созданных компаний при специальной процедуре замещения активов (ст. 141 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)¹».

Несмотря на то, что замещение активов происходит исключительно с согласия залогодержателя, наличие такого согласия не влечет прекращения права залога. В этом случае имущество передается от должника к другим лицам, обремененным залогом (постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25 марта 2014 г. № 18749/13 по делу № А40-173901/2012).

В практике известны случаи, когда залогодержатель добивался восстановления права залога на имущество, даже если в случае после продажи его раздробили на некоторое количество объектов и распродали по частям. Первоочередный предмет залога был видоизменен вследствие совершения указанных действий. Залогодержатель вопреки всему вправе требовать восстановления права залога на все образованные объекты. Связано это с тем, что законом для сохранения силы залога не требуется внесения изменений в части описания предмета залога и его оценки, а также регистрации таких изменений для недвижимого имущества (постановление Федеральной антимонопольной службы Московского округа от 2 октября 2013 г. по делу № А40-148453/2012).

При оформлении залога прав участников общества (ст. 358.15 ГК РФ) нужно уделить особое внимание конкретным моментам. Залог прав акционера (участника) представляет собой залог принадлежащих акционеру акций (доли в уставном капитале) этого общества. Данная

¹ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

возможность присутствует только в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью: залог прав участников (учредителей) иных юридических лиц не допускается (п. 1 ст. 358.15 ГК РФ). Залог возможен в отношении полного пакета акций (всех долей) компании, также и в отношении их части – законом не предусмотрено каких-либо ограничений [1].

Сообразно, в незаложенной части залогодатель закрепляет за собой всю полноту свойственных ему корпоративных прав в отношении компании. В договоре залога обязаны быть означенены предмет залога (акции или доля в обществе с указанием его ОГРН и ИНН), существо, срок исполнения обязательства и величина, обеспечиваемая залогом (например, обязательство по возврату через год с даты выдачи кредита в размере 1 млн руб. по договору об открытии кредитной линии).

Согласовать условия, относящиеся к основному обязательству, есть возможность более простым способом – сделать в договоре залога ссылку к договору, из которого возникло или возникнет в будущем обеспеченное обязательство (п. 1 ст. 339 ГК РФ). При залоге долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью необходимо соблюдать требования Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ). В частности, в залог можно передать долю или ее часть иному участнику общества или с согласия общего собрания участников третьему лицу, но при условии, что это не запрещено уставом общества².

Такое правило обращено на соблюдение прав других собственников компании. Решение по данному вопросу принимает общее собрание участников большинством голосов, если большее количество голосов не предусмотрено уставом общества (например, единогласное одобрение или наличие квалифицированного большинства), при этом голос самого залогодателя не учитывается (п. 1 ст. 22 Закона № 14-ФЗ)³.

Закон различно толкует план осуществления корпоративных прав для акционерных обществ (далее – АО) и обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО). В каждом из случаев действует диспозитивное правило, которое позволяет предусмотреть иной план применения прав договором по сравнению с общим правилом, установлен-

² Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

³ Там же.

ным законом. Данное общее правило для АО и ООО различается: по умолчанию при залоге акций корпоративные права осуществляют залогодатель, то есть акционер, а при залоге долей в ООО – залогодержатель (п. 2 ст. 358.15 ГК РФ) [1].

Возможность передачи залогодателем-акционером залогодержателю прав на участие в собраниях акционеров допускалась и встречалась в практике даже до принятия поправок в ГК РФ о залоге корпоративных прав при условии, что это было прямо предусмотрено договором залога (Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 20.03.2009 г. № ВАС-3038/09 по делу № А21-7628/2007). Различие только в том, что ранее залогодержатель участвовал не от собственного имени, а от имени залогодателя-акционера. Участники гражданского оборота имеют право применять не только залог акций и долей, но и другие варианты обеспечения исполнения обязательств. Например, использовать систему договора обеспечительной купли-продажи, которая имеет преимущества перед залогом. В действующем законодательстве РФ данная конструкция не предусмотрена, но допустимость ее применения не исключается (принцип свободы договора – ст. 421 ГК РФ). При обеспечительной купле-продаже доля отчуждается с условием о ее обратном выкупе.

Задачей сделки является не отнятие доли, а предоставление заемных финансовых средств. Передача права собственности на долю имеет обеспечительный характер: при невыполнении обязательства по обратному выкупу доли и возврату заемных средств доля, пребывающая в собственности у предоставившего заемные средства лица, остается за ним. Он имеет полное право распорядиться ею по своему личному усмотрению.

Такая сделка сокращает издержки кредитора. При неисполнении обязательств со стороны должника кредитор получает возмещение из приобретенной в собственность доли, не нуждаясь в ее продаже с публичных торгов, и угоджение своих условий к должнику за счет ее стоимости, как это было бы в случае с залогом. Все вышеизложенное указывает четко на то, что предметом каждой сделки с акциями является определенная общность прав, удостоверенных данными ценностями бумагами. Несмотря на то, что ст. 128 ГК РФ относит к объектам прав и ценные бумаги, и имущественные права, в любой из сделок для стороны в обязательстве, особенно стороны, покупающей ценные бумаги, в первую очередь важен момент обладания пользования правами, удостоверенными такой ценной бумагой. Не взирая на отождествление в

разных законодательных актах ценных бумаг (и в частности акций) с имуществом, годится все же соизмерять такие нормы со ст. 142 ГК РФ и с сущностью сделки.

Необходимо отметить, что во многих ситуациях (например, как при обращении на фондовом рынке) сделки с акциями несут только формальный характер и на уровне сознания участвующих в таких сделках воспринимаются как сделки с имуществом. В таких сделках ввиду их многочисленности и скорости заключения сторонами главной целью является коммерческая выгода, получаемая в результате спекулятивных игр на курсе акций.

Самое важное значение для совершения спекулятивных сделок имеет только первое осмысление акции, имеющей два понимания: формальное – когда акция равняется в сознании с имуществом, и основное – когда она выступает как комплексность определенных прав. В остальных сделках (например, при залоге) основное преимущественное значение имеет совокупность прав.

Сущность акции в первую очередь составляют имущественные и неимущественные права, вследствие чего все сделки с акциями целесообразно рассматривать конкретно с данной позиции. Это общее правило. Те же сделки, при совершении которых для сторон представляют интерес, прежде всего, формальная сущность акций, лишь подтверждают его.

Список литературы

1. Хабаров Е. Залог акций – дело перспективное. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/4832> (дата обращения: 10.01.2017).
2. Грибов А.Ю. Деньги и ценные бумаги: сущность и правовой режим. М.: РИОР, 2006.
3. Маковская А.А. Залог денежных средств и ценных бумаг. М.: Юридическая литература, 2014.

Поступила в редакцию 19.03.2017 г.

Принята в печать 23.05.2017 г.

Информация об авторе

Старкова Маргарита Сергеевна – магистрант по направлению подготовки «Актуальные проблемы теории и практики правового регулирования в современном российском государстве» юридического факультета Вятского государственного университета, г. Киров, Российская Федерация, e-mail: ekonomich13@mail.ru

Для цитирования

Старкова М.С. Проблема залога акций // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 70-77.

UDC 347.27

THE PROBLEM OF THE PLEDGE OF SHARES

© M.S. Starkova

Vyatka State University

36 Moskovskaya St., Kirov, Russian Federation, 610000

E-mail: ekonomich13@mail.ru

Abstract. The issues of pledge of shares are discussed, the definition of a pledge of shares in general is given, the reasons of formation of pledge of shares are considered, and the emphasis on problems of pledge of shares is made. The differences of the law of the Civil Code of the Russian Federation and interpretation plan for the implementation of corporate rights to joint-stock companies and limited liability companies are analysed. The examples from practice are given. Property and non-property rights are the essence of the shares, so all stock trades must be viewed from this position. The argument is confirmed by the practice of transactions when formal nature of the shares is the most important part of such transactions. On the basis of the research the most important meaning to perform speculative transactions is determined.

Key words: share; pledge; reasons; civil law; property law

References

1. Khabarov E. *Zalog aktsiy – delo perspektivnoe* [The pledge of shares – perspective business]. (In Russian). Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/4832> (accessed 10.01.2017).
2. Gribov A.Y. *Den'gi i tsennye bumagi: sushchnost' i pravovoy rezhim* [Money and Securities: the Nature and Legal Regime]. Moscow, RIOR Publ., 2006. (In Russian).
3. Makovskaya A.A. *Zalog denezhnykh sredstv i tsennyykh bumag* [The Pledge of Money Resources and Securities]. Moscow, “Yuridicheskaya literatura” Publ., 2014. (In Russian).

Received 19 March 2017

Accepted 23 May 2017

Information about the author

Starkova Margarita Sergeevna – Master's Degree Student on Training Direction “Actual Problems of the Theory and Practice of Legal Regulation in the Modern Russian State” of Law Faculty of Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, e-mail: ekonomich13@mail.ru

For citation

Starkova M.S. Problema zaloga aktsiy [The problem of the pledge of shares]. Ak-tual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 70-77. (In Russian).

УДК 347.9

«ТЕРНИСТЫЙ» ПУТЬ УНИФИКАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© В.Ф. Борисова

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: vfb2709@yandex.ru

Аннотация. Исследован процесс унификации цивилистического процессуального законодательства на примере одного процессуального института. Для анализа изменения правового регулирования избран институт обращения в суд в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации. Подробно изучена проблема применения предпосылок права на предъявлении иска в качестве оснований для отказа в принятии искового заявления. Сделан вывод о том, что изменения арбитражного процессуального законодательства прогрессивны и отвечают идеям унификации, заложенным в Концепции единого процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, содержащиеся в ст. 127.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации основания для отказа в принятии искового заявления арбитражным судом в большей мере корреспондируют требованиям доступности правосудия, чем основания, закрепленные в настоящее время в Гражданском процессуальном кодексе и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации. Таким образом, внедряя общий для всех кодексов институт отказа в принятии искового заявления, законодатель оставляет различие в основаниях для этого. Вместе с тем введение института отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации призвано унифицировать соответствующие основания во всех трех процессуальных кодексах, что следует признать положительной тенденцией при создании единообразного цивилистического процессуального законодательства.

Ключевые слова: доступность судебной защиты; обращение в суд; отказ в принятии искового заявления; выдача судебного приказа; предпосылки права на предъявление иска; правоспособность; юридическая заинтересованность

С июня 2014 г. обсуждается идея создания Единого гражданского процессуального кодекса, материализованная в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, опубликованной в декабре 2014 г.

В качестве основной цели концепции было обозначено обеспечение доступного правосудия в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм компетентным и независимым судом. По замыслу создателей концепции повышение эффективности судопроизводства по гражданским делам должно быть достигнуто за счет унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Унификация, в свою очередь, подразумевает:

- отсутствие процессуальных различий по отношениям, регулируемым одним «материальным» правом;
- устранение противоречий между двумя отраслями процессуального права (гражданский и арбитражный процесс) с учетом Кодекса административного судопроизводства;
- сохранение наиболее удачных наработок АПК и ГПК, распространение их на весь гражданский процесс;
- исправление ранее выявленных недостатков в регламентации процесса;
- учет международных обязательств России и международных договоров с ее участием, практики международных судов [1].

С принятием КАС логика в создании единого процессуального кодекса была нарушена, поскольку административное судопроизводство рассматривалось в концепции как разновидность цивилистического судебного процесса. При этом планировалось, что при принятии КАС общая часть нового ГПК будет распространяться и на правоотношения, регулируемые КАС. В свою очередь, КАС должен был содержать отсылачные к ГПК положения. Однако этого не произошло. В противовес целям концепции процессуальные различия по отношениям, имеющим сходную правовую природу, сохранились и в некоторой степени усугубились. Главным образом это выражалось в различном правовом регулировании порядка рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений (изъятие из ГПК и перенесение в КАС, и оставление в АПК РФ соответствующих глав).

Кроме того, КАС при всей своей специфике, к сожалению, во многом «унаследовал» те недостатки и коллизии, которые были обнаружены при эксплуатации Гражданского процессуального кодекса РФ. Речь идет об опыте применения норм ГПК, касающихся производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, а также производства по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство (права на исполнение судебного акта) в разумный срок.

Абстрагировавшись от идеи создания единого процессуального кодекса, законодатель все же преследует идею унификации процессуальных норм путем внесения изменений в положения, регулирующее тот или иной процессуальный институт. Насколько удается устранить противоречия между тремя отраслями процессуального права, можно проследить на примере института, регламентирующего порядок обращения в суд по гражданским делам.

АПК 2002 г. до последнего времени не предполагал проверку предпосылок права на предъявление иска на стадии возбуждения судопроизводства и соответственно не содержал институт отказа в принятии заявления. Действительно, отсутствие возможности отклонить неприемлемые исковые заявления создавало чрезмерную нагрузку на суды. Судьи вынуждены были принимать к своему производству требования неправового характера; притязания, вообще неподведомственные суду, а также требования, подлежащие рассмотрению в ином судебном порядке. После выяснения обстоятельств невозможности рассмотрения заявленного требования судья арбитражного суда прекращал производство по делу. Такое положение вещей не отвечало критериям рациональности и процессуальной экономии. Одним из ярких примеров ущербности действовавшего до недавних пор правового регулирования института обращения в арбитражный суд и ее последствий является определение Арбитражного суда Саратовской области от 4 апреля 2016 г. об отрешении Президента РФ от должности. Наличие возможности отказать в принятии искового заявления позволило бы отклонить такое обращение, поскольку процедура отрешения Президента РФ от должности (импичмент) регулируется ст. 93 Конституции РФ, предусматривающей особый порядок лишения полномочий главы государства Советом Федерации. Следовательно, речь идет о предъявлении требования, неподведомственного арбитражному суду.

Благодаря Федеральному закону от 19 декабря 2016 г. № 435-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в арбитражном процессуальном законодательстве появилась норма об отказе в принятии искового заявления (заявления). Согласно ст. 127.1 АПК РФ судья наделен правом отказать в принятии искового заявления по следующим основаниям:

- исковое заявление не подлежит рассмотрению и разрешению арбитражным судом;
- имеется вступивший в законную силу судебный акт арбитражного суда, суда общей юрисдикции или суда иностранного государства

по тождественному требованию, кроме случаев, когда отказано в признании решения иностранного суда и приведении его в исполнение;

– имеется определение о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон или определение об отказе в принятии искового заявления;

– имеется ставшее обязательным для сторон решение третейского суда по тождественному требованию, кроме случаев, когда суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, а также, если арбитражный суд отменил такое решение.

Таким образом, реализована идея, заложенная в Концепции единого процессуального кодекса. Согласно этой идеи такие основания для непринятия искового заявления как проверка наличия у истца юридической заинтересованности, а также правоспособности лица, обращающегося за судебной защитой прав других лиц, следует исключить, поскольку они подлежат проверке в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Отметим, что ст. 134 ГПК по-прежнему содержит соответствующие основания непринятия искового заявления (заявления) к производству суда. Оправданность их существования не раз обсуждалась в рамках рассмотрения Конституционным судом РФ жалоб граждан на применение норм, допускающих ограничение доступа к судебной защите, а также при проведении научных исследований по этому вопросу. В частности, положение п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК, на основании которого суд отказывает в принятии заявления, поданного от своего имени, если оспариваются акты, не затрагивающие права, свободы или законные интересы заявителя, в свое время вызвало неоднократные обращения граждан в Конституционный суд РФ, как препятствующее доступу к судебной защите. Наиболее известными стали жалобы граждан Тимонина Дмитрия Викторовича¹, Шалота Владимира Федоровича², Коженова Александра Петровича³ и др.

¹ По жалобе гражданина Тимонина Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 248, ч. 1 и 8 ст. 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 08.07.2004 г. № 238-О // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2005. № 1.

² Определение Конституционного суда РФ от 20.10.2005 г. № 513-О «По жалобе гражданина Шалота Владимира Федоровича на нарушение его конституционных

По всем этим обращениям Конституционный суд РФ выразил однозначную позицию, согласно которой проверяемая норма не предполагает отказ суда в принятии заявления о признании нормативного правового акта противоречащим закону полностью или в части, если заявитель считает, что этим актом нарушаются его права и свободы. Иное означало бы, что судья своим постановлением определяет содержание прав и обязанностей субъектов спорного материального правоотношения еще на стадии возбуждения дела, в которой не проводится судебное заседание с участием сторон и решаются лишь вопросы процессуального характера. Это не согласуется с конституционной природой судопроизводства, предполагающей рассмотрение вопросов материального права при разрешении дела по существу в судебном заседании на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). В продолжение этого вывода Г.А. Жилин указал на допустимость заблуждения лица относительно действительного наличия у него субъективного материального права, но судья не вправе по этим мотивам отказать в принятии заявления. Наличие права на судебную защиту в материально-правовом смысле суд может определить лишь после соблюдения процедуры рассмотрения гражданского дела [2, с. 280-281]. Последствием выявления конституционно-правового смысла нормы ст. 134 ГПК стало разъяснение, данное Пленумом Верховного суда РФ от 29 ноября 2007 г. в Постановлении «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» в отношении применения судом критерия очевидности непринадлежности оспариваемого права заинтересованному лицу при отказе в принятии заявления.

С принятием Кодекса административного судопроизводства РФ основания к отказу в принятии административного искового заявления не были переосмыслены и сейчас аналогичны ст. 134 ГПК. Вместе с тем названный кодекс содержит внутренние противоречия в правовом регулировании применения юридической заинтересованности как

прав положениями п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2006. № 2.

³ Определение Конституционного суда РФ от 24.01.2006 г. № 3-О «По жалобе гражданина Коженова Александра Петровича на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2006. № 4.

предпосылки права на обращение в суд с административным исковым заявлением⁴.

Согласно ст. 4 КАС каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных законом.

Освещая общие предпосылки права на предъявление административного иска, закрепленные в ст. 128 КАС, можно установить отсутствие корреляции с вышеуказанной нормой. В частности, исходя из п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС, суд общей юрисдикции отказывает в принятии административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта, решения или действия (бездействия), если из него не следует, что ими нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца. Дальнейший анализ Кодекса административного судопроизводства РФ показывает, что субъективное отношение заинтересованного лица к нарушению права отражено в ст. 208, 218 КАС в виде оборота: с административным исковым заявлением вправе обратиться лица, которые полагают, что их права нарушены оспариваемым нормативным правовым актом, действием или бездействием. Однако значение этого оборота нейтрализуется возможностью отказа в принятии заявления в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС.

Отказ от проверки юридической заинтересованности на стадии возбуждения гражданского судопроизводства во многом обусловлен пониманием сущности этой категории в системе предпосылок права на предъявление иска. При принятии заявления речь идет о предположительном наличии у заявителя того субъективного права, за которой которого он обращается в суд. В силу существования в гражданском процессуальном праве презумпции принадлежности защищаемого субъективного права истцу действует предположение о совпадении стороны процесса с субъектом спорного материального правоотношения.

⁴ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части: постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2007 г. № 48 (ред. от 09.02.2012 г.) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2008. № 1.

ния [3, с. 4-5]. Если в ходе рассмотрения гражданского дела лицо, обратившееся в суд, окажется надлежащей стороной, то у него имеется заинтересованность и юридический интерес в исходе дела. Однако, поскольку действительное обладание гражданином оспариваемым субъективным правом устанавливается лишь в судебном разбирательстве, выяснение наличия юридического интереса на стадии возбуждения гражданского судопроизводства означает разрешение спора по существу до начала его рассмотрения. Следовательно, судья предполагает наличие у обратившегося лица юридической заинтересованности и принимает заявление к производству, чтобы впоследствии выяснить принадлежность права заявителю и действительность его нарушения. Видимо, исходя из этих соображений, законодатель пошел по пути исключения проверки принадлежности оспариваемого права заявителю при обращении в арбитражный суд.

Следующее обстоятельство, не подлежащее проверке при подаче искового заявления в арбитражный суд, – это правоспособность лица, обращающегося за судебной защитой прав других лиц. Обсуждаемые изменения Арбитражного процессуального кодекса опять же корреспондируют замыслу авторов Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, по которому наличие полномочий у государственного органа, органа местного самоуправления, организации или гражданина на защиту прав, свобод или законных интересов другого лица должно проверяться в судебном разбирательстве. Если суд установит отсутствие таких полномочий, то прекратит производство по делу на стадии предварительного судебного слушания или в результате рассмотрения дела по существу.

Отсутствие специальной процессуальной правоспособности в настоящее время служит основанием для отказа в принятии искового заявления в гражданском судопроизводстве (п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК). Анализ п. 2 ч. 1 ст. 128 КАС также свидетельствует о сохранении возможности отказать в принятии административного искового заявления по мотиву отсутствия процессуальной правоспособности у лица, обращающегося за судебной защитой. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 128 КАС суд отказывает в принятии административного искового заявления, если оно подано в защиту прав и свобод другого лица органом государственной власти, органом местного самоуправления, организацией, должностным лицом либо гражданином, которым не предоставлено такое право. Это действие связано с проверкой содержания законов, предоставляющих соответствующее право.

Например, если уполномоченный по правам ребенка в субъекте РФ наделен законом субъекта РФ правом на обращение в суд в интересах несовершеннолетнего гражданина, судья, на первый взгляд, обязан принять от него заявление. Однако гражданское процессуальное законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации. Следовательно, право на обращение в суд с заявлением прав, свобод и законных интересов других лиц может быть установлено только федеральным законом. Закон субъекта РФ не относится к нормативным правовым актам, регулирующим порядок гражданского судопроизводства, и поэтому не может предоставить право уполномоченному по правам ребенка в субъекте РФ обратиться в суд в интересах несовершеннолетнего гражданина [4, с. 225-226]. Иными словами, специальная правоспособность здесь – элемент федерального регулирования, а не регионального, и в возбуждении производства по делу должно быть отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК. Этот пример иллюстрирует трудности в определении специальной правоспособности субъектов, обращающихся за судебной защитой прав других лиц, что, видимо, и побудило законодателя избавиться от соответствующего основания для отказа в принятии искового заявления в арбитражный суд.

Отдельного внимания заслуживает отсутствие в ст. 127.1 АПК оговорки о рассмотрении заявления в «ином судебном порядке». Ее устранение следует одобрить, поскольку существующая в п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК и аналогичная ей оговорка п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС «...поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке...» подходит далеко не ко всем случаям неподведомственности, что обуславливает применение нормы в усеченном виде. В частности, «иным судебным порядком» не охватываются ситуации предъявления в суд неправовых требований, а также требований, подведомственных несудебным органам.

Прогрессивным следует признать возможность отказа арбитражного суда в принятии искового заявления по причине наличия решения суда иностранного государства по тождественному требованию, кроме случаев, когда отказано в признании решения иностранного суда и приведении его в исполнение. ГПК подобного правила в настоящее время не содержит.

Таким образом, несмотря на внесение в АПК нормы ст. 127.1 «Отказ в принятии искового заявления (заявления)», порядок обращения в арбитражный суд снова оказался отличающимся от порядка, существующего в судах общей юрисдикции. Нововведения позволят избежать

необоснованных отказов в принятии исковых заявлений в связи с ошибочной констатацией отсутствия у субъектов, обращающихся за судебной защитой, юридической заинтересованности и специальной правоспособности, и вместе с тем оправданно ограничат поступление в суд неподведомственных и ранее рассмотренных требований. Одновременно проецируется согласованность правового регулирования проверки предпосылок права на предъявление иска на стадии возбуждения производства по делу в трех цивилистических процессуальных кодексах, что нельзя признать позитивным с точки зрения унификации процессуального законодательства.

Своеобразно развивается правовое регулирование отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа в АПК, ГПК, КАС.

До 2014 г. в ГПК допускался лишь отказ в принятии заявления о вынесении судебного приказа. Основания для возвращения заявления или для оставления его без движения отсутствовали, хотя некоторые обстоятельства, служившие основаниями для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа, явно не соответствовали этому правовому последствию.

В настоящее время в соответствии с ч. 3 ст. 125 ГПК судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа по основаниям, предусмотренным ст. 134 ГПК, а также, если заявлено требование, которое не предусмотрено ст. 122 ГПК, место жительства (место нахождения) должника находится вне пределов РФ, из данного заявления усматривается наличие спора о праве. Идентичные основания для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа закреплены в ч. 3 ст. 123.4 КАС.

Приказной порядок разрешения дел предусмотрен в АПК РФ с 1 июня 2016 г. Согласно изменениям, внесенным в ст. 229.4 АПК, в декабре 2016 г., в случае, если требование не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства, имеет место спор о праве, либо место жительства (место нахождения) должника находится вне пределов РФ, суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа. Таким образом, процессуальные последствия существования одних и тех же обстоятельств теперь идентичны: это отказ в принятии заявления о выдаче судебного приказа в АПК, ГПК и КАС. До принятия последних новелл арбитражное процессуальное законодательство предполагало возвращение заявления о выдаче судебного приказа по перечисленным основаниям.

Объяснить сложившуюся ситуацию можно было общей логикой правового регулирования порядка обращения в арбитражный суд, а именно отсутствием на тот момент института отказа в принятии искового заявления и, следовательно, заявления о вынесении судебного приказа. В связи с этим откорректированный порядок обращения в суд по делам приказного производства логичен и одинаков во всех трех цивилистических процессуальных кодексах, что является положительным фактором в процессе унификации.

Проведенный анализ одного аспекта правового регулирования свидетельствует о том, что путь унификации процессуального законодательства, целью которой является устранение противоречий цивилистических процессуальных кодексов, извилист и трудоемок. Внося многочисленные изменения в каждый кодекс, законодатель, тем не менее, оставляет разницу в правовом регулировании тех или иных правовых институтов, делая один из кодексов более прогрессивным по сравнению с остальными и ставя участников процессуальных правоотношений в неравное положение.

Список литературы

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статус, 2015. ISBN 978-5-8354-1105-4.
2. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби, 2003.
3. Вильховик А. Юридический интерес как предпосылка доступности судебной защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 12. С. 2-7.
4. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова. М.: Юрайт, 2005.

Поступила в редакцию 18.02.2017 г.

Принята в печать 29.05.2017 г.

Информация об авторе

Борисова Виктория Федоровна – доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Российская Федерация, кандидат юридических наук, e-mail: vfb2709@yandex.ru

Для цитирования

Борисова В.Ф. «Тернистый» путь унификации цивилистического процессуального законодательства // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 78-89.

UDC 347.9

THE “THORNY” PATH OF UNIFICATION OF CIVIL PROCEDURAL LAW

© V.F.Borisova

Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov, Russian Federation, 410056

E-mail: vfb2709@yandex.ru

Abstract. The research of process of unification of civil procedural law, for example, of one procedural institute is presented. To analyze the changes in the legal regulation the institute of filing a lawsuit to court in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Commercial Procedure Code of the Russian Federation, and Administrative Court Procedure Code of the Russian Federation was elected. The problem of applying the prerequisites of the right to claim as grounds for denial of the claim is explored. It is concluded that the changes in the arbitration procedural legislation are progressive and respond to the ideas of unification inherent in the Concept of a single procedure code of the Russian Federation. In particular, the basis for denial of the claim, contained in art. 127.1 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, is more in accordance with the requirements of access to justice than the basis fixed in Civil Procedure Code of the Russian Federation and Administrative Court Procedure Code of the Russian Federation. Thus, by introducing common to all the codes the institute of denial of the claim, the legislator leaves the difference in the grounds for it. However, the introduction of the institution of refusal to accept applications for the issuance of a writ in the Commercial Procedure Code of the Russian Federation is intended to unify a reason for that, in all three procedural codes, which should be considered as a positive trend in the development of a unified civil procedural law.

Key words: availability of judicial protection; appeal to the court; denial of the claim; issuance of a court order; prerequisites of the right to sue; legal capacity; legal interest

References

1. Krasheninnikov P.V. (opening remarks). *Kontsepsiya edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The Concept of Unified Rules of Civil Procedure of the Russian Federation]. Moscow, Status Publ., 2015. ISBN 978-5-8354-1105-4. (In Russian).
2. Zhilin G.A. (ed.). *Kommentariy k Grazhdanskому protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. Moscow, TC Velbi Publ., 2003. (In Russian).
3. Vilhovik A. Yuridicheskiy interes kak predposylka dostupnosti sudebnoy zashchity [Legal interest as a prerequisite of availability of judicial protection]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2005, no. 12, pp 2-7. (In Russian).

4. Zhuykov V.M. (ed.). *Praktika primeneniya Grazhdanskogo Protsessual'nogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Practical Application of the Civil Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Yuright Publ., 2005. (In Russian).

Received 18 February 2017

Accepted 29 May 2017

Information about the author

Borisova Viktoriya Fedorovna – Associate Professor of Civil Procedure Law Department of Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, e-mail: vfb2709@yandex.ru

For citation

Borisova V.F. «Ternistyy» put' unifikatsii tsivilisticheskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva [The “thorny” path of civil procedural law unification]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 78-89. (In Russian).

УДК 347.919.3

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ УПРОЩЕННЫХ ФОРМ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

© Е.В. Постовалова¹⁾, Е.С. Шумейко²⁾

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия
394006, Российской Федерации, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95

¹⁾ E-mail: cfrap@mail.ru

²⁾ E-mail: ehamatova@mail.ru

Аннотация. Исследована проблема унификации упрощенных форм гражданского судопроизводства. Изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, вступившие в силу с 1 июня 2016 г., а также в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, вступивший в силу с 6 мая 2016 г., показали, что унификация цивилистического процесса в контексте развития упрощенных производств предполагает сохранение уже существующих видов упрощенных форм судопроизводства: приказного, заочного – в гражданском процессе, упрощенного – в арбитражном и административном судопроизводстве, а также «взаимообмен» упрощенными процедурами, доказавшими свою эффективность на практике, – внедрение в гражданский процесс упрощенного производства и в арбитражный процесс и административное судопроизводство – приказного производства.

Ключевые слова: унификация норм процессуального права; цивилистическая процессуальная форма; упрощенное судебное производство; упрощенное производство; приказное производство; заочное производство; судебные процедуры; Концепция единого Гражданского процессуального кодекса; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; административное судопроизводство

Современное состояние судебной системы непреклонно подталкивает к поиску путей снижения все возрастающей судебной нагрузки. Состоявшийся в декабре 2016 г. Всероссийский съезд судей в качестве одного из приоритетных направлений совершенствования судоустройства и судопроизводства также отметил необходимость снижения интенсивности работы судей. Одним из вариантов оптимизации судебной нагрузки является развитие упрощенных форм судопроизводства.

В цивилистическом процессе упрощенные формы судопроизводства активно развиваются, о чем свидетельствуют последние законодательные новеллы. Так, с 1 июня 2016 г. в гражданском процессе обновлено приказное производство и одновременно аналогичная процедура

впервые закреплена в арбитражном процессе. Незадолго до этого, с 6 мая 2016 г., приказное производство начало действовать и в соответствии с Кодексом административного судопроизводства (далее – КАС) Российской Федерации. Также реформирование затронуло и собственно упрощенное (письменное) производство – оно претерпело модернизацию в Арбитражном процессуальном кодексе (далее – АПК) Российской Федерации и впервые появилось в гражданском процессе, регулируемом Гражданским процессуальным кодексом (далее – ГПК) Российской Федерации.

Целью введения и развития упрощенных форм судопроизводства является процессуальная экономия, при этом упрощенные производства должны помочь и в реализации задачи по оптимизации судебной нагрузки. Также развитие упрощенных форм судопроизводства должно быть направлено на обеспечение права участников процесса на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки и на повышение доступности правосудия.

Последние новеллы процессуального законодательства свидетельствуют, что идея развития упрощенных производств имеет поддержку не только среди научного сообщества, но и востребована практикой. При этом данные новшества вполне соответствуют идее унификации процессуального законодательства, поскольку два вида упрощенных форм судопроизводства приобрели в соответствии с ними универсальный характер: приказное и упрощенное производства предусмотрены теперь в гражданском, арбитражном процессах и административном судопроизводстве.

Анализируя правовую регламентацию различных форм упрощенного судопроизводства в цивилистическом процессе и научную полемику по этому поводу, нельзя не отметить, что их развитие имеет определенные сложности как теоретического, так и практического характера.

В процессуальной науке существует дискуссия по вопросу соотношения упрощенных форм судопроизводства с процессуальной формой и до сих пор отсутствует терминологическое единство в обозначении исследуемого явления. Разные авторы используют различные понятия для обозначения указанной категории – «ускоренные производства», «упрощенные производства», «сокращенные производства», «упрощенные судопроизводственные формы разрешения дел по существу», «упрощенные судебные производства», которые нередко используются как синонимы [1]. Полагаем приведенные термины не вполне удачным по следующим соображениям. Упрощение судопроиз-

водства, как правило, должно влечь за собой и его ускорение, однако, ускорение рассмотрения дела не обязательно достигается за счет упрощения судопроизводства. Поэтому «термин «ускоренное производство», по нашему мнению, не способен отразить качественные особенности упрощенного судопроизводства, а свидетельствует лишь о следствии упрощения процесса» [2, с. 210].

Что же касается термина «упрощенное производство», который получил распространение в научном обороте, а также используется авторами Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, то с учетом последних законодательных новаций и легального закрепления данного термина в АПК, ГПК и КАС применительно к особой судебной процедуре, полагаем, что использование его в качестве родового понятия для обозначения всей совокупности упрощенных производств (в «широком смысле») хотя и возможно, но нецелесообразно. В этой связи для обозначения указанного понятия предлагаем использовать термин «упрощенные формы судопроизводства» применительно ко всем видам цивилистического процесса, тем более что данный термин также используется в процессуальной науке [3, с. 25].

Серьезной проблемой на пути развития судопроизводства считаем отсутствие единой, оформленной концепции упрощенных форм судопроизводства как в действующем процессуальном законодательстве, так и в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, что порождает различное решение в ГПК, АПК и КАС вопросов об основаниях и критериях отнесения дел к упрощенным формам судопроизводства в целом и к отдельным видам упрощенного судопроизводства в частности, а также порождает существенные различия в процедурных моментах одного и того же вида упрощенного судопроизводства в разных процессуальных кодексах. Особенно отчетливо это прослеживается на примере приказного производства.

Несмотря на то, что изменения, модернизировавшие приказное производство в гражданском процессе и закрепившие его в арбитражном, вступили в силу одновременно с 1 июня 2016 г., тем не менее, нельзя не заметить, что концепция приказного производства в этих процессуальных кодексах существенно отличается. Также отличается приказное производство и в КАС, и это при том, что глава КАС о приказном производстве вступила в силу менее, чем за месяц до указанных изменений ГПК и АПК – с 6 мая 2016 г. В частности, нельзя не обратить внимание на то, что с 1 июня 2016 г. приказное производство в гражданском процессе утратило факультативный характер – у взы-

скателя более нет возможности выбора между приказной и исковой формой защиты прав. В АПК подобное положение отсутствует, приказное производство не имеет исключительного характера.

В процессуальных кодексах закреплены разные основания вынесения судебного приказа, особенно наглядно это проявляется при сопоставлении положений АПК и ГПК. Согласно ст. 229.2 АПК основанием выдачи судебного приказа являются требования, вытекающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, которые должны быть основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает 400 тыс. руб. В гражданском процессе схожие обстоятельства выступают основанием для рассмотрения дел в порядке упрощенного производства. Таким образом, арбитражный процесс в отличие от гражданского в качестве оснований вынесения судебного приказа устанавливает признание требований должником.

Различие подходов проявляется и в регламентации упрощенного производства в АПК, ГПК и КАС. Отличается подход к решению вопроса о месте упрощенного производства в системе соответствующего процессуального регламента, что, на наш взгляд, является принципиальным вопросом. В ГПК гл. 21.1 «Упрощенное производство» размещена в подразделе II «Исковое производство», что свидетельствует о том, что в гражданском процессе упрощенное производство рассматривается как подвид искового производства (так же, как и заочное производство). В АПК гл. 29 «Упрощенное производство» структурно находится в разделе IV «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел», что представляет собой иной подход к месту упрощенного производства в арбитражном процессе. В КАС реализован иной подход: отдельный раздел V «Упрощенное (письменное) производство по административным делам» состоит из единственной гл. 33 «Рассмотрение административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства». Все это порождает существенные различия в регулировании одних и тех же форм упрощенного судопроизводства в разных процессуальных регламентах, при этом возникает закономерный вопрос о необходимости подобных различий.

Несмотря на обозначенные проблемы, полагаем, что такие формы упрощенного судопроизводства в цивилистическом процессе, как приказное и упрощенное (письменное) производства с учетом последних изменений процессуального законодательства приобрели характер

межотраслевых правовых институтов. Заочное производство характерно сугубо гражданскому процессу, в иных цивилистических процессуальных кодексах данная модель упрощенной формы судопроизводства не реализована. В то же время, несмотря на определенную унификацию приказного и упрощенного производств в ГПК, АПК и КАС, многие вопросы их правовой регламентации требуют дальнейшей проработки.

Список литературы

1. Решетникова И.В. Гражданский процесс через призму 150-летнего развития // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. 447 с.
2. Постовалова Е.В. Унификация упрощенных форм гражданского судопроизводства // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 207-215.
3. Шкромада И.Н. Упрощенные формы гражданского судопроизводства в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 25-27.

Поступила в редакцию 24.02.2017 г.

Принята в печать 30.05.2017 г.

Информация об авторах

Постовалова Елена Валерьевна – зам. зав. кафедрой гражданского процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат юридических наук, e-mail: cfrap@mail.ru

Шумейко Елена Сергеевна – профессор кафедры гражданского процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат юридических наук, e-mail: ehamatova@mail.ru

Для цитирования

Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. К вопросу о развитии упрощенных форм судопроизводства в цивилистическом процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 90-96.

UDC 347.919.3

TO THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF A SIMPLIFIED FORM OF COURT PROCEDURES IN CIVIL PROCEEDINGS

© E.V. Postovalova¹⁾, E.S. Shumeyko²⁾

Central branch of Russian State University of Justice

95 20-letiya Oktyabrya St., Voronezh, Russian Federation, 394006

¹⁾ E-mail: cfrap@mail.ru

²⁾ E-mail: ehamatova@mail.ru

Abstract. The issue of unification of simplified forms of civil proceedings is studied. The changes which was included in Civil Procedure Code of the Russian Federation and Commercial Procedure Code of the Russian Federation which entered into force on June 1, 2016, and in the Administrative Court Procedure Code of the Russian Federation entered into force on May 6, 2016, showed that unification of the civil proceedings in the context of the development of simplified production involves the conservation of existing types of simplified forms of proceedings: clerk, part-time civil process, simplified in arbitration and administrative proceedings, as well as “interchange” of simplified procedures that have proven effectiveness in practice – introduction to civil procedure a simplified form of proceedings, and in arbitration proceedings and administrative court proceedings – writ proceedings.

Key words: the unification of procedural rules; civil procedural form; civil form of action; simplified procedural form; simplified proceedings; writ proceedings; trial in absentia; judicial procedures; Concept of single Civil Procedure Code; civil proceedings; arbitration proceedings; administrative proceedings

References

1. Reshetnikova I.V. Grazhdanskiy protsess cherez prizmu 150-letnego razvitiya [Civil proceeding in the light of the 150-year development]. *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2015* [Codification of the Russian Private Law 2015]. Moscow, Statut Publ., 2015, 447 p. (In Russian).
2. Postovalova E.V. Unifikatsiya uproshchennykh form grazhdanskogo sudoproizvodstva [Unification of simplified forms of civil proceedings]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 6, pp. 207-215. (In Russian).
3. Shkromada I.N. Uproshchennye formy grazhdanskogo sudoproizvodstva v Kontseptsii edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Simplified forms of civil proceedings in the concept of a unified Civil procedure code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2015, no. 7, pp. 25-27. (In Russian).

Received 24 February 2017

Accepted 30 May 2017

Information about the authors

Postovalova Elena Valerevna – Deputy Head of Civil Procedural Law Department of Central branch of Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, e-mail: cfrap@mail.ru

Shumeyko Elena Sergeevna – Professor of Civil Procedural Law Department of Central branch of Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, e-mail: ehamatova@mail.ru

For citation

Postovalova E.V., Shumeyko E.S. K voprosu o razvitiu uproshchennykh form sudsoproizvodstva v tsivilisticheskikh protsesse [To the question of development of a simplified form of court procedures in civil proceedings]. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 90-96. (In Russian).

УДК 347.919

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЭВОЛЮЦИИ ПИСЬМЕННОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© **Л.А. Волчихина**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: kafgptsp@yandex.ru

Аннотация. Исследовано приказное производство и упрощенное производство как письменные процессуальные конструкции, возникшие в результате эволюции письменной процессуальной формы гражданского судопроизводства. Сделан вывод о том, что приказное производство не определяется законодателем в качестве упрощенного. Предположено, что приказное производство – это самостоятельный вид гражданского судопроизводства с применением в качестве основного способа передачи информации между судом, взыскателем и должником письменного способа передачи информации. Сделан вывод о том, что упрощенное производство определяется законодателем как возможность перехода от обычного судопроизводства к применению письменной процессуальной формы. Применение как приказного производства, так и упрощенного производства возможно только к определенным ситуациям, установленным законодателем. Приказное производство и упрощенное производство законодатель рассматривает в качестве оптимальных производств для разрешения этих ситуаций.

Ключевые слова: гражданская процессуальная форма; письменная процессуальная форма; эволюция процессуальной формы; приказное производство; упрощенное производство; обычное судопроизводство; оптимальное судопроизводство

Гражданское судопроизводство как форма защиты гражданских прав в судах общей юрисдикции не является неизменной. Изменения общественных отношений, а на этой основе принципов гражданского судопроизводства вообще, а также с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека, внедрение в гражданское судопроизводство современных информационных технологий оказывает влияние на динамику гражданского судопроизводства. Это относится и к категориям гражданского судопроизводства, в частности, к такой категории, как гражданская процессуальная форма. В этой связи гражданская процессуальная форма в своем развитии претерпевает определен-

ную эволюцию (развитие, процесс изменения от одного состояния к другому). Это в полной мере относится к письменной процессуальной форме гражданского судопроизводства, что характеризуется появлением новых процессуальных конструкций, к которым относятся приказное производство и упрощенное производство.

В марте 2016 г. ГПК РФ был дополнен новой главой 21.1, обозначенной законодателем как «Упрощенное производство»¹. Гражданское судопроизводство в суде общей юрисдикции ранее не знало такой процессуальной формы рассмотрения гражданских дел. Такая процессуальная форма рассмотрения гражданских дел была закреплена законодателем в арбитражном судопроизводстве в 2012 г. (гл. 29 АПК РФ)². Однако термин «упрощенное производство» ранее был известен науке гражданского процессуального права. Так, в качестве упрощенных форм судебного производства, как правило, исследовались приказное производство и заочное производство [1, с. 210-211].

В науке гражданского процессуального права под упрощенным производством понимается какое-либо отступление законодателя от процессуальной формы обычного судебного процесса рассмотрения дел в суде первой инстанции с его обязательными стадиями. Так, Е.В. Постовалова отмечает, что «следует считать формой упрощенного судопроизводства или упрощенного производства (в широком смысле) такую процессуальную форму, которая характеризуется изъятием или сокращением отдельных процессуальных стадий, институтов и норм при реализации базовых принципов судопроизводства и обеспечении основных гарантий прав и законных интересов его участников» [1, с. 393, 210-211]. Из такого довольно широкого определения обстоятельств отнесения того или иного производства к упрощенному можно сделать вывод о том, что любое изменение законодателем процессуальной формы гражданского судопроизводства можно рассматривать как его упрощение, что вызывает дискуссию. В этой связи возникает дискуссия и о составе видов упрощенных форм гражданского судопроизводства. По мнению Н.М. Коршунова и Ю.Л. Мареева: «Производство по выдаче приказов, особое производство и заочное решение представляют собой разновидности упрощенного судопроизводства по

¹ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2016 г. № 45-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1319.

² О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства: федеральный закон от 25.06.2012 г. №86-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3439.

гражданским делам» [2, с. 119]. К упрощенным видам гражданского судопроизводства они относят и все внесудебные формы производства. По мнению Е.В. Постоваловой, к упрощенным видам гражданского судопроизводства следует отнести и исковое производство мирового судьи [1].

Относятся ли заочное производство, особое производство, исковое производство у мировых судей к упрощенным формам гражданского судопроизводства, является предметом отдельного исследования. В любом случае законодатель не относит их к упрощенным формам судебного производства в суде первой инстанции, а под упрощенным производством предлагает для применения самостоятельную процессуальную форму. Это в полной мере относится и к приказному производству.

Мы придерживаемся точки зрения, что приказное производство является самостоятельным видом гражданского судопроизводства. Гражданское судопроизводство вообще, как любое другое судопроизводство, представляет из себя систему определенных отношений между определенными субъектами по обмену (передаче, приему, фиксации, хранению) определенной информацией. Содержание этой информации определяется задачами и целями гражданского судопроизводства. Поэтому гражданский процесс вообще является определенной информационной системой. Обмен информацией в гражданском процессе происходит с применением существующих в природе двух основных способов передачи информации: письменного и устного. Разрешение проблемы, к какому способу передачи информации относится машинный способ передачи информации, требует отдельного исследования. Законодателю для определения процессуальной формы рассмотрения и разрешения дел в суде первой инстанции в гражданском судопроизводстве предоставляется выбор между применением письменного способа передачи информации и применением устного способа передачи информации. Каждый из указанных способов имеет свои преимущества и недостатки. Их применение определяется законодателем как для гражданского судопроизводства вообще, так и для каждой его стадии в частности. Вследствие того, что каждый способ передачи информации в отдельности или в сочетании облекается законодателем в процессуальную форму, он становится процессом.

Е.В. Васьковский, исследуя применение устного и письменного производств при рассмотрении дел, определил преимущества каждого из производств. В частности, одно из преимуществ письменного про-

изводства он определил следующим образом: «Письменное производство предоставляет больше удобства для тяжущихся. Вместо того чтобы лично являться в заседание суда, находящегося иной раз далеко от их постоянного места жительства, или нанимать поверенных, которые выступали бы в суде вместо них, тяжущиеся могут ограничиться посылкой по почте письменных заявлений и объяснений. Благодаря этому они сберегают как время, так и деньги» [3, с. 119].

В период отсутствия в гражданском судопроизводстве установленной законодателем процессуальной формы применение того или иного способа передачи информации зависело от судебной практики.

В настоящее время в гражданском судопроизводстве применяется как письменная процессуальная форма, так и устная процессуальная форма, что необходимо для обеспечения реализации состязательного судопроизводства. Исходя из этого, мы можем сделать вывод не только о возможности упрощения обычного судопроизводства, но и о возможности его усложнения. Однако как чрезмерное усложнение гражданской процессуальной формы, так и ее чрезмерное упрощение влечут отрицательные последствия. Процессуальная форма гражданского судопроизводства должна быть оптимальной для различных ситуаций, требующих разрешения [4].

Самостоятельность приказного производства как вида гражданского судопроизводства определяется тем, что законодатель применяет в нем письменный способ обмена информацией как единственно возможный для разрешения определенных ситуаций (ст. 122 ГПК РФ). Эти ситуации, определенные законодателем для возможного применения приказного производства, можно разрешить с применением обычного судопроизводства. Но, исходя из особенностей ситуаций, которые заключаются в том, что в них предположительно отсутствует спор о праве гражданском, присущий исковому производству, законодатель предлагает применить для их разрешения не процессуальную форму обычного производства, а письменную процессуальную форму, учитывая ее преимущества для разрешения данных ситуаций.

По нашему мнению, к упрощенному производству, предусмотренному гл. 21.1 ГПК РФ, законодатель относит возможность перехода от процессуальной формы обычного судопроизводства к письменной процессуальной форме. Возможность применения письменной процессуальной формы, так же, как и в приказном судопроизводстве, законодатель ставит в зависимости от определенных ситуаций, требующих разрешения (ст. 232.2 ГПК РФ). Эти ситуации также характеризуются

отсутствием спора о праве гражданском, присущего исковому виду судопроизводства.

Если законодатель рассматривает приказное производство как самостоятельный вид гражданского судопроизводства, не определяя его в качестве упрощенного, то упрощенное производство, суть которого заключается в возможности перехода от обычного судопроизводства к письменному производству, он определяет таковым. При этом как приказное производство, так и упрощенное производство законодатель считает единственно оптимальным применительно к определенным им ситуациям.

Список литературы

1. Постовалова Е.В. Унификация упрощенных форм гражданского судопроизводства // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 207-215.
2. Гражданский процесс / под общ. ред. Н.М. Коршунова. М.: Эксмо, 2005.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсина. М.: Зерцало, 2003.
4. Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства.

Поступила в редакцию 29.02.2017 г.

Принята в печать 30.05.2017 г.

Информация об авторе

Волчихина Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Для цитирования

Волчихина Л.А. Приказное производство и упрощенное производство как элементы эволюции письменной процессуальной формы гражданского судопроизводства // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 97-103.

UDC 347.919

WRIT PROCEEDINGS AND SIMPLIFIED PROCEEDINGS AS ELEMENTS OF EVOLUTION OF THE WRITTEN FORM OF ACTION OF CIVIL COURT PROCEDURE

© L.A. Volchikhina

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Abstract. Writ proceedings and simplified proceedings as a written procedural structures arising from the evolution of the written form of action of civil proceedings are studied. It is concluded that the writ proceeding is not determined by the legislator as a simplified. It is believed that the writ proceedings are independent civil proceedings with the application as the primary method of transmitting information between the court, the creditor and the debtor of a written means of conveying information. It is concluded that the simplified procedure is defined by legislator as the possibility of transition from the normal procedure to use a written procedure. Application of the writ proceedings and simplified proceedings is possible only in specific situations, established by the legislator. As the legislator considers writ proceedings and simplified proceedings as optimal proceedings to resolve these situations.

Key words: civil form of action; written form of action; evolution of a form of action; writ proceedings; simplified proceedings; common proceedings; optimal proceedings

References

1. Pustovalova E.V. Unifikatsiya uproshchennykh form grazhdanskogo sudoproizvodstva [Unification of simplified forms of civil proceedings]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 6, pp. 207-215. (In Russian).
2. Korshunov N.M. (gen. ed.). *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. (In Russian).
3. Vaskovskiy E.V. *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. (In Russian).
4. Borisova E.A. (ed.). *Velikaya reforma: K 150-letiyu Sudebnykh ustavov. Vol. 1. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The Great Reform: on the 150th Anniversary of Court Statutes. Vol. 1: the Statute of Civil Proceedings]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. (In Russian).

Received 29 February 2017

Accepted 30 May 2017

Information about the author

Volchikhina Lyudmila Anatolevna – Senior Lecturer of Civil and Arbitration Process Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

For citation

Volchikhina L.A. Prikaznoe proizvodstvo i uproshchennoe proizvodstvo kak elementy evolyutsii pis'mennoy protsessual'noy formy grazhdanskogo sudoproizvodstva [Writ proceedings and simplified proceedings as elements of evolution of the written form of action of civil court procedure]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 97-103. (In Russian).

УДК 341.43

БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ

© В.Н. Блохин

Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции
и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия
213407, Республика Беларусь, Могилевская обл., г. Горки, ул. Мичурина, 5
E-mail: vik-1987@bk.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы интеграции беженцев в белорусское общество. Обращено внимание на необходимость учета международного опыта, совершенствование системы приема беженцев, расширение доступа мигрантов к образованию. Отмечена деятельность Представительства Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в Беларуси, которое осуществляет ряд проектов на территории страны, а также на деятельность общественных организаций Беларуси, которые также успешно реализуют проекты по интеграции беженцев. Сделан вывод, что при интеграции беженцев Беларусь должна опираться на опыт зарубежных стран, а именно европейских, так как это позволит не допустить ошибок при интеграции беженцев в общество и обеспечить их всеми положенными правами при массовых миграциях. Отмечено, что необходимо провести реформы существующей системы приема беженцев в стране.

Ключевые слова: беженцы; интеграция; проблемы; миграция

Всеобщая декларация прав человека закрепляет право всех людей искать убежища и пользоваться этим убежищем. Беженцы – это лица, которые покинули свою страну из-за вполне обоснованных опасений подвергнуться преследованию по признаку расы, религии, гражданства, политических убеждений или принадлежности к определенной социальной группе. Это может включать преследование со стороны государства, а также преследование со стороны негосударственных субъектов (например, членов семьи, соседей, вооруженных групп, лиц, творящих самосуд, преступных группировок), когда у государства отсутствует возможность или желание обеспечить защиту от причинения такого вреда.

В настоящее время число беженцев и вынужденных мигрантов по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) составляет более 60 млн. человек. Рост числа беженцев в последние годы связан с кровопролитными конфликтами на Ближнем

Востоке, в Украине, странах Африки. С 2015 г. с проблемой массового наплыва беженцев столкнулись страны Европы.

Одной из наиболее важных задач международного сообщества является защита прав и благополучия вынужденных мигрантов, поиск долгосрочных решений для них. В то же время необходимо обеспечение четкого разделения между теми, кто спасается от насилия и преследования, и теми, кто перемещается по своей воле. Беженцам необходима безопасность, помощь и поддержка во время изгнания.

Несмотря на значительный прогресс в области защиты прав человека, решение задачи защиты беженцев стало более сложным, что требует применения инновационных подходов, сильной приверженности и вовлечения все большего числа участников.

Люди должны помнить о том, что беженцы оставляют свои семьи, дома и имущество не по своей воле, но в силу обстоятельств, которые они не могут контролировать. Необходимо помнить и о том, что поиск убежища на чужой территории из страха перед насилием и преследованием является одним из основных прав человека, и права беженцев – это те же права человека. Принятие и уважение беженцев являются обязанностью каждого человека [1].

Представительство УВКБ ООН помогает двум категориям беженцев: официально признанным белорусскими властями и получившим статус беженцев, и тем, кто зарегистрирован УВКБ ООН как лица, ищущие убежища. С момента своего открытия Представительством УВКБ ООН в Беларусь зарегистрировано свыше 6 тыс. лиц, ищущих убежища. По информации из государственных источников на территории Беларусь проживают более 35 тыс. потенциальных беженцев из стран СНГ, преимущественно граждан Украины.

Представительство УВКБ ООН осуществляет в Беларусь ряд проектов, среди них ежегодная программа «Забота о беженцах и ищущих убежища», а также две специальные программы – Программа сотрудничества с государственными структурами и Программа по предоставлению технической и финансовой поддержки неправительственным организациям. Главной целью программ УВКБ ООН является содействие повышению заинтересованности государственных и негосударственных организаций в решении проблем беженцев, а именно: помочь государственным учреждениям Беларусь в доведении национальных норм и методов работы с беженцами до международных стандартов, помочь государству в управлении процессом адаптации беженцев в белорусском обществе, содействие предоставлению помощи и соци-

альных услуг наиболее социально незащищенным группам ищащих убежища: женщинам, детям и престарелым [2].

Основной стратегической целью УВКБ ООН как в Беларуси, так и во всем регионе является обеспечение защиты для всех лиц, нуждающихся в ней. Обеспечение защиты лиц, ищащих убежища, и беженцев включает:

- беспрепятственный доступ на территорию;
- мониторинг границ, выделение из миграционных потоков лиц, ищащих убежища, и беженцев;
- соответствующую политику, законодательство и методы работы;
- качественную и оперативную процедуру определения статуса беженца;
- систему защиты, учитывающую гендерные и возрастные особенности подопечных лиц;
- защиту против злоупотребления, сексуального и гендерного насилия, эксплуатации;
- внимание к лицам, не имеющим гражданства;
- развитие системы информирования о странах происхождения беженцев [3].

Представительство УВКБ ООН проводит активную работу по выработке долгосрочных решений для беженцев, наиболее реальным из которых является интеграция в общество. В этой области организация разработала совместные проекты с местными органами власти по решению жилищной проблемы для лиц, признанных беженцами.

Беларусь и страны Европейского союза (ЕС) сталкиваются со сложными миграционными ситуациями, и зачастую эти проблемы представляют собой угрозу для национальной безопасности. В соответствии с заявлениями представителей ЕС за последние годы Республика Беларусь достигла значительных успехов в сфере защиты беженцев и в этом плане может являться положительным примером для других стран.

Привлекательность Беларуси как страны для иммиграции возрастает. Менталитет, моральный дух и культура белорусов в сочетании с политической практикой способствуют тому, что Беларусь стала страной с постоянным положительным миграционным сальдо.

Восприимчивость белорусов к чужой беде, способность сопереживать и сочувствовать стали частью имиджа страны на международной арене.

Однако сегодня надо работать и над встречным процессом. А именно интегрировать все лучшее, талантливое, трудоспособное, что несет с собой миграция, ради пользы белорусского общества и государства. Большой вклад в разрешение этой проблемы вносят общественные организации Беларуси, которые успешно реализуют проекты с общим названием «Местная интеграция беженцев».

Пока количество беженцев в Беларусь не велико – примерно 2 тыс. человек. Однако за 2014–2015 гг. в страну прибыло более 50 тыс. граждан Украины, что связано с военным конфликтом. Лишь около 1,5 % украинских мигрантов обратились за предоставлением статуса беженца.

Все, что ищут беженцы, – это место, где можно вести безопасную и достойную жизнь. Проблема в том, что государств, где можно вести такую жизнь, меньше, чем мест, откуда люди все чаще спасаются бегством. Задача мирового сообщества заключается в том, чтобы создать все условия для возвращения беженцев на родину.

Беларусь сегодня классифицируется как страна транзита миграционных потоков. Возможно, проблема мигрантов в целом и беженцев в частности касается ее несколько меньше, чем других государств. Однако по мере экономического роста, повышения уровня жизни народа Беларусь все в большей степени будет становиться страной, в которую будут стремиться попасть мигранты из более бедных государств. Поэтому необходимо готовить к этому общественное мнение. Должно совершенствоваться законодательство: оно призвано в большей степени соответствовать будущим вызовам [4].

Таким образом, Беларусь необходимо учитывать опыт европейских стран в обеспечении прав беженцев и их интеграции в общество, а также не допускать ошибок в ситуациях массового притока мигрантов. Видятся нужными проведение реформирования и дальнейшее улучшение системы приема беженцев, стоит уделять больше внимания повышению качества образования для мигрантов, особенно детей беженцев. Именно качественное образование дает возможность найти достойную работу и реализовать свой потенциал в новых условиях проживания.

Список литературы

1. Селиванова Т. В. Всемирный день беженцев – 2009 в Беларуси // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 2. С. 54-57.
2. Моргун Ю.Ф. Права человека и защита беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 5. С. 38-49.
3. Моргун Ю.Ф. Достижения и задачи в сфере защиты беженцев в Беларуси // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2007. № 2. С. 56-62.

4. Селиванов А.В. Роль белорусских средств массовой информации в формировании атмосферы толерантности в обществе (по материалам «круглого стола» 28 января 2009 г.) // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 1. С. 69-74.

Поступила в редакцию 25.02.2017 г.

Принята в печать 29.05.2017 г.

Информация об авторе

Блохин Виктор Николаевич – старший преподаватель кафедры истории и педагогики факультета бизнеса и права Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, г. Горки, Могилевская обл., Республика Беларусь, e-mail: vik-1987@bk.ru

Для цитирования

Блохин В.Н. Белорусский опыт интеграции беженцев // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 104-109.

UDC 341.43

BELARUSIAN EXPERIENCE OF REFUGEE INTEGRATION

© V.N. Blokhin

Belarusian State Agricultural Academy

5 Michurina St., Gorki, Mogilev province, Republic of Belarus, 213407

E-mail: vik-1987@bk.ru

Abstract. The issues of integration of refugees into the Belarusian society are discussed. The attention is drawn to the necessity of taking into account international experience, improvement of the system of refugees' admission, and the expansion of migrant's access to education. The activities of the United Nations High Commissioner for Refugees office in Belarus are considered. This office implement a number of projects in the country, as well as on the activities of public organizations of Belarus, which are also successfully implement projects for integration of refugees. It is concluded that the integration of refugees in Belarus should be based on the experience of European countries, since it will allow to avoid mistakes in the integration of refugees into society and to provide them all provisions of the rights while mass migrations. It is noted that there is the need to reform existing system of admission of refugees in Belarus.

Key words: refugees; integration; problems; migration

References

1. Selivanova T.V. Vsemirnyy den' bezhentsev – 2009 v Belarusi [World refugee day – 2009 in Belarus]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], 2009, no. 2, pp. 54-57. (In Russian).
2. Morgun Yu.F. Prava cheloveka i zashchita bezhentsev [Human rights and protection of refugees]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], 2000, no. 5, pp. 38-49. (In Russian).
3. Morgun Yu.F. Dostizheniya i zadachi v sfere zashchity bezhentsev v Belarusi [Achievements and challenges in the field of refugee protection in Belarus]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], 2007, no. 2, pp. 56-62. (In Russian).
4. Selivanov A.V. Rol' belorusskikh sredstv massovoy informatsii v formirovaniy atmosfery tolerantnosti v obshchestve [The role of Belarusian mass media in the formation of atmosphere of tolerance in society]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], 2009, no. 1, pp. 69-74. (In Russian).

Received 25 February 2017

Accepted 29 May 2017

Information about the author

Blokhan Viktor Nikolaevich – Senior Lecturer of History and Pedagogics Department of Business and Law Faculty of Belarusian State Agricultural Academy, Gorki, Mogilev Province, Republic of Belarus, e-mail: vik-1987@bk.ru

For citation

Blokhan V.N. Belorusskiy opyt integratsii bezhentsev [Belarusian experience of refugee integration]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 104-109. (In Russian).

УДК 347.961

РОССИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ НОТАРИАТЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© Т.М. Орцханова¹⁾, А.Н. Лосев²⁾

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹⁾ E-mail: otmomioon@mail.ru

²⁾ E-mail: loseandrej@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы и соотнесены системы нотариата двух государств – России и Германии. Установлены различия в нормативном регулировании нотариата в обеих странах. Сделан акцент на их правовом статусе, на том, что из списка форм немецкого нотариата для России неприемлемы нотариусы-адвокаты, так как у российских нотариусов своя сфера деятельности. Обращено внимание на аспекты, в частности, касающиеся прав, обязанностей и ответственности нотариуса, их правовой статус, специфики построения и организации деятельности. Проведен анализ требований к кандидатам на должность нотариуса в обеих странах. Выявлено существенное отличие в том, что немецкие нотариусы должны иметь такую квалификацию, которая бы позволяла занять должность судьи. Отмечено различие в сроках стажировки и учета практического опыта при подаче документов, позволяющих приобрести статус нотариуса. Отдельно приведены и проанализированы данные, свидетельствующие о мошеннических действиях и злоупотреблениях полномочиями нотариусами, обозначены способы преступных действий.

Ключевые слова: нотариат; нотариат в России; нотариат в Германии; национальная безопасность; нотариус; адвокат

Рассмотрим аспекты, касающиеся особенностей формы нотариата в России и Германии, и обозначим ряд достаточно важных проблем, неурегулированных в полном объеме правовыми установлениями, которые прямо либо косвенно взаимоувязаны с вопросами обеспечения экономической безопасности, что вполне очевидно для Российской действительности в сфере постоянно проводимой борьбы с преступностью, потому как обеспечение безопасности в любой сфере – это один из самых главных вопросов для каждого человека на Земле.

В России в качестве основного документа, регламентирующего рассматриваемый вид деятельности, следует обозначить Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г.

№ 4462-I, претерпевшие и претерпевающие ряд изменений и дополнений¹. Вместе с тем нотариусы при осуществлении своей деятельности руководствуются также и иными положениями нормативного характера, закрепленными в законах и подзаконных актах.

В свою очередь, в Германии действует Федеральное уложение о нотариате, которое признается самым важным сводом правил для всех нотариусов². Также действуют и принимаются иные нормативные акты (директивы), которые так или иначе регламентируют отдельные вопросы, разрешаемые нотариусами.

Несмотря на значительный объем данных правовых документов, кратко обозначим, чем же так отличается российская система нотариата от немецкой.

Во-первых, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате устанавливают, что нотариальные действия в РФ совершают только:

- нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе;
- нотариусы, занимающиеся частной практикой.

В России ведется реестр таких государственных нотариальных контор и контор нотариусов, занимающихся частной практикой.

В исключительных случаях, а именно, когда в населенном пункте отсутствует нотариус, нотариальные действия допустимо совершать должностному лицу органа исполнительной власти, как правило, председателю сельского совета либо иному специалисту такого сельсовета.

Возвращаясь к немецкому нотариату, отметим, что в Германии по историческим причинам сложились три разные формы нотариата, в которые входят:

- чистые нотариусы;
- нотариусы-адвокаты;
- нотариусы – государственные служащие.

Между тем, какая форма нотариусов практикуется, определяется каждой федеральной землей отдельно.

Из перечисленного списка возможных форм немецкого нотариата для России неприемлемы нотариусы-адвокаты, так как у российских нотариусов своя сфера деятельности, а для адвокатов – своя специфика работы. Более того, в силу действующего законодательства в России

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-I // Закон. Приложение к газете «Известия». 1999. 3 марта.

² Bundesnotarordnung: закон о нотариате от 13.02.1937 г. (с изм. от 15.04.2015 г.). // Федеральный вестник законов. Ч. 3. № 303-1. 2586 с.

нотариус не может быть одновременно адвокатом, в том числе и потому, что законодательно существуют такие категории, как «адвокатская тайна» и «нотариальная тайна». Российская адвокатура – это некая самостоятельная система правоохранительных органов, имеющая свои задачи и цели¹.

В свою очередь, в Германии нотариусы-адвокаты занимаются нотариальной деятельностью наряду с адвокатской. Что же касается формы нотариата в виде чистых нотариусов, то она предполагает, что такие нотариусы работают исключительно в нотариальной сфере. Соответственно, государственные нотариусы – полностью на обеспечение госорганов федеральных земель.

Как и в России предусматривается возможность организации органов самоуправления в виде нотариальных палат, которые не только представляют и защищают интересы своей профессиональной группы, но и выступают по отношению к своим членам в роли контрольной инстанции.

В качестве головной организации всех палат выступает Федеральная нотариальная палата, расположенная в г. Кельн, котораяполномочна по всем важным для нотариусов вопросам разрабатывать общие позиции, новые концепции и давать соответствующие заключения. Более того, многие нотариусы, помимо прочего, объединяются в союзы нотариусов.

Вместе с тем в Германии существуют специализированные образовательные учреждения, как, к примеру, Немецкий нотариальный институт в г. Вюрцбург, Немецкий институт адвокатов в г. Бохум, в которые может обратиться каждый нотариус, сталкивающийся на практике с необычной или особенно сложной правовой проблемой для детального ее разъяснения.

Подобная практика не совсем приемлема для России, так как лицо, получившее юридическое образование и обладающее статусом нотариуса, рассматривается как дипломированное компетентное лицо, сведущее во всех нотариальных делах. Поэтому российские нотариусы просто так в университет за дачей какого-либо заключения не обращаются, только в случаях повышения квалификации, если соответствующие курсы проводятся на базе конкретного образовательного учреждения.

Вновь затрагивая российскую нотариальную систему, следует отметить, что она также предусматривает образование нотариальных па-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

лат, но обязательно в каждом субъекте РФ. Такие палаты действуют на принципах самоуправления, представляют и защищают интересы нотариусов, оказывают им помощь и содействие в развитии частной нотариальной деятельности, организуют стажировку лиц, претендующих на должность нотариуса, и повышение профессиональной подготовки нотариусов, возмещают затраты на экспертизы, назначенные судом по делам, связанным с деятельностью нотариусов, организуют страхование нотариальной деятельности и ряд иных вопросов¹.

В качестве головного профессионального объединения таких палат выступает Федеральная нотариальная палата.

Согласно ст. 34 Основ законодательства РФ о нотариате контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляют федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю в сфере нотариата, и его территориальные органы (в частности, Министерство юстиции и его территориальные подразделения), а нотариусами, занимающимися частной практикой, – нотариальные палаты. Контроль за соблюдением налогового законодательства осуществляют налоговые органы.

Таким образом, кратко представлена система российского и немецкого нотариата.

Следует акцентировать внимание на требованиях к кандидатам на должность нотариуса. В наиболее обобщенном виде требования в обеих странах в чем-то достаточно схожи, к примеру, претенденту необходимо иметь соответствующее юридическое образование, быть гражданином своей страны, пройти стажировку, сдать соответствующий квалификационный экзамен и получить лицензию на право занятия нотариальной деятельностью. Существенное отличие в том, что немецкие нотариусы должны иметь такую квалификацию, которая бы позволяла занять должность судьи. Подобное требование гарантирует, что нотариусы должны разбираться в зачастую очень сложных «юридических материалах». Безусловно, существуют различия в сроках стажировки и учете практического опыта при подаче документов, позволяющих в последующем стать нотариусом. Так, в Германии, чтобы быть нотариусом-адвокатом, претендент должен иметь стаж работы в качестве адвоката не менее пяти лет.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

В России, согласно предъявляемым требованиям, если не имеется стажа, требуется пройти стажировку сроком не менее одного года в государственной нотариальной конторе или у нотариуса, занимающегося частной практикой. Если же у соответствующего лица имеется стаж работы по юридической специальности, и он к тому же составляет не менее трех лет, то срок указанной стажировки может быть сокращен.

И все же немаловажно обратить внимание на иной аспект, в частности, касающийся прав, обязанностей и ответственности нотариуса.

В соответствии с действующим российским законодательством (ст. 15, 17 Основ о нотариате) нотариус:

- имеет право совершать нотариальные действия в интересах физических и юридических лиц, обратившихся к нему;
- имеет право составлять проекты сделок, заявлений и других документов, изготавливать копии документов и выписки из них, а также давать разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий;
- имеет право истребовать от физических и юридических лиц сведения и документы (в том числе содержащие персональные данные), необходимые для совершения нотариальных действий;
- имеет право представлять в установленных законом случаях заявление о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и иные необходимые документы в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, и получать свидетельства о государственной регистрации прав и иные документы, выдаваемые этим органом.

В то же время нотариус обязан:

- предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред;
- хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности, и выполнять другие обязанности.

Подобные правомочия с небольшой долей уточнения свойственны и для немецких нотариусов.

Вместе с тем, несмотря на столь значимое место государственного и негосударственного нотариатов в правоохранительных системах России и Германии, имеющаяся официальная и неофициальная статистика свидетельствует, что в последнее время нередки случаи, связанные с недобросовестностью, злоупотреблением своих прав нотариусами, использованием ими доверия в силу возможно имеющихся у обратив-

шихся к ним лиц ранее партнерских, дружеских и иных оснований, приводящих к преступным действиям или обуславливающих их, подрывающих не только личную безопасность, но и экономическую, тем более, если учесть, что достаточное количество нотариальных действий позволяет в конечном итоге осуществлять гражданский оборот недвижимого и движимого имущества. Так, в России активно ведется борьба с мошенническими действиями, охватывающими конкретные сферы кредитования, предпринимательства, страхования, компьютерной информации, а также преступными мошенническими действиями в сфере получения выплат и использования платежных карт (ст. 159, 159.1-159.6 УК РФ)¹. Данный преступный феномен затронут неслучайно, потому как зачастую следствием в преступных мошеннических схемах устанавливается использование нотариальных доверенностей, допустимо заранее ложных, нотариально удостоверенных письменных договоренностей и т. д. При этом подчас нотариус при осуществлении конкретных нотариальных действий может не догадываться или не установить действительную истинность намерений обратившихся к нему лиц за совершением того или иного нотариального действия. Вместе с тем российской следственной практике известны случаи преднамеренного совершения нотариусами мошеннических действий, в том числе по удостоверению крупных сделок. Кроме того, известны преступные факты привлечения к уголовной ответственности частных нотариусов за злоупотребление ими полномочиями в рамках специальной статьи УК РФ, в частности по ст. 202 УК РФ. В данной связи, с учетом судебной практики, обозначим кратко возможные способы преступных действий нотариусов в России:

- составление договоров отчуждения имущества и их удостоверение без реального ведома (присутствия) одной из сторон договора (Приговор Ногайского районного суда, уголовное дело № 1-2014);
- получение оригиналов и копий документов путем обмана и злоупотребления доверием и последующее нотариальное заверение доверенностей без правообладателей, которые фактически управомочивают иных лиц распоряжаться любым способом имуществом, обезналичивать различного рода сертификаты и т. п. (Приговор 1-36/2013 (14 мая 2013 г., Каякентский районный суд (Республика Дагестан));

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

- составление завещаний с признаками подделок (Кассационное определение № 22-1204/2012 от 3 апреля 2012 г. по делу Б. М. (18 апреля 2012 г., Владимирский областной суд (Владимирская область));
- сообщение (разглашение) нотариальной тайны в корыстных и иных целях и др.

Проанализировать конкретную официальную статистику за последнюю пару лет по уголовным делам, связанным с мошенническими действиями, некогда совершенными российскими нотариусами, или статистику по деяниям, касающимся злоупотреблений полномочиями частными нотариусами, на сегодняшний момент крайне затруднительно, так как имеющиеся открытые статистические данные правоохранительных структур не содержат обобщенную информацию в отношении таких лиц, потому как невелико число уголовных дел, возбужденных в отношении нотариусов, возможно, по причине латентности таких действий, на первый взгляд, малозначительности отдельных нотариальных документов, которые в конечном итоге могут обусловить совершение серьезного посягательства в экономической сфере, особенно связанной с собственностью или получением прав на нее.

Так, к примеру, приведем лишь общие данные числа уголовных дел по факту мошенничества в России за 2012–2013 гг.

Практически эти же показатели по РФ имеем на 2015 г., и это при том, что работа по противодействию мошенничеству постоянно ведется.

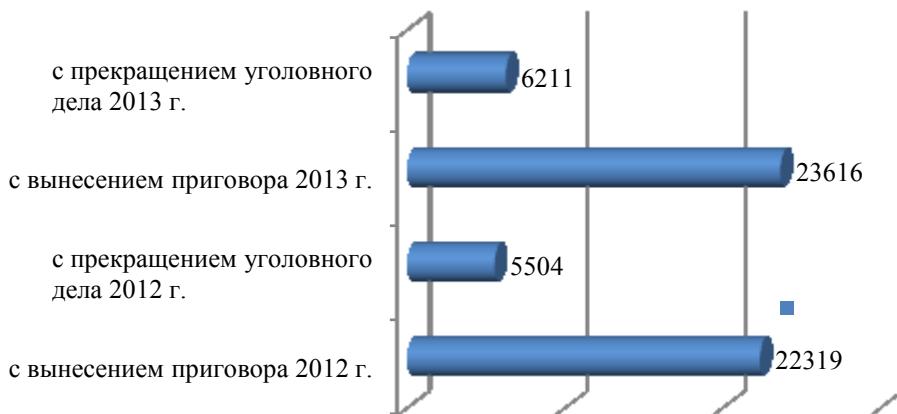

Рис. 1. Число уголовных дел по факту мошенничества, рассмотренных российскими судами первой инстанции по существу

Очевиден вопрос, так что же столь несовершенно, недоработано в правовых российских нормах, связанных с осуществлением нотариальной деятельности? Почему возможно совершать серьезные «маневрирования» с использованием нотариальных документов? И почему такие нотариальные документы имеют место быть? Что необходимо сделать?

Если рассуждать об экономической безопасности, а особенно о преступлениях против собственности, то в гражданском обществе следует удостоверять все крупные и особо крупные сделки по обороту имущества через нотариуса. Между тем не исключены случаи, когда человека вводят в заблуждение, последний соглашается оформить у нотариуса доверенность на отчуждение своего имущества за любую цену и любому лицу, а доверяющее лицо оказывается мошенником. В подобном контексте нотариус не может знать об истинности намерений на данном этапе, если к тому же отчуждение имущества было оформлено в простой письменной форме, что как минимум было допустимо ранее, согласно действующему законодательству, с учетом отдельных изменений относительно обязательного нотариального удостоверения.

Более того, при удостоверении сделок, выдаче доверенностей, заверении подписей и т. п. нотариус устанавливает дееспособность, осознанность намерений обратившихся чисто субъективно или с их слов, то есть предоставление каких-либо подтверждений о том, что человек не состоит ни на каком учете, не страдает заболеваниями, которые могли бы обусловить непонимание сути происходящего, проведение какой-либо экспертизы, дополнительной проверки в отношении особенно престарелых лиц в обязательном порядке не требуется в силу закона. Конечно, нотариус может, если заподозрит, засомневаться и отказать в совершении нотариального действия, но как оценить правильность такой позиции? С другой стороны, такой отказ может быть в России обжалован в суд, и в такой ситуации добросовестный нотариус в определенной степени может оказаться незащищенным. Таким образом, следует разработать и внести соответствующие изменения в российское гражданское законодательство и в ст. 42 Основ законодательства РФ о нотариате в части конкретизации процедуры установления личности обратившегося за совершением нотариального действия.

Безусловно, обозначенное не охватывает весь спектр имеющихся проблем и законодательных пробелов.

Что же касается германского законодательства, в частности, уголовного, то Уголовный кодекс ФРГ не предусматривает конкретный

вид преступления, совершающегося таким специальным субъектом как нотариус, между тем раздел 13 Кодекса в общем определяет виды наказуемых деяний на службе, в связи с чем немецкий нотариус может понести ответственность по одной из предусмотренных статей, например, по особо тяжким случаям продажности и подкупа (в рамках § 335 и др.) [1]. Так же, как и в России, мошенничество наказуемо в Германии (раздел 22 УК ФРГ «Мошенничество и злоупотребление доверием»), и поэтому не исключено привлечение немецких нотариусов к ответственности за конкретные мошеннические действия, совершенные с использованием своего служебного поведения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 524 с.

Поступила в редакцию 24.02.2017 г.

Принята в печать 28.05.2017 г.

Информация об авторах

Орицханова Татьяна Магометовна – доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: otmomioon@mail.ru

Лосев Андрей Николаевич – зам. директора по инновационно-производственной работе Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: loseandrei@yandex.ru

Для цитирования

Орицханова Т.М., Лосев А.В. Российский и немецкий нотариаты в правоохранительной системе: некоторые законодательные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 110-120.

UDC 347.961

RUSSIAN AND GERMAN NOTARIES IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM: SOME LEGAL ASPECTS

© T.M. Ortskhanova¹⁾, A.N. Losev²⁾

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
¹⁾ E-mail: otmomioon@mail.ru
²⁾ E-mail: loseandrey@yandex.ru

Abstract. The notarial systems of the two states – Russia and Germany are analyzed and correlated. Differences in the legal regulation of notaries in both countries are established. Their legal status is focused on, the fact that notary lawyers are unacceptable for Russia from the list of forms of the German notary is considered, since Russian notaries have their own sphere of activity. Attention is paid to aspects, in particular, concerning the rights, duties, and responsibilities of notaries, their legal status, the specifics of the organization and organization of activities. The requirements for candidates for notary positions in both countries are analyzed. A significant difference was found in the fact that German notaries should have such qualifications that would allow them to take up the post of judge. The difference in terms of training and practical experience in filing documents that allow to acquire the status of a notary is noted. Also additional data is given and analyzed. It indicates fraudulent actions and abuse of powers of notaries, ways of criminal activities are outlined.

Key words: notary; notary in Russia; notary in Germany; national security; public notary; attorney

References

1. Shestakov D.A. (academ. ed. and prolusion) *Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya* [The Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. St. Petersburg, Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003, 524 p. (In Russian).

Received 24 February 2017

Accepted 28 May 2017

Information about the authors

Ortskhanova Tatiana Magometovna – Associate Professor of Special Training and National Security Department of Law and National Security Institute of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, e-mail: otmomioon@mail.ru

Losev Andrey Nikolaevich – Deputy Director of Innovation and Economic Activities of Law and National Security Institute of Tambov State University named after

G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, e-mail: loseandrej@yandex.ru

For citation

Ortskhanova T.M., Losev A.N. Rossiyskiy i nemetskiy notariaty v pravo-okhranitel'noy sisteme: nekotorye zakonodatel'nye aspekty [Russian and German notaries in the law enforcement system: some legal aspects]. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 110-120. (In Russian).

УДК 321.01

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА НА ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРАВА

© В.В. Соловьева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ, Липецкий филиал

398050, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

E-mail: viktoriya-solove@list.ru

Аннотация. Исследованы функции права с позиции духовно-культурологического подхода, позволяющего сконцентрироваться на ценностных и позитивных свойствах права, а также на результатах, достигаемых при его помощи в экономической, политической и духовной сферах общественной жизни. Отмечено, что правовая жизнь общества под влиянием духовно-культурологического подхода оказалась тесно связанный с использованием информационно-трансляционной функции права. Эта функция представляется в единстве двух начал – информационного и трансляционного. Сделаны выводы о том, что анализ функций права с позиции духовно-культурологического подхода позволяет обратить внимание на его аксиологические и творческие свойства, в том числе указано на стремление права к духовно-преобразующему воздействию на социальную реальность в рамках правовой плоскости.

Ключевые слова: духовно-культурологический подход; функции права

В последние годы одной из ключевых тенденций в юридической науке является активизация интереса к исследованию социальной ценности права и стремление к всестороннему анализу его аксиологических свойств. Реализации поставленной задачи в известной мере будет способствовать изучение функций права как непосредственного проявления присущих ему свойств в социальной плоскости, в частности, с позиции духовно-культурологического подхода, представляющего собой комплекс методов, которые предлагают анализ той или иной сферы социальной жизни, включая и право, посредством системообразующих культурологических понятий, таких как культура, культурные нормы и ценности, уклад, образ жизни, культурная деятельность и т. д. [1; 2, с. 73].

Подходя к вопросу выяснения функций права в рамках рассматриваемого подхода, представляется возможным сконцентрировать внимание на позитивно значимых свойствах права, а также на тех результатах, которые достигаются при его помощи в любой сфере обществен-

венной жизни, что в конечном итоге позволяет выявить творческо-организующее значение права [1].

Исходя из вышеизложенного, целесообразно классифицировать функции права, используя в виде критерия его социальную роль, и выделить регулятивную, охранительную, оценочную, воспитательную, сублимационную, интегративную и информационно-трансляционную функции. В качестве подтверждения сошлемся на позицию немецкого юриста В. Майхофера, который утверждает, что общественная функция права как его социальное действие в обществе (и для этого общества) может состоять как в удовлетворении и решении определенных естественных и культурных потребностей, так и в уменьшении или ограничении последних [1].

Итак, регулятивная функция права является доминантной и генетической, поскольку проблемы взаимодействия и упорядочения общественных отношений возникли еще до выделения личности из синкретического первобытного коллектива и появления права как регулятора общественных отношений. Изначально регулятивная функция находила свое практическое воплощение в виде культурных мононорм, то есть сложносоставных норм, связанных с инстинктивным регулированием поведения членов первобытного общества и была направлена на поддержание существования, защиты и развития социальных индивидов. С усложнением общественных отношений и появлением права роль регулятивного направления правового воздействия проявляется в осуществлении первичного правового регулирования (саморегулирования поведения в правовой сфере), упорядочении общественных отношений и введении их в рамки социальной свободы и справедливости [3, с. 229].

В пределах регулятивной функции классифицируют две составляющие: регулятивную статическую и регулятивную динамическую функции. Регулятивная статическая функция выражается в закреплении определенных общественных отношений, стабильных положений (статусов), а регулятивная динамическая (стимулирующая) функция проявляется в воздействии права на общественные отношения путем оформления их движения (динамики), обеспечивает развитие желаемых отношений, активного поведения субъектов права [4].

Из анализа регулятивной функции права закономерно вытекает исследование охранительной функции, поскольку они представляют собой взаимосвязанные юридические конструкции, которые проявляются во всех сферах приложения права к жизни современного общества (в регулировании и охране неждаются самые разнообразные сферы соци-

альной жизни – экономическая, политическая, культурная и т. д.) [5, с. 194]. При этом некоторые исследователи не включают охранительную функцию в поле научного исследования, поскольку подвергают сомнению факт целесообразности ее рассмотрения с позиции духовно-культурологического подхода. Однако, если учесть, что культурологический метод позволяет рассматривать конкретный правовой феномен не как отдельно взятое явление, а внутри интеллектуального пространства культурных смыслов, то в результате он теряет жесткость ранее существовавших, исключительно юридических границ [6, с. 46].

Исходя из этого, охранительную функцию права можно приравнивать к высокоорганизованной системе, которая одновременно упорядочивает, рационализирует и охраняет правовой порядок, социальные и культурные ценности. Задачей охранительной функции права является осуществление влияния на общественные отношения путем постепенного вытеснения тех явлений, которые являются нежелательными для конкретного общества [7, с. 45]. Социальная распространность (социокульттивирование) обозначенной функции предусматривает институциональное распространение моделей устоявшихся отношений (такие отношения основаны на использовании традиционных способов и методов правового регулирования), связанных с правовой репрессией, наказанием, обвинением, защитой от обвинения, назначением наказания, исходя из социальных и этносоциальных традиций и обычая. В данном случае имеется в виду институциональная обязанность субъектов властных отношений охранять такие социальные ценности, как общественный порядок, суверенитет, права и свободы человека, его благополучие, а также бороться с преступностью и другими социальными конфликтами [8].

Охранительная функция состоит в том, что право посредством запрета, ограничения, наказания защищает социальные ценности, блага, общественные отношения, выступает показателем политического и культурного уровня общества, гуманных начал, содержащихся в праве [4].

Весьма значимой выступает оценочная функция права, которая позволяет праву выступать мерилом правомерности и неправомерности поступков субъектов правоотношений, а также оценивать их поведение в качестве желательного или нежелательного для государства и общества с точки зрения общечеловеческих ценностей [9, с. 254]. Особенno важна оценочная функция при самооценке субъектом своего поведения, значение которого возрастает в контексте правовой саморегуляции поведения [3, с. 233].

Не менее важное влияние культурологический подход оказывает на воспитательную (идеологическую или цивилизующую) функцию права, поскольку именно культура обуславливает гуманистическое и целостное воспитание личности в силу своей насыщенности гуманистическим потенциалом. В данном случае воспитание, являясь феноменом культуры, реализует ее сущностные характеристики в границах правового поля [10, с. 30]. Воспитательная функция обусловлена единством внутренних и внешних потребностей общества к соединению динамики и стабильности в развитии, обеспечением последовательного и всестороннего развития политической культуры и активности личности, гармоническим сосуществованием общественных и личных интересов [11, с. 10]. Действие указанной функции права является двухсторонним процессом, допускающим не только направление воспитательного влияния права на личность, но и активное отношение последней к нему. Это подразумевает, что в рамках правового воспитания у личности формируется определенная система правовых знаний, умений и навыков, правового мышления и правовых чувств – уважения к праву, закону и тем социальным ценностям, которые поставлены обществом под охрану закона [12, с. 39]. Важно то, что в результате этого процесса личность воспринимает усвоенные нормы, идеалы, ценности как свои собственные, а не навязанные извне, поскольку они оказались встроеными в ее психику и социальную составляющую. Право как ценностная нормативная система представляет для личности ту совокупность модальностей, ориентиров, ролевых интеграторов, которую она принимает, а также воспринимает как свою собственную систему ценностей, требований и критериев к государству, обществу, другим лицам. В этой ситуации социальные ценности в их нравственно-правовом выражении выступают не только ядром юридического мировоззрения отдельной личности, но и подразумевают их генерализацию [3, с. 235].

Воспитание высокого уровня правосознания и формирование стимулов правомерного поведения у граждан являются еще одной задачей воспитательной функции права. Это связано с тем, что в праве выражаются передовые, гуманные, соответствующие интересам личности предписания, в результате чего оно получает психологическую поддержку с момента издания правовой нормы. Вместе с тем правовые требования, не отражающие желаний и настроений людей, получают их негативную оценку и не находят поддержки в их сознании. В таких случаях воспитательная роль права теряет свое значение [4].

Достаточно весомой функцией права в рамках духовно-культурологического подхода выступает сублимационная (возвышающая, возвращающая к ценностям), которая предусматривает стремление достижения общечеловеческих ценностей в праве. В правосознании происходит трансформация низших (относительных) ценностей к высшим (общечеловеческим) [3, с. 234]. Относительные ценности носят социальный, экономический, политический и иной характер и являются результатом социализации человека. Понятия, их обозначающие, могут иметь разное толкование в контексте разных культур [13, с. 213]. Даные ценности (в рамках группы, класса, социума, индивида) не отрицаются вовсе, а снимаются, преображаются, поднимаются на высшую ступень, встраиваются в высший комплекс. Высшие (общечеловеческие) ценности характеризуют меру человечности в отношениях между людьми, которая в свою очередь содержится в правовых нормах [3, с. 234]. Это базовые ценности, которые являются общими для любой культуры в силу одинаковой значимости для каждого индивида, а также их одинакового смыслового наполнения, могут претендовать на статус универсальных [13, с. 213]. В процессе развития человеческого общества мера человечности постепенно возрастает, что, несомненно, свидетельствует о стремлении права максимально приблизиться к нравственности – носительнице общечеловеческих ценностей [3, с. 234].

Интегративная (социоцентристская) функция права заключается в том, что право как явление культуры предусматривает осуществление воздействия на социальную реальность посредством реализации принципов справедливости, формального равенства и свободы для обеспечения целостности, устойчивости и гармоничного равновесия социальной системы, а также ее воспроизводства и самосохранения при разрешении внутренних и внешних противоречий [14, с. 165]. По мнению Т. Парсонса «объединяющая» (интегративная) функция в процессе развития общества становится ключевой функцией юридической системы. Это позволяет ослабить возможности конфликтов и подчинить механизм общественных отношений. Последнее достигается благодаря приверженности системе законов, позволяющей системам общественного взаимодействия работать без сбоев, возникающих в силу открытых или тайных конфликтов [15, р. 56].

Важным фактором при этом являются общечеловеческие культурные ценности (как интегральные образования), вокруг которых формируются правовая система, правовая идеология и правовая культура общества в целом [3, с. 232]. Выступая в качестве интегрального обра-

зования, обозначенные ценности являются «общим языком» и «правилами игры» (партнерскими нормами) в контексте диалога культур и социального партнерства, что требует расширения взаимодействия правовых систем, усиления движения по линии взаимных уступок, выработки доверительных отношений как стратегии долгосрочного цивилизационного сотрудничества [16, с. 42]. Однако доминирование идеи универсализма ценностей имеет негативную сторону, поскольку на практике оборачивается интервенциями против стран, чьи правовые культуры сформированы иными системами ценностей, а такие понятия, как «демократия», «права человека», «политические свободы» имеют отличительную от общепринятой трактовку [17, с. 134].

Стоит отметить, что правовая жизнь общества под влиянием духовно-культурологического подхода оказалась тесно связанной с использованием информационно-трансляционной функции права, которая представлена в единстве двух начал – информационного и трансляционного.

Информационное начало рассматриваемой функции направлено на обеспечение правовой целостности, гармонии правоотношений и правопорядка. На содержательном уровне информационное начало раскрывается в трех аспектах. Первым аспектом выступает аккумулирующий, он связан с восприятием и переработкой правом социальной информации для реализации цели правового информирования. Второй аспект – познавательный, предполагающий достижение целей восприятия правовой информации (в этом контексте право выступает способом познания действительности). Этот аспект характеризуется оценкой правовой информации. Личность анализирует собственное поведение, поступки других людей с точки зрения их правомерности либо неправомерности, выражает свое внутреннее отношение к правовой реальности. Третьим аспектом является коммуникативный, который предполагает установление прямых и обратных культурно-правовых связей, аккумулирование соответствующей информации в целях повышения эффективности регулятивно-правового воздействия [18, с. 18].

С коммуникативным аспектом информационного начала тесно связано трансляционное, подразумевающее передачу правовой информации в двух направлениях: синхроническом и диахроническом. Синхроническое направление подразумевает, что информирование происходит между субъектами правовых отношений в настоящее время. Диахроническое направление обозначает правовое общение между поколениями, которое обогащает их правовую компетенцию и позволяет

приумножить знания с учетом всех преимуществ и недостатков нормативного опыта [19].

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что анализ функций права с позиции духовно-культурологического подхода делает возможным обратить внимание на его аксиологические и творческие свойства, а также выявить стремление права к духовно-преобразующему воздействию на социальную реальность в рамках правовой плоскости.

Список литературы

1. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2014.
2. Крылова Н.Б. Культурология образования. М.: Народное образование, 2000. 272 с.
3. Сокольская Л.В. Функции права в культурологическом контексте // Модернизация функций права и государства: традиции, установки, тенденции, перспективы: сб. материалов 9 Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 2012. Т. 1. С. 226-239.
4. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Проспект, 2013.
5. Макарова Н.А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 194-199.
6. Бачинин В., Журавский В., Панов М. Философия права. К.: ИН Юре, 2003. 472 с.
7. Исаева В.В. Функции права: теоретико-правовой анализ // Журнал Киевского университета права. 2013. № 1. С. 45-48.
8. Ковальский В.С. Охранительная функция права как социальный правовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. К., 2011. 36 с.
9. Амельченко Ю.А. Превенция в системе функций права // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 247-255.
10. Дегтярев Д.А., Рогова А.В. Рецепция в контексте культурологического подхода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 5 (52). С. 29-34.
11. Слюсаренко О.Л., Кунгурцева Т.В. Проблемы воспитательной функции права и правового воспитания в современных условиях // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 7-11.
12. Балин Л.Е. Правовое воспитание и предупреждение правонарушений органами внутренних дел. Ташкент, 1997. 78 с.
13. Бехруз Х. Правовые ценности и диалог правовых культур: концепция универсальности и релятивизма // Научный вестник Международного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 212-218.
14. Землянинова Е.А. Интегративная функция права: история исследования, понятие и особенности // Молодежь в науке – 2009: прил. к журн. «Вести национальной академии наук в Беларуси»: в 5 ч. Мин.: Беларус. наука, 2010. Ч. 2. Серия гуманитарных наук. С. 161-167.
15. Parsons T. The Law and Social control // Law and Sociology. N. Y.: The Free Press of Glencoe, 1962.

16. Оборотов Ю.М. Философия права и методология юриспруденции // Проблемы философии права. 2003. Т. 1. С. 41-43.
17. Бехруз Х. Универсализм и релятивизм ценностей в контексте диалога правовых культур // Философия права и общая теория права. 2012. № 2. С. 128-138.
18. Антошина И. Информационная функция права как общеправовая функция // Национальный юридический журнал: теория и практика. 2014. № 1. С. 15-19.
19. Большой словарь иностранных слов в русском языке / ред. С.М. Локшина, В.Ф. Корицкий. М.: ЮНВЕС, 1998.

Поступила в редакцию 27.02.2017 г.

Принята в печать 31.05.2017 г.

Информация об авторе

Соловьева Виктория Викторовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Липецк, Российская Федерация, доктор исторических наук, профессор, e-mail: viktoriya-solove@list.ru

Для цитирования

Соловьева В.В. Влияние духовно-культурологического подхода на процесс трансформации функций права // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 121-130.

UDC 321.01

THE INFLUENCE OF THE SPIRITUAL AND CULTURAL APPROACH TO THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS OF LAW

© V.V. Solovyova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk branch
3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, Russian Federation, 398050
e-mail: viktoriya-solove@list.ru

Abstract. The functions of law from a position of spiritual and cultural approach are examined. This approach allows to focus on values and properties of positive law, as well as on the results obtained with its help in the economic, political and spiritual spheres of public life. It is noted that the legal life under the influence of the spiritual and cultural approach is closely associated with the use of information and translation function of law. This func-

tion seems to be the unity of two principles – information and translation. It is concluded that the analysis of the functions of law indicates the position of the spiritual and cultural approach that allows to note its axiological and creative properties. In addition, the law aspiration to spiritual and transformative effect on social reality in the legal plane is indicated.

Key words: spiritual and cultural approach, functions of law

References

1. Radko T.N. *Teoriya funktsiy prava* [The Theory of Functions of Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. (In Russian).
2. Krylova N.B. *Kul'turologiya obrazovaniya* [Culturology of education]. Moscow, Naurodnoe obrazovanie Publ., 2000, 272 p. (In Russian).
3. Sokolskaya L.V. *Funktsii prava v kul'turologicheskem kontekste* [Functions of law in culturology context]. *Sbornik materialov 9 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Modernizatsiya funktsiy prava i gosudarstva: traditsii, ustavovki, tendentsii, perspektivy»* [Proceedings of 9 International Scientific and Practical Conference “Modernization of the Functions of Law and State: Traditions, Policies, Trends, Prospects”]. Kostroma, 2012, vol. 1, pp. 226-239. (In Russian).
4. Radko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. (In Russian).
5. Makarova N.A. K voprosu o podfunktsiyakh okhranitel'noy funktsii prava [The issue of sub-functions of protective functions of law]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*, 2013, no. 2 (103), pp. 194-199. (In Russian).
6. Bachinin V., Zhuravsky V., Panov M. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Kiev, In Yure Publ., 2003, 472 p. (In Russian).
7. Isaeva V.V. *Funktsii prava: teoretiко-pravovoy analiz* [Functions of law: theoretical and legal analysis]. *Zhurnal Kievskogo universiteta prava – Journal of Kyiv University of Law*, 2013, no. 1, pp. 45-48. (In Russian).
8. Kovalsky V.S. *Okhranitel'naya funktsiya prava kak sotsial'nyy pravovoy fenomen. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk* [The Protective Function of Law as a Social Legal Phenomenon. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Kiev, 2011, 36 p. (In Russian).
9. Amelchenko Yu.A. *Preventsija v sisteme funktsiy prava* [Prevention in the system of functions of law]. *Uchenye zapiski Tauricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki»* [Scientific Notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series “Legal Sciences”], 2008, vol. 21 (60), no. 1, pp. 247-255. (In Russian).
10. Degtyarev D.A., Rogova A.V. *Retsepsiya v kontekste kul'turologicheskogo podkhoda* [Reception in the context of the culturological approach]. *Uchenye zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika i psichologiya – Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Pedagogy, Psychology*, 2013, no. 5 (52), pp. 29-34. (In Russian).
11. Slyusarenko O.L., Kungurtseva T.V. *Problemy vospitatel'noy funktsii prava i pravovogo vospitaniya v sovremennykh usloviyakh* [Problems of the educational function of law and legal education in modern conditions]. *Yuridicheskaya nauka* [Juridical Science], 2012, no. 2, pp. 7-11. (In Russian).

12. Balin L.E. *Pravovoe vospitanie i preduprezhdenie pravonarusheniy organami vnutrennikh del* [Legal Education and Prevention of Offenses by Internal Affairs Bodies]. Tashkent, 1997, 78 p. (In Russian).
13. Behrouz H. Pravovye tsennosti i dialog pravovykh kul'tur: kontseptsiya universal'nosti i relyativizma [Legal values and the dialogue of legal cultures: the concept of universality and relativism]. *Nauchnyy vestnik Mezhdunarodnogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Herald of the International Humanitarian University], 2012, no. 4, pp. 212-218. (In Russian).
14. Zemlyaninova E.A. Integrativnaya funktsiya prava: istoriya issledovaniya, ponyatie i osobennosti [Integrative function of law: the history of research, the concept and features]. *Molodezh' v nauke – 2009: prilozhenie k zhurnalu «Vesti natsional'noy akademii nauk v Belarusi»* [Youth in Science – 2009: Supplement to the Journal “News of the National Academy of Sciences in Belarus”]. Minsk, Belarus. Nauka Publ., 2010, pp. 161-167. Part. 2. Series of Humanities. (In Russian).
15. Parsons T. The Law and Social control. *Law and Sociology*. New York, The Free Press of Glencoe, 1962.
16. Oborotov Yu.M. Filosofiya prava i metodologiya yurisprudentsii [Philosophy of law and methodology of jurisprudence]. *Problemy filosofii prava* [Problems of Philosophy of Law], 2003, vol. 1, pp. 41-43. (In Russian).
17. Behruz H. Universalizm i relyativizm tsennostey v kontekste dialoga pravovykh kul'tur [Universalism and the Relativism of Values in the Context of Legal Cultures]. *Filosofiya prava i obshchaya teoriya prava* [The Philosophy of Law and the General Theory of Law], 2012, no. 2, pp. 128-138. (In Russian).
18. Antoshina I. Informatsionnaya funktsiya prava kak obshchepravovaya funktsiya [Informational function of law as a general legal function]. *Natsional'nyy yuridicheskiy zhurnal: teoriya i praktika* [National Law Journal: Theory and Practice], 2014, no. 1, pp. 15-19. (In Russian).
19. Lokshina S.M., Koritskiy V.F. (eds.). *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke* [Big Dictionary of Foreign Words in the Russian Language]. Moscow, UNIS Publ., 1998. (In Russian).

Received 27 February 2017

Accepted 31 May 2017

Information about the author

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Professor of Theory and History of State and Law Department of Lipetsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russian Federation, Doctor of Jurisprudence, Professor, e-mail: viktoriya-solove@list.ru

For citation

Solovyova V.V. Vliyanie dukhovno-kul'turologicheskogo podkhoda na protsess transformatsii funktsiy prava [The influence of the spiritual and cultural approach to the process of transformation of the functions of law]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 121-130. (In Russian).

УДК 349.6

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

© А.В. Захаров¹⁾, А.Г. Попов²⁾

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹⁾ E-mail: zawtmb@yandex.ru

²⁾ E-mail: APopov_92@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена деятельность государства по обеспечению экологической безопасности как самостоятельное направление в рамках экологической функции государства. Исследование проблемы обеспечения экологической безопасности произведено в контексте современных глобальных экологических вызовов человечеству. Даны характеристика обеспечению глобальной экологической безопасности и обеспечению внутренней экологической безопасности на уровне Российской Федерации. Обоснована необходимость осуществления комплекса мероприятий, направленных на стабилизацию экологической обстановки. Проведен анализ влияния современных глобальных экологических вызовов человечеству на внешнюю функцию государства. Исследованы установленные законодателем меры, направленные на обеспечение экологической безопасности. Рассмотрено развитие направлений в целях обеспечения экологической безопасности: обеспечение экологической безопасности при осуществлении потенциально опасных видов деятельности и чрезвычайных ситуациях, снижение загрязнения окружающей среды и ресурсосбережение, улучшение качества жизни и здоровья населения путем снижения воздействия экологических факторов.

Ключевые слова: экологическая безопасность; экологическая функция государства; современные глобальные экологические вызовы человечеству

В научной литературе отсутствует единый подход к оценке современной экологической функции российского государства. Одна из позиций, главенствовавшая на протяжении последних десятилетий и до сих пор имеющая актуальность, заключается в том, что содержание экологической функции составляют два элемента: охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов [1, с. 410; 2, с. 22].

Однако на сегодняшний день содержание экологической функции государства нельзя сводить лишь к охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В современных условиях госу-

дарство не будет развиваться, если не будет отражать все стороны экологической деятельности в содержании экологической функции.

Ряд исследователей выделяют в качестве самостоятельных аспектов экологической функции государства обеспечение экологической безопасности [3, с. 92; 4].

При этом обеспечение экологической безопасности, на наш взгляд, в контексте рассматриваемой проблемы необходимо исследовать в двух аспектах: 1) обеспечение глобальной экологической безопасности; 2) обеспечение внутренней экологической безопасности Российской государства.

Рассмотрим подробнее оба предлагаемых аспекта.

1. Обеспечение глобальной экологической безопасности. Существование современных глобальных экологических вызовов человечеству обусловило необходимость обеспечения экологической безопасности как региональной, так и международной, что является важной составной частью мировой политики.

Интерпретируя позицию И.Б. Кореневой, следует согласиться, что современные глобализационные процессы, к которым мы относим современные глобальные экологические вызовы человечеству, вызывают экологическую нестабильность и подрывают экологическую безопасность планеты: «Не вдаваясь в подробный анализ современного состояния процессов глобализации (нового международного разделения труда, в том числе внутриотраслевой обмен типоразмерами продукции, усиливающий экономическую связь партнеров, а также обмен товаров на услуги; международное производство, сопровождающееся выносом в развивающиеся страны трудоемких, материалоемких и экологически грязных производств; политическое, а также и силовое давление для навязывания глобализации сомневающимся в ее полезности странам; минирование интересов крупных транснациональных корпораций вплоть до полного игнорирования интересов национальных производителей), следует отметить, что реализация такого сценария глобализации, осуществляемого под руководством правительств стран большой семерки, ведет к нарастанию в геометрической прогрессии экологической напряженности, при которой проблема экологической безопасности не имеет положительного решения» [5].

Также рост эффективности производства ведет к уменьшению экологической нагрузки путем сокращения потребления ресурсов и образования отходов. Экономический рост в результате глобализации дает дополнительные финансовые возможности для защиты окружающей

среды, позволяет внедрять новое технологическое оборудование, которое способно обеспечить больший уровень экологической безопасности. При этом, как правило, в наименее развитых странах интерес к экологической безопасности имеет крайне низкую степень. Но, исходя из сложившейся практики, можно утверждать, что зачастую на начальном этапе экономического развития государства состояние окружающей среды имеет тенденцию к ухудшению. По мере роста уровня экономики и жизни экологическая безопасность становится одной из первостепенных задач государства.

Для реализации внешней экологической функции Российского государства с учетом противодействия современным глобальным экологическим вызовам человечеству особую важность играет концепция международной экологической безопасности, которую можно определить как систему взаимоотношений государств, обеспечивающих сохранение, рациональное использование и воспроизводство экологических компонентов планеты и поддержание равновесия между ними.

Основополагающей идеей для развития мирового сообщества является обеспечение такого научно обоснованного использования природных ресурсов в целях удовлетворения материальных и иных интересов человека, при котором будут обеспечены необходимые для его жизни и здоровья качества окружающей среды и устойчивое развитие биосферы.

В целях сохранения экологического равновесия в неблагополучных с точки зрения окружающей среды регионах, а также для обеспечения естественного развития экологических систем, сохранения и восстановления уникальных природных комплексов необходимо осуществить комплекс мероприятий, направленных на стабилизацию экологической обстановки, устранение кризисной экологической ситуации в некоторых промышленных центрах и крупных городах, ликвидацию последствий радиоактивного загрязнения территорий, сохранение природного комплекса бассейнов озер и рек и др.

Все государства самостоятельно и сотрудничая друг с другом должны прилагать усилия к устраниению (предупреждению) современных глобальных экологических вызовов человечеству.

Проанализировав влияние современных глобальных экологических вызовов человечеству на внешнюю функцию государства, мы пришли к выводу, что данные вызовы способствуют ранжированию направлений сотрудничества и реализации в качестве приоритетных направлений, способствующих обеспечению экологической безопасности.

В этих условиях возрастает роль международной политики в области обеспечения экологической безопасности. Ее основными задачами являются:

- признание и соблюдение международных правовых норм всеми членами международного сообщества;
- расширение международной правовой основы в области защиты окружающей среды;
- приданье международным экологическим нормам более жесткого характера;
- присоединение к международным правовым актам в области защиты природы всех государств, поскольку, если эти нормы будут выполняться частью государств, то эффективность такой системы экологической безопасности будет очень малой;
- покрытие эффективным договорным регулированием всех отраслей деятельности государств;
- создание эффективной системы международного контроля за выполнением экологических международных договоров [6, с. 113-114].

В концепции внешней политики Российской Федерации определено: «Глобальные вызовы и угрозы требуют адекватного комплексного ответа со стороны международного сообщества, консолидации его усилий при координирующей роли ООН и с учетом объективной взаимосвязи вопросов защиты прав человека, обеспечения безопасности и устойчивого развития»¹.

Основными глобальными вызовами экологической безопасности являются:

«а) последствия изменения климата на планете, которые неизбежно отражаются на жизни и здоровье людей, состоянии животного и растительного мира, а в некоторых регионах становятся ощутимой угрозой для благополучия населения и устойчивого развития;

б) рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов, что на фоне глобализации экономики приводит к борьбе за доступ к природным ресурсам и оказывает негативное воздействие на состояние национальной безопасности Российской Федерации;

в) негативные последствия ухудшения состояния окружающей среды, включая опустынивание, засуху, деградацию земель и почв;

¹ Об утверждении концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

г) сокращение биологического разнообразия, что влечет за собой необратимые последствия для экосистем, разрушая их целостность»¹.

Россия позиционирует себя на международной арене как энергетическая держава, что налагает на государство большую ответственность не только в контексте роли в системе глобальной и внутренней энергетической безопасности, но и с позиции обеспечения экологической безопасности энергетики и топливно-энергетического комплекса страны в целом.

Действующее законодательство предусматривает ряд направлений развития международного сотрудничества в области обеспечения экологической безопасности:

«а) совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а также институциональной системы обеспечения экологической безопасности;

б) внедрение инновационных и экологически чистых технологий, развитие экологически безопасных производств;

в) развитие системы эффективного обращения с отходами производства и потребления, создание индустрии утилизации, в том числе повторного применения таких отходов;

г) повышение эффективности осуществления контроля в области обращения радиационно, химически и биологически опасных отходов;

д) строительство и модернизация очистных сооружений, а также внедрение технологий, направленных на снижение объема или массы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сбросов загрязняющих веществ в водные объекты;

е) минимизация (снижение до установленных нормативов) рисков возникновения аварий на опасных производственных объектах и иных чрезвычайных ситуаций техногенного характера;

ж) повышение технического потенциала и оснащенности сил, участвующих в мероприятиях по предотвращению и ликвидации негативных экологических последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

з) ликвидация негативных последствий воздействия антропогенных факторов на окружающую среду, а также реабилитация территорий и акваторий, загрязненных в результате хозяйственной и иной деятельности;

¹ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

- и) минимизация ущерба, причиняемого окружающей среде при разведке и добыче полезных ископаемых;
- к) сокращение площади земель, нарушенных в результате хозяйственной и иной деятельности;
- л) осуществление эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных ресурсов, в том числе лесных, охотничьих и водных биологических ресурсов, по сохранению экологического потенциала лесов;
- м) расширение мер по сохранению биологического разнообразия, в том числе редких и исчезающих видов растений, животных и других организмов, среды их обитания, а также развитие системы особо охраняемых природных территорий;
- н) создание и развитие системы экологических фондов;
- о) активизация фундаментальных и прикладных научных исследований в области охраны окружающей среды и природопользования, включая экологически чистые технологии;
- п) развитие системы экологического образования и просвещения, повышение квалификации кадров в области обеспечения экологической безопасности;
- р) углубление международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и природопользования с учетом защиты национальных интересов»¹.

2. Обеспечение внутренней экологической безопасности Российской Федерации. Экологическая безопасность является составной частью безопасности в целом. В научной литературе предложено следующее ее определение: «Экологическая безопасность личности, общества и государства – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в процессе взаимодействия общества и природы от угроз со стороны природных объектов, естественные свойства которых изменены путем загрязнения, засорения в результате либо антропогенной деятельности <...>, либо преднамеренно (с целью экологических диверсий, экологической агрессии), либо в силу природных явлений и стихийных бедствий, обусловленных уничтожением, порчей или истощением природных объектов» [7].

В условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству обеспечение экологической безопасности обуславливает развитие следующих направлений.

¹ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года...

Обеспечение экологической безопасности в первую очередь при осуществлении потенциально опасных видов деятельности и при чрезвычайных ситуациях. В рамках данного направления осуществляются выявление и минимизация экологических рисков для окружающей среды и здоровья населения, связанных с возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характеров, также реабилитация территорий и акваторий, пострадавших в результате техногенного воздействия на окружающую среду; объявление и установление правового статуса и режима зон экологического бедствия и чрезвычайной экологической ситуации на территории Российской Федерации, а также координация и реализация мероприятий по охране окружающей среды в данных зонах.

Снижение загрязнения окружающей среды и ресурсосбережение. Загрязнение окружающей среды, чрезмерное потребление природных ресурсов, их нерациональное использование и исчерпаемость являются первичными причинами возникновения современных глобальных экологических вызовов человечеству. Их устранение требует снижения загрязнения окружающей среды и осуществления ресурсосбережения путем улучшения качественных и количественных характеристик естественных экосистем: сокращение техногенных выбросов в атмосферу, уменьшение антропогенных сбросов в водоемы, увеличение объемов утилизации отходов производственно-хозяйственной и бытовой деятельности, улучшение качества продуктов питания и т. п. В результате улучшения качественных и количественных характеристик биосфера предполагается улучшение качества жизни человека, связанное в том числе и с увеличением средней продолжительности жизни. Экологическая политика создает предпосылки для того, чтобы деятельность любого уровня учитывала не только производственно-хозяйственную, но и природоохранную сторону производства. Государственная политика в сфере экологии устанавливает правила поведения для предприятий всех форм собственности, увязывая в единое целое экономические и экологические интересы.

Улучшение качества жизни, здоровья и увеличение продолжительности жизни населения путем снижения неблагоприятного воздействия экологических факторов и улучшения экологических показателей окружающей среды. Осуществляется реализация комплекса мер, направленных на сохранение жизни и здоровья человека, решение демографических проблем, борьбу с преступностью, искоренение бедности,

изменение структуры потребления и уменьшение дифференциации в доходах населения.

Существование экологической политики в качестве самостоятельного направления политики государства присуще большинству экономически и промышленно развитых стран, где высок уровень экологического воспитания и образования, развития экологических движений. Государственная политика учитывает экологические требования в той степени, в которой это диктуется общественными интересами. Российская же экологическая политика находится в стадии формирования, необходимы усиление роли гуманитарных аспектов экологического образования и просвещения, подготовка высококвалифицированных кадров, внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий и т. п. Государственная экологическая политика в России будет успешна лишь тогда, когда интересы политической и предпринимательской элит уступят место экологическим интересам граждан.

Особую роль в условиях рассматриваемых вызовов приобретает обеспечение экологической безопасности при осуществлении потенциально опасных видов деятельности и чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, обеспечение экологической безопасности в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству является важным направлением экологической функции государства, которое осуществляется на двух уровнях – обеспечение глобальной экологической безопасности и обеспечение внутренней экологической безопасности государства.

Список литературы

1. Казаков В.Н. Теория государства и права. Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
2. Петров В.В. Экология и право. М.: Юрид. лит-ра, 1981.
3. Миняев А.О. Экологическое право: конституционные основы. М.: Изд. дом Городец, 2004.
4. Уханов И.С. Экологическая функция современного Российского государства (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
5. Коренева И.Б. Ноосферный вызов и экологическая безопасность. URL: <http://www.koreneva.com/1229463403.php> (дата обращения: 05.01.2017).
6. Кочеткова Е.В. Экологическая политика как необходимый элемент устойчивого развития человечества // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2007. № 4.
7. Правовое обеспечение экологической безопасности в РФ: материалы «круглого стола» // Государство и право. 1998. № 6. С. 106-107. Авт. выступления Г.П. Серов.

Поступила в редакцию 21.02.2017 г.

Принята в печать 28.05.2017 г.

Информация об авторах

Захаров Александр Вячеславович – зав. кафедрой конституционного и международного права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: zawtmb@yandex.ru
Попов Александр Геннадьевич – аспирант, кафедра теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: APopov_92@mail.ru

Для цитирования

Захаров А.В., Попов А.Г. Обеспечение экологической безопасности в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 131-140.

UDC 349.6

ENSURING ECOLOGICAL SAFETY IN THE CONDITIONS OF MODERN GLOBAL ENVIRONMENTAL CHALLENGES TO MANKIND

© A.V. Zakharov¹⁾, A.G. Popov²⁾

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

¹⁾ E-mail: zawtmb@yandex.ru

²⁾ E-mail: APopov_92@mail.ru

Abstract. Activities of the state for ensuring ecological safety as the independent direction within ecological function of the state are considered. Research of a problem of ensuring ecological safety in the context of existence of modern global environmental challenges to mankind is made. The characteristic of ensuring global ecological safety and ensuring internal ecological security of the Russian Federation is given. The necessity of implementation of complex of measures aimed at stabilizing the environmental situation is proved. The analysis of the impact of current global ecological challenges on the external function of the state is made. The rules and measures established by the legislator and aimed at ensuring environmental safety are examined. The development directions are reviewed in order to ensure environmental security: environmental security in the implementation of potentially hazardous activities and in emergencies, reduction of environmental pollution and saving the resources, improvement of quality of life and health of the population by reducing the impact of environmental factors.

Key words: ecological safety; ecological function of the state; modern global environmental challenges to mankind

References

1. Kazakov V.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and Law]. Yekaterinburg, Business book Publ., 2002. (In Russian).
2. Petrov V.V. *Ekologiya i pravo* [Ecology and Law]. Moscow, Juridicheskaya literatura Publ., 1981. (In Russian).
3. Minyaev A.O. *Ekologicheskoe pravo: konstitutsionnye osnovy* [Ecological Law: Constitutional Bases]. Moscow, Publishing House Gorodets, 2004. (In Russian).
4. Ukhanov I.S. *Ekologicheskaya funktsiya sovremennoego Rossiyskogo gosudarstva (teoretiko-pravovoy aspekt)*. Avtoref. diss. kand. ... yurid. nauk [Ecological Function of the Modern Russian State (theoretic and legal aspect). Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).
5. Koreneva I.B. *Noosfernnyy vyzov i ekologicheskaya bezopasnost'* [Noosphere Challenge and Ecological Safety]. (In Russian). Available at: <http://www.koreneva.com/1229463403.php> (accessed 05.01.2017).
6. Kochetkova E.V. Ekologicheskaya politika kak neobkhodimyy element ustoychivogo razvitiya chelovechestva [Environmental policy as necessary element of sustainable development of mankind]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2007, no. 4. (In Russian).
7. Serov G.P. (the author of the speech). Materialy «kruglogo stola» «Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v RF» [Materials of “the round table” “Legal support of ecological safety in the Russian Federation”]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 1998, no. 6, pp. 106-107. (In Russian).

Received 21 February 2017

Accepted 28 May 2017

Information about the authors

Zakharov Alexander Vyacheslavovich – Head of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate Jurisprudence, Associate Professor, e-mail: zawtmb@yandex.ru

Popov Alexander Gennadevich – Post-graduate Student, Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: APopov_92@mail.ru

For citation

Zakharov A.V., Popov A.G. Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v usloviyakh sovremennykh global'nykh ekologicheskikh vyzovov chelovechestvu [Ensuring ecological safety in the conditions of modern global environmental challenges to mankind]. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 131-140. (In Russian).

ОТ РЕДАКЦИИ

Научно-практический юридический журнал «**Актуальные проблемы государства и права**» (“Current Issues of the State and Law”) основан в феврале 2017 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

Выходит 4 раза в год и распространяется бесплатно и по подписке.

Журнал направлен на эффективную взаимосвязь между юридической наукой, образованием и практикой, рубрики журнала станут площадками для обсуждения актуальных вопросов совершенствования законодательства и правоприменения. Статьи представляются для публикации членами редакционной коллегии или непосредственно Редактором журнала, которые несут персональную ответственность за их содержание, научную ценность и новизну. Статьи принимаются от ученых как из Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, так и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала <http://journals.tsutmb.ru/>

Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, институт права и национальной безопасности.

Телефон +7 (4752) 72-34-34 (доб. 3117)

Ответственный секретарь журнала – Р.В. Зелепукин.

E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Цели журнала

Журнал учрежден Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и направлен на эффективную взаимосвязь между юридической наукой, образованием и практикой. Рубрики журнала станут площадками для обсуждения актуальных вопросов совершенствования законодательства и правоприменения на внутренгосударственном, межгосударственном и международном уровнях.

Миссия журнала заключается в популяризации результатов передовых правовых научных исследований, представлении их широкому кругу читателей.

Тематика журнала

Журнал «Актуальные проблемы государства и права» посвящен современным и дискуссионным вопросам юриспруденции, вопросам законодательства и правоприменительной практики, их научным исследованиям по теории государства и права, материальному и процессуальному праву, включая аспекты национальной безопасности, государственного и муниципального устройства, а также права в системе социальных наук (12.00.00 – Юридические науки).

Рубрики журнала

- Общая теория и история права и государства (12.00.01).
- Материальное право (12.00.02, 12.00.03, 12.00.04, 12.00.05, 12.00.06, 12.00.07, 12.00.08, 12.00.10, 12.00.13).

- Процессуальное право (12.00.09, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.14, 12.00.15)
- Национальная безопасность (12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.12, 12.00.13, 12.00.14).
- Государственное и муниципальное устройство (12.00.01, 12.00.02).
- Право в системе социальных наук (12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.04, 12.00.05, 12.00.06, 12.00.07, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.13, 12.00.14, 12.00.15).
- Обзор законодательства и правоприменительной практики.
- Юридическое сообщество (рецензии, персоналии, информация о научно-практических мероприятиях).

1. ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1.1. Авторы подают статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала. Рукопись должна быть представлена лично или послана по почте заказным письмом непосредственно в редакцию или любому из членов редакционной коллегии. Статья должна быть подписана автором(ами).

1.2. Название статьи, фамилия, имя, отчество автора(ов) полностью, **аннотация статьи и ключевые слова** на русском и английском языках прилагаются на отдельной странице и отдельным файлом.

1.3. На отдельном листе и отдельным файлом прилагаются **сведения обо всех авторах статьи** (фамилия, имя и отчество полностью), с указанием его (их) звания, ученоей степени, должности, места работы (полное название организаций, к которым приписан автор, а не аббревиатура, почтовый адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), для докторантов, аспирантов и магистрантов – наименование специальности, почтового адреса (с индексом для доставки номеров журналов согласно подпиське); номеров контактных телефонов (с кодом города) и контактного адреса электронной почты. В случае отсутствия места работы/учебы – указывается предыдущее. Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

1.4. Авторы предоставляют в редакцию также электронную версию статьи, аннотации и ключевых слов, сведений об авторах в виде отдельных файлов (Иванов-статья.doc; Иванов-аннотация+кл.сл.doc; Иванов-сведения об авторе.doc).

1.5. Необходимо также подписать и прислать в редакцию договор (см. на сайте журнала).

1.6. Поступившая рукопись фиксируется датой поступления, о чем редакция информирует автора по электронной почте lexnauka.tgu@yandex.ru.

На указанный автором адрес электронной почты будут высыпаться уведомления об изменении статуса статьи (результат рецензирования, ориентировочные сроки опубликования и т.д.).

Если формальные требования к материалам на публикации не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Редакция оставляет за собой право отклонения статей в случае неспособности или нежелания автора учесть пожелания редакции.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение научных статей, переписку о методике написания и оформления и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

1.7. Все представленные рукописи проходят проверку в системе «Антиплагиат». Статьи должны обладать высоким процентом оригинальности (не ниже 70%), оставшийся процент публикации должен быть оформлен как цитаты (в кавычках, с обязательным указанием источника из списка литературы). Самоцитируемость выше указанных 30%, равно как и цитирование без указания авторства (плагиат, самоплагиат) не допускается. Если автор направил статью в другие издания, необходимо сообщить об этом во избежание множественных публикаций.

2. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Статьи в обязательном порядке рецензируются с целью их экспертной оценки. После проверки на плагиат редакция направляет статью двум рецензентам. В качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты других организаций, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению.

2.2. Рецензирование «двустороннее слепое»: автору не сообщаются данные о рецензентах и наоборот. Автор получает по электронной почте рецензию без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

Рецензенты в течение одного месяца выносят заключение о возможности публикации статьи, необходимости ее доработки или отклонении. Рецензент оценивает соответствие статьи научной тематике журнала, ее актуальность, новизну, теоретическую и (или) практическую значимость, наличие выводов, соответствие установленным правилам оформления с целью их экспертной оценки.

Рецензентам запрещается снимать копии с рукописей для своих нужд и отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакции.

Оригиналы рецензий в течение 5 лет хранятся в редакции журнала.

2.3. В случае положительного заключения рецензентов редакционная коллегия журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала, а также с учетом сроков поступления рукописи в редакцию.

В том случае, если рукопись возвращается на доработку, автор может представить вновь статью с сопроводительным письмом – ответом рецензенту о внесенных изменениях на повторное рецензирование в течение месяца. Датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи.

Материалы, получившие отрицательный отзыв рецензента, не публикуются и не возвращаются, автору направляется мотивированный отказ. Рукописи, прошедшие рецензирование, не возвращаются. Редакция не хранит рукописи, не принятые к печати.

Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации и в экспертные советы Высшей аттестационной комиссии при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

3. ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

3.1. В случае одобрения рецензентами, статьи, присылаемые по инициативе авторов, публикуются в порядке поступления и с учетом тематики номера. Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации. Средний срок публикации – около года после поступления материалов. Приоритет отдается статьям авторов, которые являются подписчиками журнала. Подписаться на журнал можно в редакции журнала.

Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редакция информирует автора о предполагаемых ориентировочных сроках публикации.

Статьи членов редакционной коллегии, имеющих приоритетное право на публикацию в журнале одной статьи в год, обсуждаются на заседании редколлегии.

Работы, посвященные особо актуальным проблемам науки, а также содержащие принципиально новую информацию, могут, по решению редакционной коллегии, быть опубликованы вне очереди.

3.2. После публикации автору редакция предоставляет отиск его статьи.

Публикация статьи будет означать назначение Copyright © ее автору (авторам), однако они не могут претендовать на выплату гонорара. Авторы передают Издательству журнала – Тамбовскому государственному университету имени Г.Р. Державина, авторские права на публикации в печатном издании и на сетевом ресурсе в сети Интернет. При этом авторы имеют право использовать все материалы в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в журнале.

3.3. Автор(ы) публикации, принятой к печати, заключают авторский договор.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» авторы дают свое согласие ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» на обработку, включая сбор, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование и уничтожение предоставляемых персональных данных. Это согласиедается автором на неопределенный срок и может быть отозвано путем направления письменного уведомления.

Включение издания в систему Российского индекса научного цитирования со- пряжено с размещением статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

3.4. Содержания номеров, сведения об авторах, аннотации статей и ключевые слова, а также пристатейные библиографические списки литературы, благодарности и ссылки на номера грантов представлены на сайте <http://journals.tsutmb.ru/>

4. СТРУКТУРА СТАТЬИ

Публикуются научные статьи объемом до 1,0 п.л. (8–20 страниц).

Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным** шрифтом. В тексте не допускаются подчеркивания и использование сносок.

В верхнем левом углу листа проставляется код УДК, который должен достаточ- но подробно отражать тематику статьи (<http://teacode.com/online/udc/>).

На следующей строке необходимо указать код специальности согласно номенклатуре научных специальностей ВАК.

Далее по центру жирным шрифтом печатается **название статьи** (прописная буква только первая), ниже обычным шрифтом – **имя и отчество** (сначала! полностью),

фамилия автора(ов), строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в обязательном порядке должна включать актуальность и цель исследования, методы, основные результаты (например, Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... и т.п.), выводы. Аннотация должна отражать содержание и основные результаты статьи, но ни в коем случае не быть введением или заключением статьи. Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (не более 10 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации). Ещё через строку помещают основной текст статьи.

Рекомендуемая структура научной статьи (без рубрикаций):

- введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);
 - постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;
 - результаты: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;
 - выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;
 - **список литературы (обязательно).** Список литературы должен включать 10 и более источников, ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 2–3 года (не менее 50 %), желательны иностранные источники. Приветствуется введение в текст статьи ссылок на научные работы, ранее опубликованные в журналах Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина;
 - References (пристанийный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);
 - благодарности и ссылки на номера грантов.
- В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подписи авторов.
- За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации и ключевых слов ответственность несет автор (авторы) статьи.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из приложений MS Office в сгруппированном виде. Графики, рисунки и фотографии монтируются в текст после первого упоминания о них, причем их нужно вставлять как объект или как метафайл. Название иллюстраций дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером. Точка после подписи не ставится. За оформление имеющихся в статье графических материалов ответственность несет автор.

При верстке журнала они не редактируются. Все рисунки публикуются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации будут доступны только в электронной версии статьи. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю перед таблицей. На следующей строке обязательно приводится название таблицы без точки в конце. В основном тексте должны содержаться ссылки на них (**табл. 1**). Слова в таблицах должны быть написаны полностью с соблюдением переносов. Не должно быть пустых граф. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Пристатейные библиографические списки цитируемой литературы

Список литературы является **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и даются в порядке очередности цитированных источников, например [1, с. 25], или [3; 4], или [5–12].

Автоматические сноски (постстраничные или концевые) не допускаются!

Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье сведений, цитат и правильность указания названий книг и других источников.

Примеры оформления Списка литературы:

Книга (указать общее число страниц):

1. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2014. 243 с.
2. Горбунова О.Н., Грачева Е.Ю. и др. Финансовое право / отв. ред.: Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопяченко. М., 2004. 525 с.
3. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постстатьйный) / под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби, 2003. 425 с.

Статья из журнала (указать страницы размещения статьи):

4. Радаева С.В. Соотношение и взаимосвязь юридической техники и юридической практики // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 18–25.
5. Фадеев А.В., Литвинцев М.Г. Субъект коррупционного правонарушения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 197–202.

Сборники:

6. Сенцов А.С. Эволюция уголовно-правового понятия должностного лица как субъекта преступления // Проблемы реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.Г. Глебов. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2012. С. 196–203.

Нормативные документы:

7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 // Закон. Приложение к газете «Известия». 1999. 3 марта.

Электронные ресурсы:

9. Де ла Хуг К., Плютенк Г. Суррогатное материнство как нарушение прав человека. URL: <http://familypolicy.ru/tep/int-13-049> (дата обращения: 10.01.2017).

Авторефераты:

10. Солдатов С.А. Общественные объединения в Российской Федерации: право-
вое и институциональное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 46 с.

Внимание! Информация их неопубликованных источников должна быть отмече-
на словами «неопубликованные данные/документы», авторы статьи должны полу-
чить письменное подтверждение на использование таких материалов.

5. РЕДАКЦИОННАЯ ЭТИКА

Редакционная коллегия научно-практического юридического журнала «Акту-
альные проблемы государства и права» придерживается принятых международным
сообществом принципов публикационной этики, отраженных в рекомендациях Ко-
митета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics (COPE), Ко-
декс этики научных публикаций), а также учитывает ценный опыт авторитетных ме-
ждународных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (пла-
гiate, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого каче-
ства научных публикаций каждый член редакционной коллегии, автор, рецензент,
издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны со-
блюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для
предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций спо-
собствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повыше-
нию качества издания и исключению возможности неправомерного использования
авторских материалов в интересах отдельных лиц.

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики
со стороны редактора, автора или рецензента, будет проведено обязательное рассле-
довование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные ма-
териалы. Редакционная коллегия правомочна потребовать разъяснения, без привле-
чения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Если статья, содержащая значительные неточности, была опубликована, и это
признает редакционная коллегия, она должна быть незамедлительно исправлена в
форме, доступной для читателей и систем индексирования.

6. ПОЛИТИКА СВОБОДНОГО ДОСТУПА

Статьи этого журнала доступны всем желающим с момента публикации, что
обеспечивает свободный открытый доступ к результатам исследований и способст-
вует увеличению глобального обмена знаниями. Все содержимое журнала доступно
для пользователей бесплатно. Пользователям разрешается читать, скачивать, копиро-
вать, распространять, распечатывать, производить поиск, находить полные тексты
статьей журнала без предварительного разрешения издателя и автора.

7. ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Журнал следует политике Open Access Journals, доступ к опубликованным в
журнале статьям – свободный для всех (без необходимости регистрации).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать мате-
риалов. Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и
оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого науч-
но-методического уровня.

Научно-практический юридический журнал

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW**

Том 1, № 1

2017

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

Адрес учредителя и издателя:

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Адрес редакции и редакционной коллегии:

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Институт права и национальной безопасности

Тел.: +7 (4752) 72-34-34 (доб. 3117)

E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Сайт: <http://journals.tsutmb.ru/>

Редакторы *А.А. Манаенкова, Ю.А. Бирюкова*

Переводчик *Е.А. Финаева*

Компьютерное макетирование *Т.Ю. Молчановой*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Подписано в печать 06.08.2017 г. Выход в свет 14.09.2017 г. Формат 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 12,95. Тираж 1000 экз. Заказ 17201.

Отпечатано в Издательском доме

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Распространяется бесплатно и по подписке.

